The Neanderthal Parallax

HUMANS

Robert J. Sawyer



"Sawyer is a writer of boundless confidence and bold scientific extrapolation."
—*The New York Times*

Люди
Роберт Дж. Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Люди
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 39
Глава 39
Глава 40
Эпилог
Неандертальский мир
Генеалогическое древо Понтера Боддета
Благодарности

Аннотация

Неандертальский физик Понтер Боддет возвращается в наш мир для того, чтобы наладить официальные отношения между двумя мирами и начать научный и культурный обмен, а также воспользоваться шансом продолжить свои личные отношения с генетиком Мэри Воган.

Роберт Сойер
Люди

Если б это было так просто! — что где-то есть чёрные люди, злокозненно творящие чёрные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?..

Александр Солженицын

Посвящается
Марку Асквиту
Властелину множественных вселенных

Пролог

— Я совершил ужасную вещь, — сказал Понтер Боддет, сидя верхом на седлокресле в кабинете Журарда Селгана.

Селган принадлежал к поколению 144, на десять лет старше Понтера. Его волосы были умудрённо седы, а пробор раздался вширь и превратился в широкую реку лысины, впадающую в озеро покатого лба над надбровным валиком.

— Продолжайте.

— Мне казалось, что у меня нет выбора, — сказал Понтер, глядя в пол; его собственный надбровный валик отгораживал его от взгляда изумрудных глаз Селгана. — Мне казалось, что я должен был это сделать, но…

— Но сейчас вы сожалеете об этом?

Понтер молчал, упершись взглядом в устланный мхом пол кабинета.

— Вы сожалеете о содеянном?

— Я… я не уверен.

— Вы сделали бы это снова, доведись вам снова пережить тот момент?

Понтер коротко хохотнул.

— Что смешного? — спросил Селган; в его голосе было скорее любопытство, чем раздражение.

Понтер посмотрел на него.

— Я думал, только мы, физики, устраиваем мысленные эксперименты.

Селган усмехнулся.

— Мы с вами не так уж сильно различаемся. Мы оба пытаемся найти истину и разрешить загадку.

— Надо полагать, — согласился Понтер. Теперь он смотрел на гладкую, плавно закругляющуюся стену цилиндрического помещения.

— Вы не ответили на вопрос, — напомнил Селган. — Сделали бы вы это снова, будь такое возможно?

Понтер какое-то время молчал, и Селган его не торопил, давая обдумать ответ. Наконец, Понтер сказал:

— Я не знаю.

— Не знаете? Или просто не хотите сказать?

И снова Понтер молчал.

— Я хочу вам помочь, — сказал Селган, поёрзав на своём седлокресле. — Такова моя цель. Я не собираюсь вас судить.

Понтер снова засмеялся, но в этот раз его смех прозвучал удручённо.

— В этом-то всё и дело, так ведь? Никто *нас не судит.*

Селган нахмурился.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что в другом мире — на той, другой Земле — люди верят, что существует… у нас нет для этой концепции слова, но они называют это Бог. *Бесплотное высшее существо, которое создало вселенную.*

Селган покачал головой.

— Как у вселенной может быть создатель? Чтобы что-то было создано, оно должно иметь начало. Но у вселенной нет начала. Она существовала всегда.

— Вы знаете это, — сказал Понтер. — Я знаю это. Но они *этого не знают. Они считают, что их вселенной всего… они говорили про двенадцать миллиардов лет; полтораста миллиардов месяцев.*

— Что же существовало прежде этого момента?

Понтер нахмурился, припоминая свои разговоры с глексенской женщиной-физиком Лу Бенуа — как бы ему хотелось уметь правильно произносить их имена! — Они говорят, что до этого не было *времени; что время началось лишь*

с появлением вселенной.

— Какая странная идея, — сказал Селган.

— Согласен, — сказал Понтер. — Однако если бы они признали, что Вселенная существовала всегда, то в ней не нашлось бы места для этого их Бога.

— Ваш партнёр тоже физик, не так ли? — спросил Селган.

— Да, — сказал Понтер. — Адекор Халд.

— Так вот, я уверен, что вы часто разговариваете с Адекором о физике. Меня же больше интересуют другие вещи. Вы упомянули этого… этого «Бога» в связи с концепцией правосудия. Расскажите мне об этом подробнее.

Понтер помолчал пару мгновений, пытаясь сообразить, как лучше описать эту концепцию.

— Похоже, что бóльшая часть тех, других людей верит в так называемую «загробную жизнь» — в существование, которое следует за смертью.

— Но ведь это смешно, — сказал Селган. — Это терминологическое противоречие.

— О да, — согласился Понтер, улыбаясь. — Но это особенность их мышления — настолько распространённая, что они даже выдумали для неё специальное слово, словно, дав ему название,

они разрешают парадокс. Я не могу произнести это в точности, как они, но звучит это похоже на «о-ксу-мор-он».

Селган улыбнулся.

— Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из них попал ко мне — было бы интересно узнать, как функционирует такой разум. — Он помолчал. — Существование, которое следует за смертью: на что, по их мнению, оно похоже?

— Это самое интересное, — сказал Понтер. — Оно может принимать одну из двух форм, в зависимости от того, как вы вели себя, пока были живы. Если вы прожили хорошую, добродетельную жизнь, то будете вознаграждены чрезвычайно приятным посмертным существованием. Но если при жизни вы вели себя плохо или просто совершили при жизни какой-нибудь особенно злой поступок, то последующее существование будет состоять из сплошных мучений.

— И кто выносит решение? — спросил Селган. — О, погодите, кажется догадываюсь. Это решает Бог, так ведь?

— Именно. По крайней мере, они в это верят.

— Но почему? Почему они верят в нечто настолько нелепое?

Понтер слегка пожал плечами.

— На основании исторических свидетельств, оставленных людьми, якобы общавшихся с Богом.

— Исторических *свидетельств? — удивился Селган. — А сейчас кто-нибудь общается с этим Богом?*

— Некоторые утверждают, что общаются. Но я так понял, что это ничем не подтверждается.

— И этот Бог, он что, является арбитром для каждого человека?

— Предполагается, что да.

— Но в мире 185 миллионов человек; многие тысячи умирают ежедневно.

— Это у нас. В их мире живёт больше шести миллиардов человек.

— Шести миллиардов! — Селган покачал головой. — И каждый каким-то образом будет после смерти помещён в одно из двух мест, которые вы упомянули?

— Да. После суда.

Понтер увидел, как Селган скривил лицо. Детали глексенских верований явно заинтриговали скульптора личности, но его основным интересом были мысли самого Понтера. — «После суда», — повторил он, словно это слово было мясом, вкусом которого стоило как следует

насладиться.

— Именно, суда, — сказал Понтер. — Вы не понимаете? — У них нет имплантов-компаньонов. У них нет архивов алиби. Они не ведут всю жизнь подробную запись всех своих действий. У них ничего этого нет, потому что они верят, что им ничего этого не нужно. Они считают, что Бог смотрит на них и видит всё — и даже присматривает за ними, оберегает. И они верят, что никакое злое деяние в конечном итоге *не может сойти никому с рук.*

— Но вы сказали, что совершили нечто ужасное.

Понтер смотрел в окно на свой мир.

— Да.

— Там? В том, другом мире?

— Да.

— Но вы не разделяете их веру в этого их Бога.

Понтер фыркнул.

— Конечно, нет.

— И вы считаете, что вас никогда не будут судить за плохой поступок, который вы совершили?

— Именно. Не сказать, чтобы это было идеальное преступление. Но в том мире ни у кого нет никаких оснований подозревать меня, а здесь ни

у кого не может быть причин потребовать просмотра именно этой части моего архива алиби.

— Вы назвали это преступлением. Было это деяние преступным по меркам того, другого мира, в котором вы находились?

— О, да.

— А мы посчитали бы это преступлением, соверши вы его здесь?

Понтер кивнул.

— Что вы сделали?

— Я… мне стыдно об этом рассказывать.

— Я ведь сказал, я не собираюсь вас судить.

Понтер неожиданно для себя вскочил на ноги.

— В этом-то всё и дело! — крикнул он. — Никто *не будет меня судить — ни здесь, ни там. Я совершил преступление. Я получил* удовольствие, *совершая его. И да — завершим ваш мысленный эксперимент — да, я сделал бы это ещё раз, доведись мне пережить тот момент снова.*

Какое-то время Селган молчал, по-видимому, ожидая, пока Понтер успокоится.

— Понтер, я могу помочь вам, если вы мне это позволите, — сказал он. — Но вы должны говорить со мной. Вы должны рассказать мне, что произошло. Почему вы совершили это преступление? Что к нему привело?

Понтер снова сел, перебросив ноги через седлокресло.

— Я начну с моего первого посещения другой Земли, — сказал он. — Тогда я познакомился с женщиной по имени Мэре Воган…

Глава первая

Это был последний вечер Мэри в Садбери, и она по этому поводу испытывала неоднозначные чувства.

Она не сомневалась, что отъезд из Торонто пошёл ей на пользу. После того, что там произошло — *Боже мой*, подумала она, *неужели всего две недели назад?* — покинуть город, вырваться из окружения, которое постоянно напоминало ей о том ужасном вечере, было, несомненно, правильным решением. И хотя завершилось всё на немного грустной ноте, она бы ни на что не променяла те дни, что провела с Понтером Боддетом.

Её воспоминания о тех днях были словно подёрнуты флером: уж слишком фантастичными они казались. Однако бесчисленные фотографии, телерепортажи и даже рентгеновские снимки убеждали — всё это случилось на самом деле. Современный неандерталец с параллельной версии Земли каким-то образом проскользнул в нашу вселенную. Теперь, когда он отправился обратно, Мэри уже и сама с трудом в это верила.

Но это *было*. Понтер на самом деле был здесь, и она действительно в него…

Не преувеличивает ли она? Не делает ли из мухи слона?

Нет. Нет, именно это и произошло.

Она влюбилась в Понтера, и, возможно, он тоже полюбил её.

Если б только она была цельной, полноценной, не надломленной психологической травмой личностью, всё могло бы пойти по-другому. О, она бы всё равно не устояла перед добродушным великаном — но тем вечером, когда они смотрели на звёзды, когда он потянулся и взял её за руку, она бы не замерла от его прикосновения.

Это было слишком рано, сказала она ему на следующий день. Слишком мало времени прошло после…

Она ненавидела это слово; ненавидела произносить его, даже в мыслях.

Слишком мало времени прошло после изнасилования.

А ещё через день она возвращалась домой, туда, где произошло изнасилование — в кампус Йоркского университета в Торонто, к её прежней жизни преподавателя генетики.

К её прежней одинокой жизни.

Она будет скучать по многому, что осталось в Садбери. Например, по отсутствию пробок. Она будет скучать по друзьям, с которыми познакомилась здесь — Рубену Монтего и Луизе Бенуа. Будет скучать по расслабленной атмосфере Лаврентийского университета, где она провела исследование митохондриальной ДНК, доказавшее, что Понтер Боддет на самом деле неандерталец.

Но больше всего, осознала она, стоя на обочине сельской дороги и глядя в безоблачное ночное небо, ей будет не хватать *вот этого*. Вида бескрайних звёздных россыпей. Вида Туманности Андромеды, которую показал ей Понтер. Вида изгибающегося над головой Млечного пути.

А ещё…

Да!

Да!

Особенно она будет скучать вот по этому — по виду северного сияния, мерцающего и волнующегося по всему небу: бледно-зелёные полотнища, призрачные занавеси.

Мэри и правда надеялась в тот вечер снова увидеть северное сияние. Она возвращалась из дома Рубена в городке Лайвли (ха-ха!), с прощального барбекью с Рубеном и Луизой; и она съехала на

обочину специально, чтобы ещё раз полюбоваться ночным небом.

И небеса пошли навстречу. Зрелище захватывало дух.

Теперь северное сияние будет всегда ассоциироваться у неё с Понтером. Она была с ним, когда увидела это впервые. Она почувствовала странное ощущение в груди, будто распирающий её священный трепет, вызванный разворачивающимся на небе действом, начал ослаблять сдавливающую её печаль.

Северное сияние было прекрасно.

А его не было.

Небесные огни мерцали и переливались, их холодный зелёный свет заливал окрестности, очерчивая силуэты берёз и осин, ветви которых слегка колыхались под мягким августовским бризом.

Понтер говорил, что он часто видит северное сияние. Отчасти из-за того, что приспособленные к холоду неандертальцы предпочитают селиться в более высоких широтах, чем люди этой Земли.

Отчасти — из-за того, что благодаря феноменально острому нюху неандертальцев и вечно бдящим имплантам-компаньонам в его мире безопасно даже ночью; в родном городе Понтера

Салдаке, расположенном на том же месте, где на этой Земле был Садбери, не было уличного освещения.

А третья причина была в том, что неандертальцы большую часть своих энергетических потребностей удовлетворяют чистой солнечной энергией, благодаря чему небеса в их мире гораздо прозрачнее.

Мэри дожила до тридцати восьми лет, ни разу в жизни не видев северного сияния. Она вряд ли вернется в Северное Онтарио в обозримом будущем, так что она знала, что сегодня, возможно, она видит волнующееся море небесных огней в последний раз.

И она упивалась этим зрелищем.

Понтер говорил, что некоторые вещи одинаковы на обеих версиях Земли: крупные детали географии, большинство видов растений и животных (хотя в мире неандертальцев, никогда не убивавших больше, чем требуется для пропитания, до сих пор жили мамонты и моа), общее устройство климата. Но Мэри — учёный: она разбиралась в теории хаоса, знала, как взмах бабочкиных крыльев может изменить погоду на другом конце света. Разумеется, из того, что небо чисто и безоблачно на этой Земле, никак не сле-

довало, что то же самое верно для мира Понтера.

Однако если погодные условия всё-таки совпали, то, возможно, Понтер сегодня тоже смотрит на ночное небо.

И, возможно, думает о Мэри.

Понтер, разумеется, увидит те же самые созвездия, пусть и называет он их по-другому; ничто, происходящее на Земле, не в силах изменить пути далёких звёзд. Но будет ли северное сияние таким же? Имеют бабочки или люди какое-либо влияние на хореографию небесных огней? Возможно, они с Понтером смотрят на одну и ту же картину — развевающиеся световые полотнища и протянувшиеся поперёк них семь звёзд Большого Ковша (или, как он их называет, Головы Мамонта).

Да, он запросто может сейчас смотреть на те же переливы света, что и она, на вот эту волну, что пошла налево, на тот же…

О Господи!

Мэри ощутила, как у неё падает челюсть.

Световой занавес расходился посередине, словно лист аквамариновой папиросной бумаги, который разрывают гигантские руки. Разрыв удлинялся и расширялся, начавшись в зените и уходя к горизонту. Мэри не видела ничего

подобного в тот, первый раз, когда смотрела на северное сияние.

В конце концов полотнище разделилось надвое, словно Красное море перед Моисеем. Какие-то искры — хотя вряд ли это могли быть искры — заполняли пространство между половинками. А потом правая половина словно бы завернулась вверх, как штора на окне поезда, по мере подъёма меняя цвет — зелёный, синий, фиолетовый, оранжевый, бирюзовый…

А потом небо вспыхнуло всеми цветами радуги, и вся правая сторона северного сияния пропала.

Оставшаяся половина теперь бурлила и закручивалась, словно всасываемая в отверстие в небосводе. Кружение ускорялось, от него разлетались брызги холодного зелёного пламени.

Мэри заворожено смотрела. Пусть она всего во второй раз видела северное сияние, но фотографии в книгах и журналах попадались ей на глаза довольно часто. Она знала, что фотографии не дают полного представления; знала, что северное сияние волнуется и дрожит.

Но *такого* она никак не ожидала.

Светящийся вихрь продолжал сжиматься, по мере сжатия становясь всё ярче, и, наконец, с лёгким хлопком — или, может, он ей просто по-

чудился — исчез.

Мэри отступила назад и упёрлась в холодный металл своего взятого напрокат «додж-неона». Внезапно она осознала, что не слышит звуков ночного леса: насекомые, лягушки, совы, летучие мыши затихли, словно все они тоже наблюдали за происходящим в небе чудом.

С растревожено бьющимся сердцем Мэри залезла обратно в машину; в голове металась одна мысль:

Интересно, это так и должно быть?

Глава вторая

Журард Селган поднялся с седлокресла и ходил вдоль периметра круглого кабинета, пока Понтер Боддет рассказывал ему о своём первом визите в мир глексенов.

— То есть в ваших отношениях с Мэре Воган остался элемент неудовлетворённости? — сказал Селган, возвращаясь на своё место.

Понтер кивнул.

— Отношения часто остаются невыясненными, — сказал Селган. — Было бы здорово, если бы в данном случае это было не так, но, без сомнения, в вашей жизни уже случались отношения, которые закончились не так, как вам бы хотелось.

— Да, — очень тихо произнёс Понтер.

— Вы подумали о ком-то конкретном, не правда ли? — сказал Селган. — Расскажите.

— Моя партнёрша, Класт Харбен, — сказал Понтер.

— Ах. Ваши отношения с ней завершились? Кто инициировал разрыв?

— Никто, — мрачно ответил Понтер. — Класт умерла двадцать месяцев назад.

— О, — сказал Селган. — Мои соболезнования. Она была… она была старше вас?

— Нет. 145-я, как и я.

Бровь Селгана заползла на надбровный валик.

— Несчастный случай?

— Рак крови.

— Ах, — сказал Селган. — Трагедия. Но…

— Не говорите этого, Селган. — В голосе Понтера блеснул металл.

— Не говорить чего?

— Того, что вы собирались сказать.

— И что, по-вашему, я собирался сказать?

— Что мои отношения с Класт завершились внезапно, так же, как и мои отношения с Мэре.

— Вы так на это смотрите?

— Я знал, что не стоило сюда приходить, — сказал Понтер. — Вы, скульпторы личности, считаете свои выводы такими глубокомысленными. А они все лежат на поверхности. «Отношения с Зелёной завершились внезапно, и это напомнило вам о том, как завершились отношениях с Красной». — Понтер презрительно фыркнул.

Сеган несколько тактов сидел молча, по-видимому, ожидая, что Понтер скажет что-нибудь ещё. Не дождавшись, заговорил сам.

— Однако это вашими стараниями портал

между нашим миром и миром Мэре открыли снова. — Он замолчал, оставив фразу висеть в воздухе, и в конце концов Понтер ответил:

— И вы считаете, что причина в этом? Что меня не заботили последствия такого шага для нашего мира? Что всё, о чём я беспокоился — это мои незавершённые отношения?

— Так скажите мне, — мягко предложил Селган.

— Всё было совершенно не так. Нет, конечно, существует некоторое поверхностное сходство того, что случилось между мной и Класт, и того, что произошло между мной и Мэре. Но я учёный. — Сердитый взгляд его золотистых глаз впился в лицо Селгана. — Настоящий *учёный. Я понимаю, где имеется истинная симметрия — не в этом случае — и умею отличить её от ложной аналогии.*

— Но вы в самом деле оказывали давление на Верховный Серый совет. Я видел это по визору, как и тысячи других людей.

— Да, но… — он замолк.

— Но что? О чём вы тогда думали? Чего стремились достичь?

— Ничего — кроме того, что считал наилучшим для своего народа.

— Вы в этом уверены? — спросил Селган.

— Разумеется, уверен! — *рявкнул Понтер.*

Селган молчал, давая Понтеру прислушаться к эху его собственных слов, отражённому от полированных деревянных стен.

* * *

Понтер Боддет признавал, что ничто из пережитого им ранее — по сути, ничто из пережитого *кем бы то ни было* в его мире — не было настолько пугающим, как его перемещение в странный параллельный мир, куда он прибыл в полной темноте и едва не утонул в гигантском водяном баке сразу по прибытии.

Однако из всего пережитого им ранее в *этом* мире вряд ли что повергало его в такой ужас, как выступление перед Верховным Серым советом. Ведь это был не просто местный Серый совет; *Верховный* Серый совет управлял всей планетой, и его члены специально приехали сюда, в Салдак, чтобы встретиться с Понтером и Адекором и увидеть квантовый компьютер, с помощью которого уже дважды открывался портал в иную реальность.

Никто из членов Верховного Серого совета не был моложе 143-го поколения, то есть на два-

дцать лет старше Понтера. Мудрость и опыт, а так же, при определённых обстоятельствах, злобное упрямство достигали в этих людях наивысшего расцвета.

Понтер мог просто бросить это дело. Никто не заставлял их с Адекором снова открыть портал в другой мир. В самом деле, никто на свете, кроме, может быть, той женской группы из Эвсоя, не смог бы их уличить, вздумай они утверждать, что открытие портала оказалось невоспроизводимой флуктуацией.

Однако возможности для торговли между двумя мирами были слишком велики, чтобы Понтер мог их проигнорировать. Обмен информацией был возможен совершенно точно: знания народа Понтера о сверхпроводимости в обмен на, скажем, космические технологии глексенов. Но вдобавок к этому был возможен и культурный обмен: произведения искусства этого мира на произведения искусства того; скажем, *дибалат* итеративного эпоса на, скажем, пьесу того же Шекспира, о котором часто слышал в том мире; скульптуры великого Кайдаса на полотна глексенских мастеров.

Разумеется, думал Понтер, он действовал исключительно из этих благородных побуждений.

Разумеется, он не имел никаких личных выгод от возможного открытия портала. Да, была Мэре. Но Мэре, без сомнения, не могла быть по-настоящему увлечена существом, настолько отличным от привычных ей мужчин — волосатому там, где мужчины её вида безволосы, приземистому и кряжистому, тогда как большинство глексенов худые и стройные, существом с надбровным валиком, выпирающим над глазами золотистого, а не голубого или коричневого цвета, как у большинства представителей её вида.

У Понтера не было сомнений, что Мэре действительно страдает от травмы, про которую говорила, но это наверняка была не самая главная из множества причин, по которым она отвергла его поползновения.

Но нет.

Не так.

Их по-настоящему тянуло друг к другу. Взаимно. Сквозь границы биологических видов и мировых линий, эта тяга была реальной. Понтер был в этом уверен.

Но будет ли лучше, если контакт возобновится? Он хранил и лелеял свои воспоминания о проведённых с ней днях — и это были только воспоминания, поскольку имплант-компаньон не

мог ничего передавать в архив алиби с той стороны. Мэре существовала лишь в его воображении, его мыслях и снах; не было никакой объективной реальности, с которой можно бы было сравнить её мысленный образ, за исключением нескольких мгновений, в течение которых она попала в поле зрения робота, спущенного Адекором в портал, чтобы позвать Понтера домой.

Несомненно, так было лучше. Восстановление контакта могло испортить то, что между ними уже произошло.

И всё же…

И всё же, похоже на то, что портал всё-таки откроют снова.

Понтер посмотрел на Адекора Халда, своего партнёра, стоящего рядом с ним в небольшом вестибюле. Адекор ободряюще кивнул. Перед ними были массивные двери зала заседаний Совета. Понтер подхватил сложенную деркерову трубу, которую они принесли с собой, и они вошли в зал, готовые к встрече с Верховными Серыми.

* * *

— Само присутствие здесь учёного Боддета, — Адекор сделал жест в сторону Понтера, — является прямым доказательством того, что человек

может пройти в иную вселенную и вернуться обратно без вреда для себя.

Понтер смотрел на двадцатерых Серых: десять мужчин и десять женщин, по двое от каждого из десяти региональных правительств. На некоторых мероприятиях женщины садились в одной части помещения, а мужчины — в другой. Однако Верховный Серый совет имел дело с вещами, касающимися всего вида, поэтому мужчины и женщины, собравшиеся здесь со всех концов света, сидели вперемежку, образуя большой круг.

— Однако, — продолжал Адекор, — помимо Жасмель, дочери Понтера, которая просунула в портал голову во время спасательной операции, более никто из нашего мира в том мире не бывал. Когда мы создали портал впервые, это была случайность — побочный эффект эксперимента с квантовыми вычислениями. Но теперь нам известно, что наша вселенная и та, другая, в которой доминируют глексены, каким-то образом *спутаны*. Портал всегда открывается в одну и ту же из неисчислимого множества альтернативных вселенных, существующих в соответствии с современными физическими теориями. И из предыдущего опыта нам известно, что портал остаётся открытым, пока через него проходит

твёрдое тело.

Бедрос, пожилой мужчина с Эвсоя, насупился на Адекора.

— Так что вы предлагаете, учёный Халд? Просунуть сквозь портал палку, чтобы не дать ему закрыться?

Понтер, стоящий рядом с Адекором, немного повернулся, чтобы Бедрос не заметил его усмешки.

Адекору повезло меньше; он смотрел Бедросу в глаза и не мог отвести взгляд так, чтобы не показаться невежливым.

— Ну… нет, — сказал он. — У нас на уме было нечто более… практичное, скажем так. Дерн Корд, наш знакомый инженер, предложил вставить в портал деркерову трубу.

Они заранее договорились, что в этот момент Понтер развернёт трубу. Он всунул пальцы в узкое отверстие и сильно потянул в стороны. Труба, сделанная их переплетения металлических стержней, с лязгом начала растягиваться, пока её диаметр не превысил рост человека.

— Эти конструкции применяются для укрепления стен шахтных туннелей на случай непредвиденных ситуаций, — объяснил Понтер. — Будучи развёрнутой, она уже не может свернуться обратно. Для того, чтобы привести её в исходное

состояние, нужно разблокировать фиксатор на каждом пересечении металлических стержней специальным инструментом; никак иначе.

Бедрос, вопреки ожиданиям, ухватил идею сразу же.

— И вы думаете, что если просунуть такую штуку в портал, то он будет оставаться открытым неограниченно долго, и люди смогут ходить по этой трубе, как по тоннелю между двумя вселенными?

— Именно так, — подтвердил Понтер.

— А болезни? — спросила Журат, женщина 141-го поколения из местных Серых. Она сидела напротив Бедроса, так что Понтеру и Адекору пришлось развернуться, чтобы говорить с ней. — Я так поняла, что вы тяжело заболели, когда попали в другой мир.

Понтер кивнул.

— Да. Я там познакомился с глексенским физиком, которая… — Он замолчал, услышав, как один из Серых хихикнул. Самому Понтеру это уже не казалось смешным, но для человека непривычного это звучало как «пещерный философ». — Так вот, — продолжил Понтер, — она предположила, что наши вселенные разошлись где-то сорок тысяч лет назад; это примерно полмиллиона

месяцев. Глексены после этого глексены жили очень скученно и искусственно разводили многие виды животных, которыми питались. В этой среде, вероятно, появилось множество болезней, от которых у нас нет иммунитета. Также возможно, что у нас есть болезни, к которым нет иммунитета у них, хотя, как мне сказали, вероятность этого невелика, поскольку у нас плотность населения гораздо меньше. В любом случае, нам понадобится какая-то система обеззараживания, через которую должен будет проходить каждый путешественник, независимо от того, в каком направлении он движется.

— Постойте, — сказал Жиндо, мужчина из южных земель по ту сторону от необитаемого экваториального пояса. К счастью, он сидел рядом с Журат, и Понтеру с Адекором не пришлось снова разворачиваться. — Туннель между мирами будет располагаться на дне Дебральской никелевой шахты, в тысячах саженей под землёй, не так ли?

— Да, — подтвердил Понтер. — Видите ли, наш квантовый компьютер, с помощью которого мы открываем портал, должен быть экранирован от солнечной радиации, иначе он не сможет работать. Такое экранирование обеспечивает толща

горных пород.

Бедрос кивнул, и Адекор повернулся к нему.

— Это означает, что между мирами сможет перемещаться лишь относительно небольшое число людей.

— То есть, — подхватила Журат, понявшая, что имеет в виду Бедрос, — мы можем не беспокоиться насчёт вторжения. — Адекор повернулся к ней, Понтер по-прежнему смотрел на Бедроса. — Путешественнику придётся не только пройти через вот этот узкий туннель, но ещё и добраться до поверхности, прежде чем он попадёт в наш мир.

Понтер кивнул.

— Именно так. Вы смотрите в самую кость.

— Я понимаю ваш энтузиазм в этом деле, — подала голос Пандаро, председатель Совета, галасойка 140-го поколения, до этого момента сохранявшая молчание. Она сидела примерно посередине между Бедросом и Журат, так что Понтер повернулся налево, а Адекор — направо, чтобы оказаться лицом к ней. — Но я хотела бы уточнить. Правильно ли я понимаю, что глексены не могут сами открыть портал с той стороны?

— Это так, председатель, — сказал Понтер. — Я, разумеется, многого не знаю об их компьютерных технологиях, но до создания квантового компью-

тера типа того, что построили мы с Адекором, им ещё очень далеко.

— Насколько далеко? — спросила Пандаро. — Сколько месяцев?

Понтер бросил взгляд на Адекора — в конце концов, он был экспертом по материальной части. Однако по выражению лица Адекора он понял, что тот ответить не готов.

— Я думаю, по меньшей мере триста; возможно, значительно больше.

Пандаро развела руками, словно ответ был очевиден с самого начала.

— Стало быть, нам некуда торопиться. Мы можем изучить дело подробно и без спешки и…

— *Нет!* — воскликнул Понтер. Взгляды всех присутствующих устремились к нему.

— Прошу прощения? — холодным тоном произнесла председатель.

— Я хотел сказать… просто… что мы не знаем, насколько воспроизводим феномен на длительных отрезках времени. Любое из граничных условий может измениться, и тогда…

— Я понимаю ваше стремление продолжить работу, учёный Боддет, — сказала председатель, — но речь идёт о переносе болезней, о заражении…

— У нас уже есть технологии, позволяющие решить эту проблему, — сказал Понтер.

— Теоретически, — подала голос ещё одна из членов совета. — На практике же метод Кажака никогда не использовался для этой цели. У нас нет полной уверенности…

— Какие вы все *робкие*, — прервал её Понтер. Адекор бросил на него шокированный взгляд, но Понтер не обратил на партнёра внимания. — *Они* бы не были так напуганы. Они поднимались на высочайшие вершины их мира! Опускались на дно океана! Они летали в космос! Они были на Луне! Им не свойственна стариковская трусливость…

— *Учёный Боддет!* — громоподобный глас председателя словно заполнил собой весь Зал Совета.

Понтер замолчал.

— Я… я прошу прощения, — сказал он, — я не имел в виду…

— Я думаю, всем совершенно ясно, что вы имели в виду, — сказала Пандаро. — Но осторожность — это и есть наша работа. На наших плечах — благополучие всего мира.

— Я знаю, — сказал Понтер, пытаясь заставить голос звучать ровно. — Я знаю, но ведь ставка очень высока. Мы не можем просто ждать месяц

за месяцем. Мы должны действовать. *Вы* должны действовать. Прямо сейчас.

Понтер почувствовал, как рука Адекора мягко легла на его плечо.

— Понтер… — тихо сказал он.

Но Понтер дёрнул плечом и высвободился.

— Мы не были на Луне. Мы, вероятно, никогда не полетим на Луну — и это значит, что мы не полетим ни на Марс, ни к звёздам. Эта параллельная Земля — единственный мир, кроме нашего собственного, к которому наш народ когда-либо получит доступ. И такую возможность никак нельзя упускать.

* * *

Эта история походила на городскую легенду, но Мэри слышала её так часто, что подозревала, что она всё же правдива. Рассказывали, что когда Торонто в 1960-х годах решил обзавестись вторым университетом, то проект кампуса был целиком куплен у одного из университетов американского Юга. Это казалось хорошей идеей в плане экономии средств, однако никто не позаботился принять во внимание климатические различия.

Это всегда создавало проблемы, особенно зимой. Изначально между зданиями кампуса было

много открытого пространства, но постепенно оно было застроено новыми. Теперь в кампусе стало тесно — сталь и стекло, кирпич и бетон громоздились повсюду.

И всё же здесь были вещи, которые Мэри находила неповторимыми. Например, название школы бизнеса, мимо здания которой она сейчас проходила — она носила имя некоего Шулика, и произносилось это именно как shoe lick[1].

До начала занятий оставалась ещё неделя, и в кампусе было пустынно. Хотя день был в самом разгаре, Мэри обнаружила, что нервничает, шагая по пустынным аллеям, сворачивая за углы, проходя мимо глухих стен, протискиваясь в узкие проходы.

Это случилось здесь. Её изнасиловали здесь.

Как и в большинстве североамериканских университетов, студенток в Йоркском в наши дни больше, чем студентов. И всё же из более чем сорока тысяч учащихся примерно двадцать тысяч — мужчины, каждый из которых теоретически может оказаться преступником — если предположить, что насильник — студент университета.

---

[1] Примечания: 1

Schulich — shoe lick — нечто вроде «лизни башмак». *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Но нет, так неправильно. Университет находится в Торонто, а более космополитичный город надо ещё поискать. У насиловавшего её мужчины была светлая кожа и голубые глаза. Это исключало существенную часть населения кампуса.

А ещё он курит — Мэри живо вспомнилась табачная вонь в его дыхании. Хотя её внутренне передёргивало каждый раз, когда она видела закуривающего студента, всё же их нынешнее поколение родилось в 80-е, через два десятилетия после того, как министр здравоохранения США Лютер Терри заявил, что курение табака смертельно опасно. Мэри знала, что курит сейчас лишь малая часть женщин и ещё меньшая — мужчин.

Поэтому напавший на неё человек не был «кем угодно» — он принадлежал к подмножеству подмножества подмножества: мужчина, голубоглазый, курит.

Если бы Мэри его нашла, то смогла бы доказать его вину. Возможность применить профессиональные навыки в практических целях возникает у генетика нечасто, но в ту ужасную ночь они оказались как нельзя кстати. Мэри знала, как нужно хранить образцы семени насильника, содержащие ДНК, которая способна неопровер-

жимо его изобличить.

Мэри продолжила свой путь через кампус. Сейчас ещё не было толп, сквозь которые приходится пробираться. Однако в толпе она, должно быть, чувствовала бы себя увереннее. В конце концов, изнасилование произошло во время летних каникул, когда кампус пустеет. Толпа означает безопасность — неважно, в африканской саванне или в Торонто.

В этот момент Мэри заметила приближающегося к ней мужчину. Её пульс встревожено зачастил, но она продолжила идти; не может же она теперь всю жизнь сворачивать в сторону при виде мужчины. Однако…

Однако мужчина был белый — это очевидно даже на таком расстоянии.

У него были светлые волосы. Она не видела волос того, кто на неё напал; на нём была лыжная маска. Но голубые глаза часто сочетаются со светлыми волосами.

Мэри на секунду зажмурилась, отгородившись от яркого солнца, запершись в своём внутреннем мире. Возможно, ей и правда стоило последовать за Понтером через портал в его неандертальскую вселенную. Эта мысль несомненно посетила её, когда она металась по кампусу Лаврентийского

университета, разыскивая Понтера, а потом вместе с ним мчалась к шахте «Крейгтон» и вниз, на её дно, стремясь успеть туда прежде, чем портал в иную реальность снова захлопнется. В конце концов, там она бы точно была недосягаема для насильника.

Идущий навстречу человек был уже в десятке метров от неё. Молодой — вероятно, студент летнего семестра, в джинсах и футболке.

И в солнцезащитных очках. Стоял солнечный летний день; Мэри и сама нацепила свои «фостер-грантс». Невозможно было определить, какого цвета его глаза, хотя они, конечно, не могли быть золотистыми, как у Понтера — она никогда и ни у кого больше не видела таких глаз.

Мэри внутренне сжалась; мужчина подходил всё ближе.

Даже если бы на нём не было солнцезащитных очков, Мэри всё равно так и не узнала бы, какого цвета его глаза. Когда он проходил мимо, она обнаружила, что смотрит в сторону и не может заставить себя посмотреть на него.

Да чтоб тебя, подумала она. *Провались ты…*

Глава 3

— Значит, — сказал Журард Селган, — несмотря на вашу… ваше…

Понтер пожал плечами.

— Мою нахрапистость, — сказал он. — Мы же не должны бояться называть вещи своими именами?

Селган качнул головой, принимая вариант Понтера.

— Хорошо. Несмотря на вашу нахрапистость Верховный Серый совет не стал принимать решение немедленно, не так ли?

— Не стал, — подтвердил Понтер. — И я полагаю, что они были правы, желая хорошенько обдумать ситуацию. Двое уже готовились стать Одним, так что в заседаниях Совета был сделан перерыв…

* * *

Двое становятся Одним — такая простая фраза, но несущая в себе такую смысловую нагрузку и внутреннюю сложность для Понтера и его народа.

Двое становятся Одним: ежемесячный пятидневный праздник, вокруг которого строится вся остальная жизнь.

Двое становятся Одним: период, когда взрослые мужчины, обычно живущие на Окраине города, приходят в Центр, чтобы провести время со своими партнёршами и детьми.

Это больше, чем перерыв в работе, больше, чем отвлечение от рутины. Это огонь, питающий культуру; это узы, связывающие семьи.

Автобус на воздушной подушке опустился перед домом Понтера и Адекора. Двое мужчин вошли через задние двери и нашли пару незанятых седлокресел. Водитель запустил вентиляторы, автобус приподнялся над землёй и двинулся к соседнему дому, располагавшемуся на некотором отдалении.

Раньше Понтеру и в голову бы не пришло задуматься о такой обыденной вещи, как автобус, но сегодня он не мог не отметить, насколько элегантным было его техническое решения по сравнению с транспортными средствами глексенского мира. Там экипажи любого размера катались по земле на колёсах. Всюду, где он успел побывать в мире глексенов (надо признать, всего-то в паре-тройке мест), он встречал широкие

плоские тропы, покрытые искусственным камнем для того, чтобы колесу было легче катиться.

И как будто одного этого им было мало, глексены ещё и использовали в качестве источника энергии для своих колёсных машин химические реакции — причём такие, конечные продукты которых невыносимо воняли. По-видимому, глексенов это беспокоило гораздо меньше, чем Понтера; оно и понятно, если принять во внимание их крошечные носы.

Какой удивительный зигзаг природы! Понтер знал, что громадные носы его вида — по размеру большие, чем у всех других приматов — развились в последнюю ледниковую эпоху. По словам доктора Сингха, глексена, который обследовал его в больнице, объём носовой полости у неандертальцев в шесть раз превышает глексенский. Первоначальной целью, по-видимому, было увлажнение холодного воздуха прежде чем он доберётся до чувствительных лёгочных тканей. Однако громадные ледники в конце концов отступили, большие же носы остались из-за благоприятного побочного эффекта, каковым является отличное обоняние.

Если бы не это, соплеменники Понтера, возможно, тоже стали бы использовать те же

нефтепродукты и загадили бы свою атмосферу точно так же. Ирония ситуации не ускользнула от Понтера: разновидность людей, которую он всю жизнь считал ископаемыми, отравляет свои небеса тем, что они сами называют ископаемым топливом.

Хуже того: каждый взрослый глексен, по-видимому, имел своё собственное, персональное транспортное средство. Какое немыслимое расточительство! Большая часть этих машин большую часть каждого дня просто стояла. Салдак, город, в котором жил Понтер, содержал около трёх тысяч транспортных кубов при населении двадцать пять тысяч человек — и Понтеру частенько казалось, что и это слишком много.

Автобус опустился перед соседним домом. В автобус вошли соседи Понтера и Адекора, Торб и Гаддак, а также сыновья-близнецы Гаддака. Мальчики переезжают от матери к отцу в десятилетнем возрасте. У Адекора всего один ребёнок, восьмилетний Даб, он переедет к ним через год с лишним. У Понтера детей двое, но обе девочки: Мегамег Бек, 148-я, ей тоже восемь лет, и Жасмель Кет, 147-я, ей восемнадцать.

Сам Понтер, как и его партнёр Адекор, принадлежал к поколению 145, так что им обоим было

тридцать восемь. Вот ещё одна ненормальная особенность мира глексенов: они не контролировали циклы своего размножения, и дети у них рождались не каждые десять лет, а как придётся, непрерывно, каждый год. Так что вместо стройной дискретной возрастной структуры возраст людей образовывал непрерывный спектр. Понтер пробыл в их мире недостаточно долго, чтобы выяснить, как в таких условиях умудряется функционировать их экономика. Вместо постепенного перепрофилирования производства с одежды для младенцев на детскую, на подростковую, на молодёжную, глексены вынуждены постоянно выпускать одежду для всех возрастов одновременно. И ещё у них есть такое нелепое понятие как «мода» — про неё рассказывала Лу Бенуа: когда хорошую новую одежду выбрасывают, поскольку она не удовлетворяет изменчивым эстетическим предпочтениям.

Автобус снова приподнялся над землёй. Дом Торба и Гаддака был последней остановкой на Окраине; Понтер устроился поудобнее в предвкушении долгого пути в Центр.

* * *

Как обычно, женщины постарались украсить

город — огромные гирлянды пастельной расцветки протянулись между деревьями, стволы берёз и кедров обёрнуты цветными лентами, на крышах развеваются флаги, солнечные панели украсились золотой каймой, модули переработки отходов — серебряной.

Понтер долгое время подозревал, что женщины вообще не снимают украшения, оставляя их висеть до следующего раза, но Адекор сказал, что не видел их, когда наведывался в Центр в Последние Пять в поисках представителя на дутом процессе, затеянном Даклар Болбай.

Автобус опустился на землю. Пора листопада ещё не наступила, хотя когда Двое станут Одним ещё через месяц, он уже начнётся, и вентиляторы автобуса будут поднимать с земли тучи жёлтых, красных, коричневых листьев. Понтер будет рад, когда снова начнёт холодать.

Понтер, специалист по компьютерам, автоматически отметил, что Торб, Гаддак и сыновья-близнецы Гаддака вышли наружу первыми: автобус работал по принципу «последний вошёл — первый вышел». Понтер и Адекор покинули автобус вслед за ними. Лурт, партнёрша Адекора, заспешила к ним, сопровождаемая маленьким Дабом. Адекор подхватил сына на руки

поднял его высоко над головой. Даб захохотал, и Адекор тоже широко заулыбался. Он снова поставил Даба на землю и крепко обнял Лурт. В этот раз они расставались не на полный месяц — они оба присутствовали на *доосларм басадларм*, предварительных слушаниях по обвинению Адекора в убийстве Понтера, которое выдвинула Даклар Болбай после того, как Понтер провалился в другую вселенную. Но Адекор всё равно был вне себя от радости при виде своей женщины и ребёнка.

Партнёрша Понтера Класт умерла, но он ожидал, что его дочери придут его встретить. Конечно, он с ними тоже виделся совсем недавно; Жасмель принимала деятельное участие в операции по возвращению Понтера из мира Глексенов.

Адекор виновато взглянул на Понтера. Понтер знал, что Адекор очень любит его, и он демонстрировал свою любовь двадцать пять дней каждого месяц. Но сейчас наступило время для Лурт и Даба, и он собирался насладиться каждым его тактом. Понтер кивнул, словно отпуская Адекора, и тот пошёл прочь, правой рукой обнимая за талию Лурт, а в левой держа Даба.

Мужчины вокруг приветствовали своих женщин, мальчики уходили с девочками своего поколения. Да, в последующие четыре дня бу-

дет очень много секса, но также будут игры, семейные пикники, массовые гуляния и прочие увеселения.

Понтер огляделся. Толпа быстро редела. День был неприятно жаркий, и он вздохнул — но не только по этому поводу.

— Я могу позвонить Жасмель, если хочешь, — сказала Хак, имплант-компаньон, вживленный в его левое предплечье над самым запястьем. Как и большинство компаньонов, она выглядела как прямоугольный матовый экран высокой контрастности размером примерно с палец, шесть крошечных контрольных штырьков под ним и линза объектива сбоку. Однако в отличие от большинства компаньонов, которые были не более, чем неразумными компьютерами, Хак обладала высокоразвитым искусственным интеллектом, разработанным коллегой Понтера Кобастом Гантом.

Хак говорила не вслух, хотя и могла. Понтер стал воспринимать её как существо женского рода с тех пор, как Кобаст сделал так, чтобы она разговаривала голосом покойной партнёрши Понтера. Однако в такие дни, как сегодня, это казалось ему огромной ошибкой: этот голос напоминал, как сильно ему не хватает Класт. Он

должен поговорить с Кобастом насчёт замены голоса у компаньона.

— Нет, — тихо ответил Понтер. — Нет, никому звонить не надо. У Жасмель, знаешь ли, есть друг. Он, должно быть, приехал другим автобусом, и они уже ушли.

— Как скажешь, — ответила Хак.

Понтер огляделся. Здания в Центре выглядели почти так же, как и на Окраине. Центральная структура большинства из них была выращена методами древокультуры — стволы деревьев наращивали вокруг строительного шаблона, который потом убирали. У многих были кирпичные или деревянные пристройки, добавленные позже. У всех были массивы солнечных панелей, установленные либо на крышах, либо на окружающей территории. В более суровом климате здания приходилось строить целиком, но Понтеру такие сооружения всегда казались уродливыми. А вот глексены, похоже, *все* свои здания строят таким образом, да ещё и вплотную друг к другу, как стадо травоядных животных.

Кстати о животных; сегодня днём будет охота на мамонта, мясо которого будут есть на завтрашнем празднестве. Возможно, Понтеру стоит присоединиться к охотничьей команде. Он уже

давным-давно не брал в руки копья и не приносил домой мяса, добытого собственноручно. В конце концов, это хоть как-то его займёт — его и других мужчин, которым не с кем проводить время.

— Папа!

Понтер развернулся и увидел бегущих к нему Жасмель и её друга, Триона. Понтер почувствовал, как его лицо расплывается в улыбке.

— Здравый день, милая, — сказал он, когда они приблизились. — Здравый день, Трион.

Жасмель обняла отца. Трион смущенно топтался в сторонке. Когда Жасмель отпустила Понтера, Трион сказал:

— Рад видеть вас. Слышал, с вами случилось невероятное приключение.

— Да уж, — ответил Понтер. К этому парню он испытывал смешанные чувства, как и, наверное, любой отец молодой женщины. Да, Жасмель про Триона рассказывала только хорошее — он всегда к ней прислушивается, внимателен во время секса, учится на кожевника, то есть собирается производить ценный вклад в общественное благо. И всё же Жасмель — его дочь, и он хотел для неё только самого лучшего.

— Прости, что опоздали, — скала Жасмель.

— Ничего, — ответил Понтер. — А где Мегамег?

— Она решила, что больше не хочет, чтобы её так называли, — сказала Жасмель. — Теперь она хочет, чтобы её звали просто Мега.

Мега было её настоящим именем; Мегамег — уменьшительная форма от него. Его старшая дочь выросла, и младшая тоже быстро растёт.

— Ах, — сказал он. — Ладно. Так где же наша Мега?

— Играет с друзьями, — сказала Жасмель. — Мы повидаемся с ней позже.

Понтер кивнул.

— А вы двое чем планировали заняться сегодня утром?

— Мы думали, что все вместе поиграем в *лагатсу*, — предложил Трион.

Понтер посмотрел на него. Трион был, насколько Понтер мог судить, довольно красив: широкие плечи, далеко выступающий надбровный валик, чётко очерченный нос, глаза густого фиолетового оттенка. Однако причуды молодости не обошли его стороной — вместо того, чтобы свободно спадать по сторонам головы, его рыжеватые светлые волосы были зачёсаны налево и, должно быть, удерживались в таком состоянии какой-то липкой субстанцией.

Понтер уже готов был согласиться на игру в

лагатсу — он не гонял мячик уже не один декамесяц, однако вспомнил себя в их возрасте, двадцать лет назад, когда только начал ухаживать за Класт. Последнее, чего он мог тогда пожелать — это чтобы отец Класт отирался неподалёку.

— Нет, — сказал он. — Идите гуляйте. Встретимся вечером за ужином.

Жасмель пристально посмотрела на отца, и он понял, что она понимает, что на самом деле ему хотелось бы другого. Но Трион, не будь дурак, немедленно поблагодарил Понтера, подхватил Жасмель под руку и повел её прочь.

Понтер смотрел им вслед. Жасмель, вероятно, родит первенца через год на следующий, когда запланировано рождение 149 поколения. Тогда всё станет по-другому, подумал Понтер. Когда Двое станут Одним, он по крайней мере сможет нянчиться с внуком.

Автобус уже давно ушёл, улетев на Окраину за новой партией мужчин. Понтер повернулся и побрёл вглубь города. Наверное, стоит где-нибудь перекусить, а потом…

Его сердце подпрыгнуло. Вот уж кого он не хотел бы сегодня видеть, однако…

Однако вот она стоит, словно бы ждёт его.

Даклар Болбай.

— Здравый день, Понтер, — сказал она.

Разумеется, они с Даклар были знакомы много лет. Она была партнёршей Класт. В сущности, если кто и понимал по-настоящему, каким ударом для Понтера стала смерть Класт, то только Даклар. Но…

Но в его отсутствие она портила жизнь Адекору. Обвинить его в убийстве! Да Адекор способен убить Понтера, да и вообще кого бы то ни было, не более, чем сам Понтер.

— Даклар, — сказал Понтер, опуская обычную форму вежливости.

Даклар понимающе кивнула.

— Не могу осуждать тебя за то, что я тебе неприятна, — сказала она. — Я знаю, что вредила Адекору, а вредить чьему-то партнёру — всё равно, что вредить ему самому. — Она заглянула Понтеру в глаза. — Понтер, я прошу прощения. Я надеялась застать здесь и Адекора и извиниться перед ним тоже, но опоздала.

— Ты говоришь, что сожалеешь, — сказал Понтер, — но то, что ты делала…

— Я делала ужасные вещи, — прервала его Даклар, опуская взгляд к земле, к своим ногам, затянутым в матерчатые мешки на концах черных штанин. — Но я хожу к скульптору личности,

принимаю лекарства. Лечение только началось, но я уже чувствую себя не такой… злой.

Понтер имел некоторое представление о том, через что прошла Даклар. Она не только потеряла партнёршу, которую делила в Понтером; задолго до этого она потеряла партнёра, Пелбона, которого однажды утром увели принудители. О, потом он вернулся, но не весь. Его подвергли кастрации, и их отношениям пришёл конец.

Понтер был неимоверно потрясён смертью Класт, но у него хотя бы оставались Адекор, и Жасмель, и Мегамег — они помогли ему справиться. Как же тяжёло должно было быть Даклар, у которой ни Пелбона, ни детей.

— Я рад, что тебе лучше, — сказал Понтер.

— Лучше, — подтвердила Даклар, снова кивнув. — Я знаю, что мне предстоит долгое лечение, но да, мне полегчало, и я…

Понтер ждал, что она продолжит, но она молчала.

— Да?

— Ну, — сказала она, пряча глаза, — просто, я вроде как одна… — Она снова замолкла, но потом продолжила без вмешательства Понтера: — И ты тоже один. И, в общем, когда Двое становятся Одним, чувствуешь себя таким одиноким, когда не

с кем провести время. — Она коротко взглянула ему в лицо, но снова отвернулась, словно боясь того, что может увидеть.

Понтер был озадачен. Однако, если подумать…

Даклар была умна, а это всегда влекло Понтера. А в её волосах серебрились восхитительные серые пряди, сплетаясь с натуральными каштановыми. А ещё…

Но нет. Нет. Это безумие. После того, что она сделала с Адекором…

Понтер почувствовал покалывание в челюсти. Это иногда случалось, хотя чаще зимой поутру. Он поднял руку, чтобы почесать это место сквозь бороду.

229 месяцев назад ему сломали челюсть, и сделал это Адекор — они поругались из-за пустяка. Не приподними Понтер в тот момент голову, удар Адекора убил бы его на месте.

Но Понтер вскинул голову вовремя, и, хотя половину нижней челюсти и семь зубов пришлось заменить искусственными дубликатами, он остался жив.

И он простил Адекора. Понтер не выдвинул обвинений, и Адекор избежал скальпеля принудителя. Адекор прошёл курс лечения по контролю гнева, и за все месяцы, что минули с тех пор, он

ни разу не замахнулся на Понтера или кого-либо ещё.

Прощение.

Он много беседовал с Мэре там, в её мире, о её вере в Бога и о человеке — якобы его сыне — который пытался научить прощению народ Мэре. Мэре была последовательницей учения этого человека.

Ведь, в конце концов, Понтер и правда один. Невозможно было предсказать, что Верховный Серый совет решит по поводу открытия портала в мир Мэре; и даже если они всё же решат его открыть, у Понтера не было абсолютной уверенности в том, что портал непременно откроется.

Прощение.

То, что он дал Адекору полжизни назад.

То, что система верований, которой придерживалась Мэре, ценила больше всего на свете.

И, по-видимому, то, в чём Даклар сейчас нуждалась больше всего.

Прощение.

— Хорошо, — ответил Понтер. — Ты должна помириться с Адекором. При этом условии я готов забыть о вражде, которая возникла между нами в связи с последними событиями.

Даклар улыбнулась.

— Спасибо. — Но потом замолчала, и её улыбка померкла. — Ты не возражаешь против моей компании — пока дети не освободятся, конечно? Я всё ещё *табант* Меги, и они с Жасмель всё ещё живут в одном доме со мной, но я знаю, что тебе нужно побыть с ними, и не буду мешать. Но до тех пор…

Она замолкла, не договорив, но её глаза снова на короткий миг встретили взгляд Понтера, и в них было явное предложение заполнить пустоту.

— До тех пор, — сказал Понтер, принимая решение, — да, до тех пор я буду рад твоему обществу.

Глава 4

Лаборатория Мэри в Йоркском университете выглядела такой же, какой она её оставила; несмотря на все, что произошло с ней в последнее время, прошло всего тридцать три дня с тех пор, как она была здесь в последний раз.

Дария Клейн — одна из аспиранток Мэри — определённо регулярно наведывалась сюда в её отсутствие. В её углу всё было переставлено, а диаграммы на стене свидетельствовали, что секвенирование древнеегипетской Y-хромосомы идёт полным ходом, и многие пустые места уже заполнены.

Арне Эггебрехт из Музея Пелицеуса в германском Хильдесхайме предположил, что египетская мумия, купленная недавно на распродаже старого парка развлечений в Ниагара-Фолс — это на самом деле Рамзес I, основатель династии, включающей Сети I, Рамзеса II (которого в «Десяти заповедях» играл Юл Бриннер), Рамзеса III и царицу Нефертари. Мумия сейчас хранилась в Университете Эмори в Атланте, но образцы ДНК были присланы на анализ в Торонто; лабо-

ратория Мэри была мировым лидером в области извлечения древней ДНК, благодаря каковому факту она и познакомилась с Понтером Боддитом. В отсутствие Мэри Дария достигла значительного прогресса в деле с предполагаемым Рамзесом; Мэри одобрительно кивнула.

— Профессор Воган?

У Мэри ёкнуло сердце. Она повернулась. В дверях лаборатории стоял высокий худой мужчина за шестьдесят. У него был глубокий грубый голос и прическа под Рональда Рейгана.

— Да? — ответила Мэри. Она почувствовала тошноту; мужчина загораживал единственный выход из комнаты. На нём был тёмно-серый деловой костюм с серым шёлковым галстуком — узел галстука ослаблен. Мгновение спустя он вошёл в лабораторию, выудил из серебристого кейса визитную карточку и протянул её Мэри.

Она взяла ей, смутившись того, что её рука предательски дрожит. Карточка гласила:

«Синерджи Груп»
Дж. К. (Джок) Кригер, Ph.D.
Директор

Там был логотип: изображение земного шара, аккуратно разделённого надвое. На левой

половине океаны были чёрные, а континенты — белые, на правой — наоборот. Почтовый адрес указывал на Рочестер, штат Нью-Йорк, а адрес электронной почты оканчивался на «.gov», что указывало на принадлежность организации к правительству США.

— Чем могу помочь, доктор Кригер? — спросила Мэри.

— Я директор «Синерджи Груп», — сказал он.

— Да, я прочитала. Никогда не слышала о такой.

— Пока о нас никто не слышал, и мало кто услышит. «Синерджи» — правительственный мозговой центр, собиранием которого я занимаюсь последнюю пару недель. Мы взяли за образец корпорацию «RAND[2]», хотя и в меньшем масштабе, по крайней мере, на текущем этапе.

Мэри слышала о «RAND», но мало что знала о ней конкретного. Но всё-таки кивнула.

— Один из наших основных источников финансирования — INS, — сказал Кригер. Мэри вскинула брови, и Кригер пояснил: — Служба иммиграции и натурализации США.

— Ах, — сказала Мэри.

---

[2] Примечания: 2

Американский центр стратегических исследований, некоммерческая организация.

— Как вы знаете, инцидент с неандертальцем застал нас — застал *всех* — со спущенными штанами. Всё закончилось фактически раньше, чем успело начаться, а мы первые несколько дней считали, что это ещё одна дурацкая газетная утка — как сообщение о встрече с йети или о появившемся на сушёном черносливе лике Матери Терезы.

Мэри кивнула. Она сама не сразу в это поверила.

— Конечно, — продолжал Кригер, — есть вероятность того, что портал между нашей и неандертальской вселенными больше не откроется никогда. Но если это всё-таки произойдёт, мы должны быть к этому готовы.

— Мы?

— Правительство Соединённых Штатов.

Мэри почувствовала некоторое напряжение в области позвоночника.

— Портал открылся на канадской территории, так что…

— На самом деле, мэм, он открылся в миле с четвертью *под* канадской территорией, в Нейтринной обсерватории Садбери, которая является совместный проектом канадских, британских и американских организаций, включая Универси-

тет Пенсильвании, Вашингтонский университет, а так же Лос-Аламосской, Лоуренсовской и Брукхейвенской национальных лабораторий.

— О, — сказала Мэри. Она этого не знала. — Но шахта «Крейгтон», в которой находится обсерватория, принадлежит Канаде.

— Точнее, канадской публично торгуемой компании «Инко». Но послушайте, я здесь не для того, чтобы спорить о суверенитете. Я просто хотел дать вам понять, что у США есть законные интересы в этом деле.

— Хорошо, — ледяным тоном ответила Мэри.

Кригер помолчал; он явно чувствовал, что слишком уклонился от темы.

— Если портал между нашей и неандертальской вселенными снова откроется, мы хотим быть готовыми к этому. Защита портала не выглядит большой проблемой. Как вы, возможно, знаете, на командование двадцать второго крыла канадских ВВС, которое базируется в Норт-Бей, возложена задача обеспечения безопасности портала от вторжения или террористических атак.

— Вы шутите, — сказала Мэри, хотя и подозревала, что вряд ли.

— Нет, не шучу, профессор Воган. И ваше, и моё правительство относятся к ситуации очень

серьёзно.

— А какое отношение к этому имею я? — спросила Мэри.

— Вы идентифицировали Понтера Боддета как неандертальца на основании анализа его ДНК, так?

— Да.

— С помощью такого рода анализа можно идентифицировать любого неандертальца? Можно ли надёжно определить, что данное лицо является неандертальцем или человеком?

— Неандертальцы и есть люди, — сказала Мэри. — Мы принадлежим к одному роду Homo. Homo habilis, Homo erectus, Homo antecessor — если считать его отдельным видом — Homo heidelbergensis, Homo neanderthalensis, Homo sapiens. Все мы — люди.

— Признаю свою ошибку, — сказал Крикер, кивнув. — Как мы должны себя называть, чтобы отличить нас от них?

— Homo sapiens sapiens, — ответила Мэри

— Длинновато, не правда ли? — заметил Кригер. — Кажется, я слышал, что нас иногда называют кроманьонцами. По-моему, вполне подходящий термин.

— Технически, он относится лишь к отдельной

верхнепалеолитической популяции анатомически современных людей, обнаруженных на юге Франции.

— Тогда мы возвращаемся к предыдущему вопросу: как нам себя называть, чтобы отличить себя от неандертальцев?

— У народа Понтера есть термин для обозначения ископаемых людей их мира, похожих на нас. Они называют их глексенами. В этом есть определённая симметрия: мы называем их именем, которое придумали для их ископаемых предков, а они нас — именем, которое придумали для наших ископаемых предков.

— Как вы сказали? Глексены? — Кригер задумался. — Хорошо, думаю, это подойдёт. Могут ваши методы анализа ДНК провести границу между любым неандертальцем и любым глексеном?

Мэри задумалась.

— Сильно сомневаюсь. Внутривидовая вариативность очень велика, и…

— Но неандертальцы и глексены — это разные виды, наверняка существуют гены, которые есть только у них или только у нас. Например, ген, который отвечает за надбровный валик.

— О, у многих из нас, глексенов, тоже есть над-

бровный валик. К примеру, он довольно часто встречается у мужчин из Восточной Европы. Конечно, его двойной изгиб характерен именно для неандертальцев, но…

— А что насчёт треугольных выступов в носовой полости? — спросил Кригер. — Я слышал, что это отличительная черта неандертальцев.

— Да, это так, — сказала Мэри. — Если вы готовы заглядывать каждому человеку в нос…

Кригеру было не до шуток.

— Я думал о том, что вы могли бы найти отвечающий за них ген.

— О, возможно, хотя они сами, вероятно, уже его нашли. Понтер дал понять, что они уже давно завершили свой проект, аналогичный нашему «Геному человека».[3] Но вообще да, я могла бы поискать диагностический маркер.

— Правда? И как скоро?

— Не торопитесь, — сказала Мэри. — У нас есть ДНК четырёх доисторических неандертальцев и одного современного. Исследовательская база узковата.

---

[3] Примечания: 3

Международный исследовательский проект, целью которого является определение последовательности нуклеотидов в человеческой ДНК и идентификация генов в человеческом геноме. В основном завершён в 2003 году, через год после выхода книги.

— Но вы всё же могли бы это сделать?

— Возможно. Только зачем?

— Как много времени это займёт?

— С тем оборудованием, что у меня есть, и если я не буду ни на что отвлекаться — вероятно, несколько месяцев.

— А что если мы дадим вам всё необходимое оборудование и персонал, которые потребуются? Что тогда? Деньги — не проблема, профессор Воган.

Мэри почувствовала, как её сердце убыстряет бег. Будучи *канадским* учёным, она никогда в жизни не слышала таких слов. У неё были друзья, которые после защиты уехали на постдок в американские университеты; они часто рассказывали про пяти- и шестизначные суммы грантов и новейшее оборудование. Исследовательский грант самой Мэри составлял жалкие 3200 долларов. Причём, разумеется, канадских.

— Ну, с неограниченными ресурсами, я думаю, это можно провернуть довольно быстро. Если повезёт, то за несколько недель.

— Отлично, отлично. Займитесь этим.

— Гмм, при всём уважении, доктор Кригер, я гражданка Канады; вы не можете говорить мне, что делать.

Кригер мгновенно дал задний ход.

— Конечно, нет, профессор Воган. Прошу прощения. Мой энтузиазм бежит впереди меня. Я хотел сказать, не будете ли вы так любезны предпринять подобное исследование? Как я сказал, мы предоставим всё необходимое оборудование и персонал и значительную сумму в качестве оплаты ваших услуг.

У Мэри голова шла кругом.

— Но зачем? Почему это так важно?

— Если портал между двумя мирами откроется снова, — сказал Кригер, — наш мир будет посещать большое количество неандертальцев.

Мэри прищурилась.

— И вы хотите… как-то их дискриминировать?

Кригер покачал головой.

— Ничего подобного, уверяю вас. Но нам нужно это знать для целей иммиграционного учёта, для оказания соответствующей медицинской помощи и так далее. Вы ведь не хотите, чтобы находящемуся без сознанию пациенту дали не те лекарства только потому, что доктор не смог определить, неандерталец он или глексен.

— Но ведь для этого достаточно посмотреть, есть ли у него имплант-компаньон. Понтер говорил, что в его мире все носят такие.

— Ни в коей мере не хочу бросить тень на вашего друга, профессор Воган, но мы знаем об этом исключительно с его слов. В своём мире он с тем же успехом может оказаться условно освобождённым преступником, а эта штуковина — следящим устройством, которые носят лишь преступники.

— Понтер не преступник, — сказала Мэри.

— Тем не менее вы, несомненно понимаете, как полезно было бы иметь свои собственные, независимые методы для определения вида, к которому относится то или иное лицо, не полагаясь на сведения, известные нам лишь с чужих слов.

Мэри неуверенно кивнула. Это вроде бы имело смысл. И, кстати, был ведь прецедент: канадское правительство уже вложило массу усилий для того, чтобы сформулировать, кого считать индейцем, а кого — нет, для правильного распределения пособий и льгот. И всё же…

— Но ведь нет оснований полагать, что портал когда-либо откроется снова? То есть, должны же быть какие-то основания так считать, разве нет? — Она была бы счастлива увидеть Понтера снова, но…

Кригер качнул головой.

— Нет. Но наша политика — быть готовыми ко всему. Буду с вами честен: я признаю́, что

внешность вашего мистера Боддета, скажем так, весьма характерна. Но можем ли мы быть уверены, что не существует неандертальцев с менее выраженными характерными особенностями, которые способны раствориться среди людей нашего вида?

Мэри улыбнулась.

— Вы говорили с Милфордом Уолпоффом.

— Говорил. И с Иэном Таттерсоллом, и практически с каждым специалистом по неандертальцам. Похоже, консенсуса насчёт того, насколько сильно неандертальцы отличаются от нас, не существует.

Мэри кивнула; это, несомненно, было правдой. Некоторые, как Уолпофф, считали, что неандертальцы — это лишь ещё одна разновидность Homo sapiens — в лучшем случае раса, если этот термин всё ещё имеет хоть какой-то смысл, и, несомненно, относятся к одному виду с нами. Другие, подобно Таттерсоллу, придерживались противоположной точки зрения: что неандертальцы — это отдельный биологический вид, Homo neanderthalensis. Пока что все генетические исследования свидетельствовали в пользу последней гипотезы, однако Уоллпофф и его последователи полагали, что немногие имеющиеся

образцы неандертальской ДНК, включая 379 нуклеотидов, которые Мэри сама извлекла из типового экземпляра в Rheinisches Landesmuseum, либо были нехарактерными, либо неправильно интерпретировались.

— У нас по-прежнему лишь один полный образец неандертальской ДНК, — напомнила Мэри, — а именно ДНК Понтера Боддета. Выявить характерные признаки по единственному образцу может оказаться невозможно.

— Я это понимаю. Но мы этого никогда не узнаем, пока не попробуем.

Мэри оглядела лабораторию.

— У меня есть обязанности здесь, в Йоркском. Семинары. Аспиранты.

— Я понимаю и это, — сказал Кригер. — Однако я уверен, что об этом можно договориться. Я уже перемолвился парой слов с ректором.

— То есть речь идёт о проекте с полной занятостью?

— Да, мы, разумеется, оплатим вам весь учебный год.

— Где я буду работать? Здесь?

Кригер покачал головой.

— Нет, мы хотели бы, чтобы вы работали в нашем режимном учреждении.

— В Рочестере?

— В Рочестере, штат Нью-Йорк, да.

— Отсюда не очень далеко, не так ли?

— Я летел самолётом, — сказал Кригер, — и это практически вообще не заняло времени. На машине, как я понимаю, где-то три с половиной часа.

Мэри задумалась. Она по-прежнему сможет видеться с друзьями и с мамой. И она признавала, что сейчас ничто так её не интересует, как изучение ДНК Понтера; преподавание же ей будет только мешать.

— Какие… э-э… условия вы предлагаете?

— Мы предлагаем годовой контракт консультанта на сумму 150000 долларов и медстраховку с полным покрытием. — Он улыбнулся. — Я знаю, что для вас, канадцев, это ключевой пункт.

Мэри задумалась. Она уже более или менее смирилась с возвращением в Йоркский университет, в место, где её изнасиловали, но…

Но нет. Нет, это не так. Она думала, что сможет это пережить, но если сегодняшнее утро хоть сколько-нибудь показательно, то она до сих пор шарахается от собственной тени.

— У меня здесь квартира, — сказала Мэри. — Кондоминиум.

— Мы позаботимся об ипотечных платежах и квартплате на время вашего отсутствия; по окончании работы ваш дом будет вас ждать.

— В самом деле?

Кригер кивнул.

— Да. Ведь это величайшее событие, случившееся на нашей планете с… да с самого начала времён. Мы с вами, профессор Воган, собственными глазами наблюдаем конец кайнозойской и начало новой эры. Уже тридцать пять тысяч лет или около того на земле существует лишь одно человечество — наше, но если портал откроется, их снова станет два, и в этот раз мы позаботимся, чтобы всё пошло как надо.

— Ваше предложение весьма соблазнительно, доктор Кригер.

— Джок. Зовите меня Джок. — Пауза. — Видите ли, я раньше работал в корпорации RAND. Я математик; когда я окончил Принстон, семьдесят процентов выпускников математических специальностей подавали заявление в RAND. Это было место, где давали деньги и ресурсы на занятия чистой наукой. Тогда ходила шутка, что RAND расшифровывается как «Research And

No Development»[4] — это был мозговой центр в чистейшем виде.

— А как это расшифровывается на самом деле?

— Якобы просто «Research and Development». Но она финансировалась американскими ВВС и существовала с единственной целью: проработка сценариев ядерного конфликта. Я специалист по теории игр; это моя профессия, и из-за неё я туда и попал: чтобы строить модели балансирования на грани ядерной войны. — Он помолчал. — Вы видели «Доктор Стрейнджлав»?

Мэри кивнула.

— Давным-давно.

— Помните сцену в штабе, где Джордж К. Скотт сжимает в руках исследование корпорации «BLAND»? В следующий раз, когда будете смотреть, остановите DVD и приглядитесь. Исследование озаглавлено «Глобальные цели в мегатрупах[5]». Мы примерно этим и занимались. Но Холодная война закончилась, профессор Воган, и теперь нас ждёт нечто невероятно позитивное. — Он замолк. — Знаете, несмотря на

---

[4] Примечания: 4

«Исследования, и никаких разработок».

[5] Примечания: 5

Megadeath — миллион погибших: единица измерения потерь при ядерном ударе.

свои военные корни, корпорация «RAND» много занималась долгосрочным прогнозированием. Одно из исследований называлось «Планеты, на которых жить людям» и было посвящено вероятности обнаружения где-нибудь в галактике землеподобных планет. Его выполнил Стивен Доул в 1964, когда я только пришёл в «RAND». Но даже в те времена, когда космическая программа была в зените славы, очень немногие из нас всерьёз считали, что мы получим возможность попасть на другую землеподобную планету ещё при нашей жизни. Но если портал откроется снова, такая возможность появится. И поэтому мы хотим, чтобы контакт прошёл без сучка без задоринки. Когда откроется первое неандертальское посольство…

— Неандертальское посольство! — воскликнула Мэри.

— Мы думаем наперёд, профессор Воган. Для этого и существует «Синерджи» — не только чтобы взять лучшее из обоих миров, а чтобы сделать нечто, что было бы больше, чем сумма составных частей. Нас ждёт интереснейшая работа, и мы хотели бы, чтобы вы приняли в ней участие.

Глава 5

Понтер и Даклар шли через площадь, болтая о пустяках. Вокруг резвились дети — играли в игры, гонялись друг за другом, просто дурачились.

— Всегда хотела спросить об этом мужчину, — сказала Даклар. — Вы скучаете по детям, когда Двое порознь?

Маленький мальчик 148 поколения выбежал прямо перед ними, ловя летающий треугольник. Понтер никогда не жалел о том, что у него две дочери, но и правда иногда хотел, чтобы у него был ещё и сын.

— Конечно, — ответил он. — Я всё время о них думаю.

— Они такие замечательные девочки, Жасмель и Мега, — сказала Даклар.

— Я думал, вы с Жасмель враждовали, пока меня не было, — сказал Понтер.

Даклар уныло усмехнулась.

— Ну да. Она говорила от имени Адекора на *доосларм бадасларм*, а я была его обвинителем. Но Понтер, я ведь не дура. Очевидно, что она была права, а я — нет.

— Так вы теперь помирились?

— Это… потребует времени, — сказала Даклар. — Ты же знаешь, какая Жасмель. Упрямая, как сталактит — как его ни тяни, всё равно держится.

Понтер засмеялся. Он хорошо знал Жасмель — и Даклар, как видно, знала её не хуже.

— Да, с ней бывает тяжело, — согласился он.

— Ей только-только исполнилось 225 месяцев, — сказала Даклар. — Разумеется, с ней тяжело. — Она помолчала. — Для молодой женщины это большой стресс, знаешь ли. От неё ожидают, что к началу зимы она обзаведётся двумя партнёрами. Я знаю, что Трион, скорее всего, станет её партнёром-мужчиной, но вот женщину она всё ещё ищет.

— У неё не будет проблем, — сказал Понтер. — Она — настоящее сокровище.

Даклар улыбнулась.

— Да, она такая. Унаследовала всё лучшее от Класт и… — Она снова замолкла, возможно, раздумывая, следует ли заходить так далеко. — И от тебя тоже.

Но Понтер был польщён этим замечанием.

— Спасибо, — сказал он.

Даклар погрустнела.

— Когда Класт умерла, Жасмель и Мега очень грустили. Мегамег-то была слишком мала, чтобы по-настоящему понимать, что случилось, но Жасмель… Девочке без матери очень сложно. — Она замолчала; Понтер подумал, не ожидает ли от него похвалы за то, что она заменила Жасмель мать. — Я пыталась быть хорошим *табантом*, — продолжила Даклар. — Но это совсем не то, что настоящая мать.

И снова Понтер не знал, что сказать.

— Да, — сказал он. — Наверное, ты права.

— Я знала, что они никак не могли переехать к вам с Адекором, — сказала Даклар. — Девочкам жить на Окраине…

— Да, — согласился Понтер. — Конечно, это было невозможно.

— Тебе… — Даклар оборвала себя, уставившись на покрывавшую площадь коротко подстриженную траву. — Тебе не нравилось, что я взяла над ними опеку?

Понтер слегка пожал плечами.

— Ты была партнёршей Класт. Ты была самой логичной кандидатурой на роль *табанта* для её дочерей.

Даклар медленно склонила голову. Ей голос был тих.

— Я не об этом спрашиваю.

Понтер закрыл глаза и вздохнул.

— Ты права. Да, мне это не нравилось — прости. Я их отец, их кровная родня. Ты…

Даклар ждала, что он продолжит, но когда стало ясно, что он больше не собирается ничего говорить, закончила мысль за него:

— А я им не родня, — сказала она. — Они не мои дети, но я всё-таки взяла над ними опеку.

Понтер ничего не ответил; для этой ситуации не было вежливого ответа.

— Это ничего, — сказала Даклар, на мгновение касаясь его плеча. — Ничего, что ты так к этому относишься. Это естественно.

Над головой пролетело несколько гусей; несколько дроздов, прятавшихся в траве, вспорхнули при их приближении.

— Я очень люблю своих детей, — сказал Понтер.

— Я их тоже люблю, — сказала Даклар. — Я знаю, что это не мои дети, но я жила с ними всю их жизнь, так что люблю их как своих.

Понтер остановился и посмотрел на Даклар. Он никогда не задумывался над таким типом отношений; чужие дети его всегда немного раздражали — Адекоров Даб, к примеру, был весьма

вредным ребёнком. В нормальной семье Даклар жила бы со своими собственными детьми. Сын или дочь 148-го поколения всё ещё жили бы с матерью и её партнёршей, как и дочь 147-го — хотя в течение следующих нескольких месяцев она бы обзавелась партнёром и партнёршей и стала бы жить отдельно.

— Ты удивлён, — спросила Даклар. — Я правда люблю Жасмель и Мегу.

— Ну…я… думаю, я просто никогда об этом не задумывался.

Даклар улыбнулась.

— Как видишь, у нас очень много общего. Мы оба любили одну и ту же женщину. И оба любим одних и тех же детей.

* * *

Понтер и Даклар решили начать день с просмотра пьесы, поставленной в открытом амфитеатре. Понтер всегда любил театр, а пьеса относилась к числу его любимых — «Вамлар и Колапа», историческая постановка об охотнике и собирательнице. Такого рода пьесы играют только когда Двое становятся Одним, чтобы могли участвовать актёры обоих полов. Сюжет строился на множестве завязок и поворотов, которые были бы

невозможны в современную эру компаньонов: одни люди пропадали без вести, другие не могли общаться, будучи далеко друг от друга, третьи не могли доказать, что были в определённом месте в определённое время, четвёртые по-разному описывали одни и те же события.

В амфитеатре они уселись прямо на полу, скрестив ноги, и Понтер обнаружил, что его колено плотно прижато к колену Даклар.

Пьеса была действительно хороша.

* * *

После представления Понтер с Даклар отправились навестить маленькую Мегамег, которая играла с друзьями. При виде отца она пришла в полный восторг и бросилась к нему через весь двор.

— Привет, малышка! — сказал Понтер, подхватывая её на руки.

— Привет, папа! — Она посмотрела на Даклар и поздоровалась, как отметил Понтер, совершенно тем же радостным тоном: — Привет, Даклар!

Он ощутил укол ревности — он явно предпочёл бы, чтобы она больше радовалась встрече с ним, её биологическим отцом, чем с законным опекуном. Но это быстро прошло. Он знал, что у его

младшей дочери любви хватит на всех. Он снова сжал её в объятиях, потом опустил на землю.

— Смотрите как я могу! — крикнула она. Потом отбежала от них на несколько шагов и сделала сальто назад.

— Ух ты! — воскликнул Понтер, лучась от гордости.

— Здорово! — сказала Даклар, хлопая в ладоши. Понтер взглянул на неё и улыбнулся. Даклар улыбнулась ему в ответ.

Мегамег явно хотела показать ещё один трюк, но они на неё не смотрели.

— Папа! Мама! Смотрите! — закричала она.

У Понтера перехватило дыхание. Мегамег смутилась.

— Ой! — тихо сказала она. — То есть, папа, Даклар, смотрите!

* * *

К середине дня Понтер начал нервничать. Сегодня Двое становятся Одним, и он вовсе не дурак. Но у него не было секса с женщиной… первой мыслью было — с тех пор, как двадцать месяцев назад умерла Класт. Но на самом деле дольше. О, он любил Класт до её последнего дня, но последствия рака начали давать о себе знать гораздо

раньше. Это было… в сущности, он не помнил. Понтер никогда не позволял себе думать о том, что эта встреча может быть последней их с Класт интимной близостью, что вот сейчас он входит в неё последний раз, но…

Но в конце концов самый последний раз всё-таки наступил, и после она уже была слишком слаба, чтобы делать это снова. И это было, вероятно, за целый декамесяц до её смерти.

Так что — по меньшей мере тридцать месяцев. Да, всё это время рядом был Адекор, но…

Но это не то же самое. Физические контакты между двумя мужчинами — или двумя женщинами, неважно — хотя также являются выражением любви, но это всё же развлечение, забава. Но *секс* — это потенциально репродуктивный акт.

Конечно, ни у Даклар, ни у любой другой женщины не было никаких шансов забеременеть, когда Двое становятся Одним в этот раз. Все женщины, живя вместе и вдыхая феромоны друг друга, давным-давно синхронизовали свои менструальные циклы. В это время месяца ни одна из них не могла забеременеть. В следующем году, когда запланировано зачатие 149 поколения, Верховный Серый совет сдвинет дни, когда Двое становятся Одним, так, что они совпадут с перио-

дом максимальной фертильности.

И всё же, хоть у Даклар не было шансов забеременеть, прошло *так* много времени с тех пор, как…

— Давай отведём детей на площадь Дарсона и пойдём чего-нибудь перекусим, — предложила Даклар.

Понтер ощутил, как его бровь взбирается на гребень надбровного валика. *Детей.* Понятно, что за детей. Его детей.

Её детей.

Их детей.

Она положительно знала, как к нему подольститься. Попытка наладить отношения через секс могла растревожить его и выбить из колеи. Но прогулка с детьми…

Это было именно то, что нужно.

— Конечно, — сказал он. — Конечно.

Понтер кивком подозвал Мегамег, и они пошли искать Жасмель — что было нетрудно, поскольку её компаньон и Хак могли легко связаться. На улицах по-прежнему играло множество детей, но взрослые, как правило, разошлись по домам, чтобы предаться утехам любви. Лишь некоторые взрослые — и мужчины, и женщины — ещё оставались на улице.

В мире глексенов Понтер практически не имел дела с детьми, но, как он понял, их там редко вот так оставляли одних. Глексенское общество было больно вдвойне. Во-первых, они не чистили свой генетический пул, не удаляли из него даже наиболее нежелательные психологические особенности. А во-вторых, среди них не появилось своего Лонвеса Троба, который сделал бы их свободными: без имплантов-компаньонов и регистраторов алиби глексены по-прежнему подвергались опасности со стороны себе подобных, и, как смог понять Понтер из того немногого, что видел по глексенскому визору, объектом нападений часто становились дети.

Но здесь, в этом мире, дети могли бродить, где им вздумается и днём, и ночью. Понтер не понимал, как в глексенском мире родителям удаётся сходить с ума.

— Вот она! — сказала Даклар, заметив дочь Понтера прежде него. Жасмель и Трион рассматривали стенд с инструментами для свежевания, выставленный в уличном павильоне.

— Жасмель! — позвал Понтер и замахал рукой. Его дочь вскинула голову и расцвела в радостной улыбке — ни следа досады от того, что их с Трионом прогулку прервали.

Понтер и Даклар подошли ближе.

— Мы собирались сходить на площадь Дарсона, поесть буйволятины.

— Кстати, мне тоже ещё нужно повидаться с родителями, — сказал Трион, то ли восприняв невысказанный намёк Понтера, то ли и правда собирался с ними встретиться — Понтер не мог сказать. Трион склонился к Жасмель и лизнул её в лицо. — Увидимся вечером, — сказал он.

— Пошли! — сказала Мегамег, вставая на цыпочки и беря за руку Понтера левой рукой, а Даклар — правой. Жасмель прижалась к Понтеру, и он обхватил её второй рукой за плечи, и они вчетвером пошли обедать.

Глава 6

Хотя Мэри и предпочла бы обдумать предложение Джока Кригера, думать здесь особо было не о чем — оно было слишком соблазнительно, чтобы его упустить.

А сегодня как раз было назначено единственное собрание факультета до начала учебного года. Присутствовать будут не все — многие профессора всё ещё где-то отдыхают либо принципиально отказываются являться на работу раньше первого вторника сентября. Но большинство её коллег будут там, и это будет самый подходящий момент, чтобы найти среди них замену для своих курсов. Мэри знала, что ей очень повезло: она оказалась женщиной как раз в подходящую эпоху, когда Йоркский и другие университеты корректируют исторические дисбалансы в своей кадровой политике, особенно в отношении научного персонала. Ей не составило труда получить постоянную должность, а потом и бессрочный контракт, тогда как многие мужчины её возраста по-прежнему считали копейки и каждый семестр сражались за лишние часы по сезонным контрактам.

— Всех с возвращением, — сказала Кейсер Ремтулла. — Надеюсь, все отлично провели лето?

Полтора десятка человек, сидящие за большим столом в конференц-зале, закивали.

— Отлично, — сказала Ремтулла. Это была пакистанка возрастом за пятьдесят, одетая в бежевую блузку и такого же цвета брюки. — Конечно, — продолжила она, улыбаясь, — я уверена, что ни у кого не было таких захватывающих каникул, как у нашей Мэри.

Мэри почувствовала, что краснеет; Корнелиус Раскин и ещё несколько человек захлопали.

— Спасибо, — сказала она.

— Однако, — продолжила Кейсер, — если у нас всё пройдёт гладко, Мэри, вероятно, покинет нас на весь этот год.

Корнелиус, сидящий через стол от неё, настороженно выпрямился. Мэри улыбнулась; он знал, что из этого следует и был готов вцепиться в подвернувшуюся возможность.

— Мэри читает вводной курс генетики на втором, регуляцию экспрессии генов на третьем и эукариотную генетику на четвёртом кусре, — сказала Кейсер. — Плюс она курирует двоих аспирантов — Дарию Клейн, которая делает работу по ДНК древних людей, и Грэма Смайта,

который… Мэри, чем он занимается?

— Переоценкой танксономии певчих птиц на основе анализа митохондриальной ДНК.

— Точно, — сказала Кейсер, кивая. Она оглядела собравшихся поверх своих узких очков. — Если кому-нибудь интересны дополнительные преподавательские часы…

Рука Корнелиуса Раскина взметнулась вверх прежде, чем Кейсер закончила произносить «кому-нибудь». Мэри было жаль несчастного Корнелиуса. Ему было тридцать пять или тридцать шесть, он защитился восемь лет назад. Однако на факультете не было вакансий для белых мужчин. Десять лет назад он бы уже был на полпути к бессрочному контракту; сегодня же он получал 6000 долларов за семестровый курс и 12000 за годовой и жил в облупленной многоэтажке в Дрифтвуде, районе неподалёку, в который даже студенты предпочитали не заходить — Корнелиус называл своё жилище «пентхаузом в трущобах».

— Возьму регуляцию, — сказал Корнелиус. — И эукариотную генетику.

— Берите эукариотную и вводной для второго, — сказала Кейсер. — Не могу отдать все плюшки одному.

Корнелиус стоически кивнул.

— Договорились, — сказал он.

— В таком случае, — сказал Девон Грин, ещё один белый мужчина и тоже преподаватель на сезонном контракте, — могу я взять курс регуляции экспрессии генов?

Кейсер кивнула.

— Он ваш. — Она взглянула на Карен Кли, негритянку примерно одних лет с Мэри. — Вы бы могли взять… э-э… скажем, мисс Клейн?

Преподаватели с временным контрактом не могут курировать аспирантов; эта работа только для постоянных сотрудников.

— Я бы лучше взяла парня с птичками, — сказала Карен.

— О'кей, — ответила Кейсер. — Кто возьмёт мисс Клейн?

Молчание.

— Тогда поставим вопрос так, — сказала Кейсер. — Кто возьмёт мисс Клейн и старый офис Мэри?

Мэри улыбнулась. У неё действительно был первоклассный офис, с хорошим видом на оранжереи.

— Продано! — воскликнула Хелен Райт.

— Ну, вот и всё, — сказала Кейсер. Она повернулась к Мэри с улыбнулась. — Похоже, этот год мы

перетопчемся без вас.

* * *

После собрания факультета Мэри вернулась к себе в лабораторию. Хорошо бы, если бы сегодня пришли Дария и Грэм, её аспиранты; они вправе услышать объяснения от неё лично.

Хотя какое объяснение она могла им дать? Очевидное — что ей предложили отличную работу в Штатах — было лишь частью правды. Мэри и раньше звали в американские университеты; её обхаживали далеко не впервые. Но все те предложения она отклонила, говоря себе, что она предпочитает жить в Торонто, что здешний климат «придаёт ей сил», что ей будет не хватать «Си-Би-Си»[6], и здешних прекрасных театров, и Карибаны[7], и «Ищеек Бейкер-стрит»[8], и Йорквилля[9], и бистро «Ле-Селект», и Королевского му-

[6] Примечания: 6

CBC–Canadian Broadcasting Corporation — государственное телевидение и радио Канады.

[7] Примечания: 7

Ежегодный летний карнавал в Торонто, фестиваль карибской культуры.

[8] Примечания: 8

Книжный магазин в Торонто, специализирующийся на детективах.

[9] Примечания: 9

Торговый квартал в центре Торонто.

зея, и некурящих ресторанов, и «Блю-Джейз»[10], и «Глоуб энд Мэйл»[11], и социальной медицины, и Харборфронтских чтений.

Конечно, она могла расписать им все достоинства новой работы — но главной причиной её отъезда всё-таки оставалось изнасилование. Она знала, что такое происходит повсюду — в другом городе не будет безопаснее, чем здесь. Но именно желание избавиться от напоминаний о нём понесло её в Садбери разбираться с безумной историей об обнаруженном там живом неандертальце, и сейчас её тянуло из города то же самое чувство. Возможно, если сейчас рядом была Дария, она смогла бы ей об этом рассказать… но она никак не могла обсуждать это с Грэмом Смайтом… или любым другим мужчиной, по крайней мере, в этом мире.

Мэри принялась собирать личные вещи, которые хотела забрать из лаборатории, в старый пластиковый ящик из-под молока, который кочевал по всему факультету уже многие годы. У неё был настенный календарь с фотографиями

---

[10] Примечания: 10

«Blue Jays» — торонтская бейсбольная команда.

[11] Примечания: 11

Канадская ежедневная газета, базирующаяся в Торонто, одна из крупнейших в стране.

крытых мостов; фотография её двух племянников в рамке; кофейная чашка с логотипом «Канада a.m.» — она была на их шоу почти десять лет назад, после того, как сумела получить ДНК тридцатитысячелетнего медведя, найденного в юконской вечной мерзлоте. Большинство книг на полках принадлежало университету, но она забрала полдюжины своих собственных, включая свежее издание справочника CRC.

Мэри оглядела лабораторию ещё раз. Кому-то другому придётся продолжить секвенирование ДНК странствующего голубя, которым она занималась перед отъездом в Садбери. И, хотя большинство растений в лаборатории принадлежало Мэри, она не сомневалась, что Дария будет аккуратно их поливать.

Итак: всё готово. Она подхватила заметно потяжелевший молочный ящик и уже двинулась было к двери…

Нет. Нет, осталось ещё кое-что.

Она знала, что могла бы оставить это здесь. Никто бы не выкинул их в её отсутствие. Какое там, у них ещё хранились образцы, принадлежавшие Даниэлю Колби, а он уже два года как умер.

Мэри поставила ящик на пол, пересекла лабораторию из конца в конец и подошла к холо-

дильнику для хранения биологических образцов. Она открыла дверцу и ощутила порыв морозного воздуха.

Они были там: два матовых контейнера для образцов с надписью «Воган 666».

В одном были её трусики с той ночи, в другом…

В другом содержалось то, что он оставил внутри неё.

Но нет. Нет, она не возьмёт это с собой. Они могут остаться здесь; кроме того, ей не хотелось даже касаться их. Она захлопнула дверцу холодильника и повернулась.

Как раз в этот момент в дверь лаборатории просунулась голова Корнелиуса Раскина.

— Привет, Мэри, — сказал он.

— Привет, Корнелиус.

— Просто хотел сказать, что мы будем по тебе скучать, и… в общем, хотел поблагодарить за доставшиеся мне часы.

— Не за что, — ответила Мэри. — Не думаю, что для этого курса есть более подходящая кандидатура. — Это не была простая вежливость: она знала, что это так. Корнелиус был настоящим вундеркиндом: он учился в Университете Торонто, но степень получал в Оксфорде, где работал в

Центре изучения древних биомолекул.

Мэри подошла к молочному ящику.

— Давай помогу, — сказал Корнелиус. — Отнести к машине?

Она кивнула. Корнелиус присел на корточки и поднялся вместе с ящиком. Они вышли в коридор. Им навстречу попался Джереми Баньон, аспирант, но не Мэри, другого преподавателя.

— Здравствуйте, профессор Воган, — поздоровался он. — Здравствуйте, доктор Раскин.

Мэри заметила, как кисло улыбнулся Корнелиус в ответ. Мэри и других постоянных сотрудников факультета всегда называли «профессор», но Корнелиусу такое обращение было не положено. Только в академических стенах обращение «доктор» могло считаться утешительным призом, и она отчётливо видела, как сильно Корнелиус жаждет этого слова на букву «п».

Мэри с Корнелиусом спустились по лестнице и вышли под августовский зной. По Йорк-лэйн они дошли до парковки, и Корнелиус помог ей погрузить ящик в багажник её «хонды». Она попрощалась с ним, уселась за руль, завела мотор и покатила навстречу новой жизни.

Глава 7

— Вызывает интерес, что вы начали новые отношения так скоро, — сказал Селган совершенно нейтральным тоном.

— Я не начинал *отношений, — возразил Понтер. — К тому времени я был знаком с Даклар Болбай больше 200 месяцев.*

— О, да, — согласился Селган. — Ведь она была партнёршей вашей партнёрши.

Понтер скрестил руки на груди.

— Именно.

— Так что, разумеется, вы были с ней знакомы, — поддакнул Селган, кивая.

— Так и было. — В голосе Понтера прозвучали нотки самооправдания.

— За всё то время, что вы были знакомы с Даклар, у вас когда-нибудь были фантазии на её счёт?

— Что? — переспросил Понтер. — В смысле, сексуальные?

— Да, сексуальные.

— Разумеется, нет.

Селган едва заметно пожал плечами.

— В этом нет ничего необычного. Многие мужчины фантазируют о женщинах, с которыми связаны их партнёрши.

Понтер помолчал несколько тактов, потом тихо признал:

— Ну, есть определённая разница между досужими мыслями и фантазиями*...*

— Конечно, — согласился Селган. — Конечно. И часто в ваших досужих мыслях появлялась Даклар?

— Нет, — быстро ответил Понтер. Он снова замолчал, потом продолжил: — Ну, «часто» — это субъективный термин. То есть, конечно, время от времени, я думаю...

Селган улыбнулся.

— Как я сказал, в этом нет ничего необычного. Существует целый раздел порнографии, посвящённый именно этой теме. Вы когда-нибудь с ней...

— Нет, — *отрезал Понтер.*

— Как скажете. Но я чувствую подспудный дискомфорт. Что-то вас беспокоит в этом изменении ваших отношений с Даклар. Что именно?

Понтер молчал.

— Может быть, вы считали это неправильным, потому что Класт умерла совсем недавно?

Понтер покачал головой.

— Нет. Класт умерла; ушла. На самом деле общение с Даклар помогало мне вспомнить *Класт. В конце концов, Даклар — единственный человек на свете, который знал Класт так же близко, как и я.*

— Хорошо, — сказала Селган. — Тогда позвольте мне задать вам ещё один вопрос.

— Не думаю, что могу вам как-то помешать, — ответил Понтер.

— И это тоже правда, — сказал Селган, улыбаясь. — В тот момент вы ещё не знали, какое решение примет Верховный Серый совет по вопросу об открытии портала в мир глексенов. Был ли ваш дискомфорт связан с мыслью о том, что, проводя время с Даклар, вы изменяете Мэре?

Понтер саркастически засмеялся.

— Вот видите? Я же говорил, вы, скульпторы личности, всегда ищете простые банальные ответы. Я не был связан с Мэре Воган. Я не брал на себя никаких обязательств. Мой дискомфорт…

Понтер оборвал себя на полуслове, и некоторое время Сеглан ждал, что он продолжит говорить. Но он молчал.

— Вы не договорили, — сказал Селган. — Мысль сформировалась у вас в мозгу, но вы решили не

озвучивать её. Что это была за мысль?

Понтер сделал глубокий вдох, наверняка чтобы ощутить запах феромонов Селгана и попытаться угадать природу приготовленной им ловушки. Но Селган обладал способностью контролировать свои телесные запахи; именно благодаря ей он был так хорош в своей области. Он терпеливо ждал, и Понтер, наконец, ответил:

— Я изменял не Мэре. Адекору.

— Это ваш партнёр, — сказал Селган, будто бы пытаясь вспомнить, где он уже слышал это имя.

— Да, — ответил Понтер.

— Ваш партнёр, который вытащил вас из чужого мира, разлучил с Мэре Воган…

— Да. Нет. То есть, я…

— Он сделал то, что должен был сделать, вне всякого сомнения, — сказал Селган. — И всё-таки где-то глубоко внутри вас была какая-то частица, которая… что?

Понтер закрыл глаза.

— Которая злилась на него за это.

— За то, что он вернул вас домой.

Понтер кивнул.

— За то, что разлучил вас с Мэре.

Снова кивок.

— За то, что лишил вас возможной замены Класт.

— Никто *не сможет заменить Класт, — вскинулся Понтер. — Никто.*

— Конечно, нет, — быстро согласился Селган, поднимая руки ладонями к Понтеру. — Простите. И всё же, вам нравилось — какой-то части вас нравилось — флиртовать с Даклар, женщиной, которая, пока вас не было, едва не подвела Адекора под кастрацию. Ваше подсознание желало его наказать? Отомстить за то, что он заставил вас вернуться из другого мира?

— Вы неправы, — сказал Понтер.

— О, — сказал Селган, — это случается довольно часто…

* * *

Двое в конце концов перестали быть Одним, и Понтер с Адекором и другими мужчинами снова вернулись на Окраину. По дороге Понтер ничего не сказал Адекору о том, что встречался с Даклар. Не то чтобы Адекора расстроило бы то, что Понтер проводил время женщиной — ревновать однополого партнёра к его связям с противоположным полом было бы в высшей степени нелепо.

Однако Даклар — это не просто какая-то жен-

щина.

Как только Понтер и Адекор выгрузились из автобуса возле своего дома, навстречу им вылетела Пабо, собака Понтера красновато-коричневого окраса. Иногда они брали её с собой в центр, но в этот раз решили оставить дома; в их отсутствие она могла запросто прокормиться охотой.

Все трое вошли в дом, и Понтер тут же присел на диван. Вообще-то была его очередь готовить ужин, и обычно он принимался за дело сразу, как только они входили в дом, но сегодня он хотел сначала поговорить с Адекором.

Адекор пошёл в уборную, и Понтер ждал его, нетерпеливо ёрзая. Наконец, послышался звук смывных струй. Адекор вышел и заметил, что Понтер сидит на диване; он выразительно поднял бровь.

— Присядь, — сказал Понтер.

Адекор взгромоздился на седлокресло лицом к Понтеру.

— Я хочу, чтобы ты услышал это от меня прежде, чем услышишь от кого-то ещё, — сказал Понтер.

Адекор ничего не сказал, лишь выжидающе глядел на него.

— Большую часть периода, когда Двое были Одним, я провёл с Даклар.

Адекор заметно осел в своём седлокресле, его ноги бессильно обвисли по сторонам.

— Даклар? — повторил он и переспросил, словно была какая-то другая Даклар: — Даклар *Болбай*?

Понтер кивнул.

— После того, что она со мной сделала?

— Она жаждет прощения, — сказал Понтер. — Твоего прощения и моего.

— Она пыталась добиться моей кастрации!

— Я знаю, — тихо сказал Понтер. — Я знаю. Но ей не удалось.

— Нет ножа — нет раны? — взвился Адекор. — Так, что ли?

Понтер молчал томительно долго, собираясь с мыслями. Он прокручивал эту речь в голове, пока автобусе ехал из Центра, но, как всегда в таких случаях, реальность сильно отклонилась от запланированного сценария.

— Послушай, я же должен подумать о детях. Будет плохо, если их отец и женщина, с которой они живут, станут враждовать.

— Мне Жасмель и Мегамег тоже не безразличны, — сказал Адекор. — Но не я начал этот конфликт.

Понтер медленно кивнул.

— Разумеется. Но… всё-таки… им нелегко пришлось в эти двадцать месяцев.

— Я знаю, — сказал Адекор. — Мне очень жаль, что Класт умерла, но, ещё раз, я не начинал этот конфликт. Его начала Даклар Болбай.

— Я это понимаю, — сказал Понтер. — Но… но прощение приносит пользу не только тому, кого прощают. Но и тому, *кто* прощает. Носить гнев, ненависть, злобу внутри… — Понтер покачал головой. — Гораздо лучше выпустить её, избавиться от неё полностью и навсегда.

Адекор, по-видимому, задумался над его словами. После короткого молчания она сказал:

— Две с лишним сотни месяцев назад я ударил тебя…

Понтер почувствовал, как его губы сами собой сжимаются. Они никогда об этом не говорили. *Никогда*. Во многом благодаря этому они смогли жить дальше.

— И, — сказал Адекор, — ты меня простил.

Понтер застыл.

— Ты никогда не просил у меня ничего взамен, — сказал Адекор. — И я знаю, что и сейчас ты не просишь ничего взамен…

Пабо, явно обеспокоенная внезапным изменением привычного порядка — ведь уже было

время готовить ужин! — вошла в жилую комнату и ткнулась носом в колени Понтеру. Он потянулся к ней и почесал ей макушку.

— Даклар правда хочет прощения, — сказал Понтер.

Адекор смотрел в покрытый мхом пол. Понтер знал, о чём он думает. Кастрация была высшей мерой наказания, разрешённой законом, и Даклар добивалась её применения в отсутствие преступления. Её собственная несчастливая судьба предоставила для этого если не оправдание, то мотив.

— Ты собираешься вступить с ней в союз? — спросил Адекор, не поднимая глаз.

Вообще-то с партнёршей Адекора, Лурт, у Понтера сложились хорошие отношения, но в целом не было никакого закона, который предписывал бы ладить с партнёршей своего партнёра.

— Пока рано даже задумываться об этом, — сказал Понтер. — Но я провёл с ней четыре вполне приятных дня.

— У вас был секс?

Для Понтера в таком вопросе не было ничего оскорбительного; для партнёров-мужчин обсуждать интимные отношения со своими женщинами было нормально — в сущности, это был

обычный способ выяснить, что именно каждому из них доставляет удовольствие, но так трудно описывается словами.

— Нет, — сказал Понтер. Потом пожал плечами. — Могло дойти и до секса, если бы представился случай, но мы почти всё время провели вместе с Жасмель и Мегамег.

Адекор кивнул, словно Понтер только что раскрыл ему обширный заговор.

— Лучший способ завоевать любовь мужчины — заботиться о его детях.

— Она, знаешь ли, их *табант*. В каком-то смысле это и её дети.

Адекор ничего не ответил.

— Так как? — спросил, наконец, Понтер. — Ты простишь её?

Адекор какое-то время разглядывал росписи на потолке комнаты.

— Какая ирония, а? Эта наша проблема возникла лишь вследствие доброты, которую ты проявил тогда, две сотни месяцев назад. Если бы ты публично обвинил меня в нападении, меня бы кастрировали ещё тогда. И в этом случае Даклар нечего было бы требовать с меня, когда ты пропал. — Он двинул плечами. — У меня нет другого выбора, кроме как простить её.

— У тебя есть выбор, — сказал Понтер.

— Как и у тебя был тогда, давным-давно. — Адекор кивнул. — И я прощу её.

— Ты хороший человек, — сказал Понтер.

Адекор нахмурился, словно обдумывая эту простую мысль.

— Нет, — ответил он. — Нет, я просто *адекватный*. А вот ты, друг мой…

Понтер усмехнулся и поднялся на ноги.

— Пора мне заняться ужином, — сказал он.

* * *

Хотя Двое уже не были Одним, Понтер и Адекор снова явились в Центр, в зал заседаний Совета. Верховные Серые объявили, что готовы огласить своё решение относительно открытия портала.

Зал Совета был забит зрителями обоих полов. Адекор выглядел неуверенно, и Понтеру понадобилось некоторое время, чтобы понять, почему. Когда он был в этом помещении в прошлый раз, это был его *доосларм басадларм*. Однако Адекор ни словом не обмолвился о своём дискомфорте — это было бы напоминанием о той неприятной истории с Даклар — и Понтер был безмерно благодарен ему за это.

Среди зрителей находились одиннадцать экс-

гибиционистов в серебристых одеждах. Понтер так и не сумел понять глексенской идеи «новостей»: непрерывного сообщения обо всех плохих вещах, что происходят в мире. Некоторые каналы посвящали этому десять десятых времени своего вещания, а вещали они круглые сутки. Импланты-компаньоны, которые обеспечивали безопасность людей вот уже почти тысячу месяцев, положили конец воровству, убийствам и избиениям. Тем не менее, информационный голод никуда не делся; Понтер читал, что сплетничанье выполняет у людей ту же функцию, что и взаимное выискивание паразитов у остальных приматов — связывает их воедино. И поэтому некоторые граждане делают свой вклад в общество путём разрешения всем желающим просматривать то, что передаёт их имплант; люди просто настраивают свой визор на передачу того из них, кто им больше нравится.

Один-два эксгибициониста присутствовали на каждом заседании Серого совета, но сегодняшнее вызвало такой интерес, что явились даже те эксгибиционисты, что обычно посещают лишь спортивные мероприятия или поэтические чтения.

Председатель Верховного Серого совета Пан-

даро поднялась и обратилась к собравшимся, опираясь на резную деревянную трость.

— Мы изучили дело, переданное для нашего рассмотрения учёным Халдом и учёным Бод-детом, — сказала она. — Мы также изучили пространное описание путешествия учёного Понтера в мир глексенов, сделанное по его возвращению оттуда, а также немногие имеющиеся физические свидетельства.

Понтер коснулся пальцами небольшого золотого предмета, который он иногда носил на шее. Ему очень не хотелось отдавать его на анализ, и он был счастлив, когда его вернули. Мэре дала его ему перед самым его возвращением в свой мир: пара взаимно перпендикулярных золотых полосок, одна длиннее другой.

— И, после длительных размышлений, — продолжала Пандаро, — мы пришли к выводу, что потенциальная выгода от получения доступа к этой другой Земле и другому человечеству, с его научными достижениями и уникальными товарами для обмена, слишком велика, чтобы её игнорировать.

— Это ошибка! — выкрикнул мужской голос из толпы зрителей. — Не делайте этого!

Советник Бедрос, сидящий рядом с председате-

лем Пандаро, впился взглядом в кричащего.

— Ваше мнение было учтено, если вы дали себе труд поучаствовать в опросе на эту тему. Тем не менее, обязанность принятия решения лежит на этом Совете, поэтому будьте любезны дослушать его до конца.

Пандаро продолжила:

— Верховный Серый совет, — сказала она, — сорока голосами против шести рекомендует разрешить учёным Халду и Боддету попытаться снова открыть портал в параллельную вселенную. Они должны докладывать Совету о результатах каждые десять дней; вопрос о целесообразности продолжения этих работ должен рассматриваться каждые три месяца.

Понтер встал и слегка поклонился.

— Благодарю вас, председатель.

Адекор тоже вскочил, и двое мужчин обнялись.

— Приберегите это на потом, — сказала Пандаро. — Теперь что касается конкретных мер безопасности и карантина…

Глава 8

— Добро пожаловать в «Синерджи Груп», доктор Воган.

Мэри улыбнулась Джоку Кригеру. Она плохо себе представляла, чего ожидать от нового места работы. Как оказалось, «Синерджи Груп» располагалась в старинном особняке в районе Рочестера под названием Сибриз[12], на самом берегу озера Онтарио. Понтеру бы понравилось это место: по песчаному пляжу вышагивала цапля, а в гавани, усеянной прогулочными яхтами, плавали утки, гуси и лебеди.

— Давайте я покажу вам, что к чему, — продолжил Кригер и повёл Мэри вглубь старинного дома.

— Спасибо, — сказала Мэри.

— Сейчас у нас в штате двадцать четыре человека, — сказал Кригер, — но мы всё ещё растём.

Мэри была поражена.

— Двадцать четыре человека работают над проблемами неандертальской иммиграции?

— Нет-нет-нет. «Синерджи» участвует во мно-

---

[12] Примечания: 12
Seabreeze, sea breeze — морской ветер.

гих других проектах. Генетический проект имеет особенно высокий приоритет, потому что это то, что может понадобиться сразу же, если портал снова откроется. Но мы здесь изучаем ситуацию с неандертальцами в любых её аспектах. Правительство США особенно интересуется имплантами-компаньонами, и…

— «Большой Брат смотрит на тебя», — сказала Мэри.

Но Кригер покачал головой.

— Нет, ничего подобного. Дело в рассказах Понтера о том, что компаньоны имеют полный сферический обзор и производят детальную запись всего, что происходит в непосредственной близости от носителя. Нет, у нас есть, конечно, четверо социологов, призванных разобраться в том, может ли неандертальская практика использования этой технологии найти какое-то применение в нашем мире — хотя, честно говоря, я в этом очень сомневаюсь; слишком уж мы ценим тайну частной жизни. Но всё же к моменту открытия портала мы хотели бы иметь равные возможности. Если их эмиссары могут без усилий постоянно записывать всё, что они видят и слышат, то нам бы хотелось, чтобы у наших эмиссаров в их мире тоже была такая

возможность. В конечном счёте всё сводится к торговле — честной торговле.

— Ах, — сказала Мэри. — Но Понтер сказал, что его компаньон не может ничего передавать отсюда в архив алиби; ничто из его пребывания в нашем мире не было записано.

— Да, да, но это чисто техническая проблема. К примеру, записывающее устройство можно установить по эту сторону портала.

Они шли по длинному коридору и сейчас как раз добрались до его конца. Кригер открыл дверь. Внутри было три человека: чернокожий мужчина, белый мужчина и белая женщина. Чернокожий мужчина полулежал в кресле и бросал смятые обрывки бумаги в урну для мусора. Белый мужчина пялился в окно на пляж и озеро за ним. А белая женщина ходила туда-сюда перед белой доской, сжимая в руке маркер.

— Фрэнк, Кевин, Лили, познакомьтесь с Мэри Воган, — сказал Кригер.

— Привет, — сказала Мэри.

— Вы по визуализации? — спросила женщина, должно быть, Лили.

— Простите?

— Визуализация, — сказал Фрэнк.

— Визуализация, — повторил Кевин. Или, мо-

жет быть, наоборот.

— Ну, вы знаете, — доброжелательно добавил чернокожий мужчина, — формирование изображений. Фотография и всякое такое.

Кригер объяснил:

— Это основная причина, почему мы разместились в Рочестере, — сказал он. — Здесь находятся штаб-квартиры «Ксерокс», «Кодак» и «Бауш энд Ломб». Как я сказал, воспроизведение технологии компаньонов — очень приоритетная задача; ни в каком другом городе мира не собрано столько экспертов по генерации и обработке изображений и оптике.

— Ах, — сказала Мэри и посмотрела на троих обитателей комнаты. — Нет. Я генетик.

— О, я вас знаю! — воскликнул чернокожий мужчина. Он поднялся с кресла; его сиденье издало вздох облегчения, принимая свою нормальную форму. — Вы та женщина, которая была вместе с НП.

— НП?

— Неандертальцем-прим, — объяснил Кригер.

— Его зовут Понтер, — сказала Мэри, немного обидевшись.

— Простите, — сказал чернокожий. Он протянул руку. — Я Кевин Билодó, в прошлом работал

в кодаковских скунсодельнях[13]. Знаете, было бы очень полезно порыться в том, что вы помните о компаньонах. Вы видели его вблизи. Какого рода набор линз в нём использовался?

— Там была только одна линза, — сказала Мэри.

— Вот видишь! — завопила Лили, обвиняющее глядя на второго мужчину, который, по методу исключения, должен был быть Фрэнком.

— Понтер сказал, что изображение записывается с помощью сенсорного поля, — сказала Мэри.

— Он не говорил, какого рода эти сенсоры?

— Он не упоминал зарядовую связь?

— Голография — он говорил что-нибудь про голографию?

— Какое у этих сенсоров разрешение?

— Он не упоминал количество пикселей?

— Вы не можете описать…

— Народ! — повысил голос Кригер. — Народ! Мэри собирается работать с нами долго, очень

---

[13] Примечания: 13

Skunkwork project — так называют проекты, ориентированные на достижение некоего прорыва, разработку чего-то принципиально нового, своеобразные инкубаторы идей. Название происходит от обозначения секретного отделения фирмы «Локхид», занимавшегося разработкой реактивных самолётов во время второй мировой войны, которое, в свою очередь, было позаимствовано из популярного довоенного комикса, в котором фигурировал завод по переработке дохлых скунсов и старой обуви.

долго. У вас будет достаточно возможностей расспросить её. Сейчас у нас вводная экскурсия, ничего больше.

Все трое извинились, и после обмена несколькими общими фразами Кригер и Мэри покинули комнату.

— Они полны энтузиазма, — заметила она, когда дверь за ними закрылась.

Кригер кивнул.

— Как и все здесь.

— Но я не вижу, как они могут получить то, о чём вы их просите. То есть, я слышала об обратном проектировании, но не имея на руках образца импланта-компаньона можно ли надеяться его воспроизвести?

— Простого знания, что это возможно, может быть достаточно, чтобы направить их по верному пути. — Кригер открыл дверь на противоположном краю холла, и Мэри почувствовала, как округлились её глаза.

— Луиза! — воскликнула она.

За рабочим столом с открытым ноутбуком на нём сидела Луиза Бенуа, сотрудница Нейтринной обсерватории Садбери, которая спасла Понтеру жизнь, когда он появился внутри ёмкости с тяжёлой водой.

— Привет, Мэри, — сказала Луиза с хорошо знакомым Мэри французским акцентом. Она поднялась из-за стола; её густые каштановые волосы ниспадали до середины спины. Мэри было 38 лет, Луизе — 28, однако Мэри знала, что не выглядела так потрясно даже в 18. У Луизы была высокая грудь, длинные ноги и лицо фотомодели; когда Мэри увидела её впервые, она почувствовала к ней инстинктивную враждебность.

— Я забыл, что вы знакомы с доктором Бенуа, — сказал Кригер.

Мэри потрясённо покачала головой.

— Ну и утечку мозгов вы тут устроили, Джок. — Она снова посмотрела на Луизу, удивляясь, как ей удаётся выглядеть такой цветущей без макияжа. — Луиза, я так рада тебя видеть. — И тут же кошка внутри неё не удержалась от подковырки: — А как Рубен?

Рубен Монтего был штатным доктором на шахте «Крейгтон». У Луизы случился с ним довольно бурный роман, когда Мэри, Понтер, Рубен и она оказались в Садбери на карантине. Мэри полагала, что они просто убивают время, поэтому ответ Луизы стал для неё неожиданностью.

— У него всё в порядке, — сказала она. — Помог мне перевезти вещи. На следующие выходные

собираюсь к нему съездить.

— Ах, — сказала Мэри, понимая, что её поставили на место. — А ты чем здесь занимаешься?

— Доктор Бенуа возглавляет нашу портальную группу, — сказал Кригер.

— Ага, — сказала Луиза. — Пытаемся разработать технологию открытия портала с нашей стороны.

Мэри кивнула. Луиза не всё время проводила в постели с Рубеном; она также вела долгие беседы один на один с Понтером Боддетом и, несомненно, знала о неандертальских достижениях в области физики больше, чем кто-либо другой на этой версии Земли. Мэри чувствовала себя пристыженной; Луиза не сделала ей ничего плохого, её единственным преступлением была красота.

— Будет здорово снова работать вместе, — сказала она.

— Кстати, — сказала Луиза, — мы могли бы снимать квартиру на пару. Мы нормально уживались у Рубена во время карантина.

— Гмм, нет, — сказала Мэри. — Спасибо, конечно. Но я… люблю побыть одна.

— В Рочестере у тебя с жильём проблем не будет, — сказала Луиза.

Кригер кивнул.

— В «Ксероксе» и «Кодаке» в последние годы были сокращения, а они — основные работодатели в городе. Дом можно приобрести за бесценок, или выбрать квартиру из сотен предложений.

— Буду знать, — сказала Мэри.

— Рекомендую Бристоль-Харбор. Это в часе езды отсюда, но зато прямо на берегу одного из Фингер-лэйкс[14]. Божественно. Множество оленей и настоящее звёздное небо ночью.

— Кстати о звёздном небе, — сказала Мэри, внезапно поняв, что как раз Луиза может ей всё объяснить. — В мой последний вечер в Садбери я видела, как северное сияние сошло с ума. Чем это могло быть вызвано?

Луиза несколько секунд смотрела на Мэри, словно не могла поверить своим ушам.

— Ты что, не читаешь газет?

Мэри покачала головой.

— Была занята переездом.

— Магнитное поле Земли ведёт себя необычно, — сказала Луиза. — Измерения по всему шарику это подтверждают. Мощность геодинамо существенно флуктуирует.

— Из-за чего?

---

[14] Примечания: 14

Группа длинных узких озёр в западной части штата Нью-Йорк к югу от Рочестера

Луиза пожала плечами.

— Никто не знает.

— Это опасно?

— Вероятно, нет.

— Вероятно? — переспросила Мэри.

— Ну, — сказала Луиза, — ничего подобного в прошлом не фиксировалось. Многие эксперты думают, что магнитное поле Земли коллапсирует перед сменой полярности.

Мэри что-то об этом слышала, но обрадовалась, когда Кригер, а не она, спросил:

— А что это такое?

— Магнитное поле Земли время от времени меняет полярность — ну, знаете, когда южный полюс становится северным и наоборот, — сказала Луиза. — Из геологической летописи известно о более чем трёх сотнях таких событий, но в исторические времена такого пока не случалось, так что о деталях этого процесса мы мало что знаем. Однако всегда предполагалось, что в таких случаях магнитное поле сначала пропадает, а потом снова усиливается.

— И вы говорите, что беспокоиться не о чем? — сказал Кригер. — Это разве не связано с массовыми вымираниями?

Луиза покачала головой.

— Нет. Полярность магнитного поля действительно была обратной, когда вымерли динозавры, но она стала такой за миллион лет до окончания мелового периода. — Она улыбнулась своей мегаваттной улыбкой. — Самое страшное, что нас ждёт — нам придётся перекрасить все компасы.

— Какое облегчение, — сказала Мэри.

Луиза кивнула.

— И даже это может не понадобиться, — сказала она. — Насколько мы можем судить, определение, какой полюс станет северным, а какой южным — это квантовомеханический, то есть абсолютно случайный процесс. Из чего следует, что с вероятностью 50 % магнитное поле снова появится с той же полярностью, что и раньше.

Кригер поднял бровь.

— Но если так, то даже если вымирание динозавров и было связано с коллапсом магнитного поля, то мы об этом не узнаем, если его полярность после этого не изменилась.

— Вы зря беспокоитесь, Джок, — сказала Луиза. — Те коллапсы магнитного поля, о которых мы *знаем*, не были связаны с вымираниями. Так что нет оснований предполагать это относительно коллапсов, которые мы упустили из-за того, что полярность поля после них не поменялась. — Она

снова улыбнулась Кригеру, который, как заметила Мэри, всё ещё был погружён в собственные мысли. — Не волнуйтесь, — сказала Луиза. — Я уверена, что мы это переживём.

Глава 9

— Ранее вы мне рассказывали, — сказал Журард Селган, — что ваш единственный интерес в деле с открытием портала — это блага, которые он принесёт народу нашего мира.

Понтер коротко кивнул.

— Именно так.

— И поскольку способность осуществлять контакт в другим миром зависит от квантового компьютера, который разработали вы с Адекором Халдом, то было бы естественно, если бы вы остались здесь, на этой Земле, чтобы обеспечивать работу квантововычислительной установки.

— Ну… — сказал Понтер, но потом замолчал.

— Вы сказали, что у вас не было никакого личного интереса в этом деле, не так ли?

— Да, но…

— Но вы продолжили сражаться с Верховным Серым советом, не так ли? Вы настояли *на том, чтобы вам было позволено лично вернуться на другую Землю.*

— Это был единственный осмысленный образ

действий, — сказал Понтер. — Никто из нашего мира там не был. А я уже был знаком с некоторыми людьми и многое узнал об их мире.

— И вы отказались поделиться лингвистической базой глексенского языка, собранной вашим компаньоном, если вам не будет гарантировано место в следующей группе, которая посетит другой мир.

— Это было не совсем так, — сказал Понтер. — Я просто предположил, что моё участие было бы полезно.

— Вы более чем «просто предположили», — вкрадчиво сказал Селган. — Как и бóльшая часть мира, я видел это всё по визору. Если ваша собственная память вас подводит, мы легко можем обратиться к вашему архиву алиби за этот день. Потому мой терапевтический центр и находится именно здесь, рядом с павильоном Архива алиби. Давайте пройдём туда и...

— Нет, — *сказал Понтер. — В этом нет необходимости.*

— То есть вы всё-таки прибегли к... слово «давление» здесь будет уместно, как по-вашему? — чтобы снова оказаться в другом мире.

— Я хотел сделать наибольший возможный вклад. Кодекс Цивилизации требует этого от

каждого из нас.

— Да, это действительно так, — согласился Селган. — И если этот вклад — это наибольшее благо — наилучшим образом достигается путём совершения преступления, так что же…

— Вы неправы, — сказал Понтер. — В тот момент я ещё даже не начинал думать об этом преступлении. Моей единственной целью… — Он помолчал, потом продолжил: — Единственными моими целями *было принять участие в возобновлении контакта… и да, увидеться с моим другом Мэре Воган. Я никогда бы не отправился туда, если бы заранее знал, что это окончится тем, что я… совершу…*

— Это не совсем правда, не так ли? — сказал Селган. — Ведь вы сказали, что доведись вам пережить тот момент снова, вы бы всё равно совершили это преступление.

— Да, но…

— Но что?

Понтер вздохнул.

— Ничего.

* * *

Верховный Серый совет наконец согласился с требованием Понтера позволить ему оставить

квантовый компьютер на попечение Адекора, а самому отправиться в мир глексенов. Он ожидал, что согласие будет дано неохотно — так оно и случилось — но никак не ожидал, что на него возложат титул «посланника».

Как бы он ни хотел вернуться, снова снова увидеться с Мэре, он ожидал этого со смешанными чувствами. Его предыдущий визит был случайностью, и он был до смерти напуган тем, что может никогда не вернуться домой. Хотя Адекор искренне верил в то, что портал можно снова открыть и держать открытым неограниченно долго, никто этого не знал наверняка. Понтер однажды уже почти потерял Адекора, Жасмель и Мегамег; он не был уверен, что сможет снова подвергнуться такому риску.

Но нет. Он этого хотел. Несмотря на все опасения, Понтер *хотел* вернуться. Да, интересно будет посмотреть, как станут развиваться отношения с Даклар Болбай. До следующего раза, когда Двое станут Одним — ближайшей возможности снова её увидеть — почти полный месяц, и, если всё пойдёт гладко, до того времени он успеет побывать в другом мире и вернуться.

Кроме того, в этот раз Понтер отправится не один. С ним будет Тукана Прат, женщина 144-го

поколения, на десять лет его старше.

Первого открытия портала никто не ждал. Второе было отчаянной спасательной операцией. В этот раз всё пройдёт организованно и в соответствии с планом.

Всегда есть вероятность, что всё пойдёт кувырком: что портал откроется в какой-то другой мир, или что Понтер ошибся в глексенах, и они только и ждут возможности вторгнуться в соседний мир. На этот случай в Бедрос, один из членов Совета, будет держать в руках детонатор. Вокруг подземных помещений, занимаемых установкой квантовых вычислений, заложена взрывчатка. Если дела будут плохи, Бедрос взорвёт её, и тысячи *пертавов* скальной породы обрушатся и заполнят вычислительную камеру. И хотя сигналы с компаньона Бедроса не могут быть услышаны на поверхности, детонаторы взрывчатки услышат их отлично; так что если Бедрос погибнет — если глексены хлынут через портал, паля из своего оружия — то взрывчатку подорвёт его компаньон.

Тем временем Адекор будет контролировать менее разрушительную тревожную кнопку. Если всё пойдёт не так, он сможет отключить питание квантового компьютера и прервать соединение

между мирами. И опять же, если он погибнет, его компаньон сделает это за него. Наверху, на поверхности, вход в Дебральскую никелевую шахту также был заминирован, и принудители несли вахту, готовые действовать в случае любых неожиданностей.

Конечно, Понтер и Тукана не собирались очертя голову кидаться на ту сторону. Сначала туда будет спущен зонд, оборудованный с видеокамерами, микрофонами, устройствами для забора проб воздуха и многим другим. Зонд будет выкрашен в ярко-оранжевый цвет и окружён кольцом фонарей. Всё это для того, чтобы глексены не подумали, что целью зонда является тайное подслушивание — Понтер рассказал о том, как сильно глексены дорожат своим правом на уединение.

Как и робот, которого посылали через портал во время операции по возвращению Понтера, зонд будет передавать данные своих приборов по оптическому кабелю. Но в отличие от того злополучного робота этот зонд будет крепиться на прочном тросе из синтетического волокна.

Хотя зонд представлял собой продукт самых современных технологий, да и деркерова труба, с помощью которой предполагалось не дать

порталу закрыться, также была довольно тонким механическим устройством, сама операция вставки её в портал определённо относилась к категории низкотехнологичных.

Понтер и Адекор построили квантовый компьютер для того, чтобы факторизовать по-настоящему большие числа. Принцип его действия состоял в том, что он обращался ко всем другим параллельным вселенным, где существовал его аналог, и каждый из них проверял один-единственный делитель. Комбинируя результаты, полученные в разных вселенных, компьютер производил проверку миллионов делителей практически моментально.

Но если факторизуемое число оказывалось настолько огромным, что потенциальных делителей было больше, чем параллельных вселенных, в которых существует квантовый компьютер, то он начинал перебор вселенных, в которых его аналога не было. При первой же попытке обратиться к такой вселенной процесс факторизации аварийно завершался, и открывался портал.

Изначально лаборатория квантовых вычислений занимала всего четыре помещения: автономный санузел, столовая, пультовая и обширная вычислительная камера. Теперь к ним

добавились ещё три: небольшой медицинский изолятор, комната отдыха и большое помещение с оборудованием для деконтаминации. Люди, идущие в обоих направлениях, будут проходить через неё, чтобы уменьшить шанс принести что-то вредное из своего мира или очиститься от того, что могли подхватить в чужом. Глексенские технологии деконтаминации были весьма примитивны; глексенам, практически лишённым волос на теле, было легко содержать его в чистоте, а их крошечные носы позволяли им оставаться в блаженном неведении, даже будучи грязными. Но в этом мире уже давно применялись деконтаминаторы на калиброванных лазерах, для которых протеиновые структуры человеческой кожи, плоти, органов и волос были прозрачны, но которые с лёгкостью уничтожали все вирусы и микробы, испаряя их.

Никогда раньше в лаборатории квантовых вычислений не собиралось столько народу. Помимо Понтера и Адекора здесь также присутствовала посол Прат и три члена Верховного Серого совета, включая обоих делегатов местных делегатов. Робототехник Дерн будет управлять зондом. Здесь же были двое эксгибиционистов со специальными устройствами, которые передадут записанное

изображение зрителям, как только окажутся на поверхности.

И вот, наконец, пора.

Адекор встал у своей консоли на одном краю пультовой, Понтер — на другом. У Дерна была своя консоль, водружённая на крышку стола.

— Ты всё взял, что может понадобиться? — спросил Адекор.

Понтер выполнил финальную проверку. Хак, разумеется, был всегда при нём, и в него была загружена полная медицинская и хирургическая база данных на случай, если с Туканой и Понтером что-то случится в мире глексенов.

Широкая кожаная лента с нашитыми на неё карманами была обёрнута у Понтера вокруг пояса. Он уже проверил всё по описи: антибиотики, антивирусные препараты, иммуностимуляторы, стерильные бинты, прижигающий лазерный скальпель, хирургические ножницы и набор других лекарств — против насморка, обезболивающее, снотворное. У Туканы был такой же пояс. У каждого также был чемоданчик с несколькими сменами одежды.

— Всё на месте, — сказал Понтер.

— Всё на месте, — повторила Тукана.

Адекор взглянул на Дерна.

— У тебя?

Толстяк кивнул.

— Я готов.

— Тогда мы можем начинать, — сказал Адекор Понтеру.

Понтер ответил жестом — рука с растопыренными пальцами.

— Отыщем наших родичей.

— Начинаем, — сказал Адекор. — Десять!

Один из эксгибиционистов стоял рядом с Адекором; второй — рядом с Понтером.

— Девять!

Три члена Верховного Серого совета переглянулись. Хотели присутствовать и другие, но было решено, что разумно рискнуть максимум тремя.

— Восемь!

Дерн потянул какие-то стерженьки на своей консоли.

— Семь!

Понтер глянул на посла Тукану; если она и нервничала, то очень хорошо это скрывала.

— Шесть!

Он оглянулся через плечо на широкую спину Адекора. Они специально не устраивали никаких прощаний накануне вечером — никто из них не хотел допускать мысли, что в случае чего Понтер

может никогда не вернуться домой.

— Пять!

И ведь тогда он потеряет не только Адекора. Мысль о том, что его дети могут так рано остаться без родителей, беспокоила Понтера сильнее всего, когда он принимал решение о повторном путешествии.

— Четыре!

Меньшим, но не менее значительным беспокойством была возможность снова тяжело заболеть в мире глексенов, хотя доктора укрепили его иммунную систему, а Хака модифицировали для постоянного мониторинга его крови на предмет присутствия посторонних тел.

— Три!

Была также опасность возникновения у него или Туканы аллергии на какие-нибудь вещества с другой стороны.

— Два!

Ещё у Понтера были опасения насчёт долговременной стабильности портала, ведь он был продуктом квантовых процессов, которые в силу самой своей природы непредсказуемы. И всё же…

— Один!

И всё же, при всех возможных проблемах, при

всех потенциально негативных факторах, в его возвращении в мир глексенов был один неоспоримо позитивный аспект…

— Ноль!

Понтер и Адекор одновременно вытянули контрольные стержни на своих консолях.

Внезапно из вычислительной камеры, видимой через окно пультовой, донёсся громкий рёв. Понтер знал, что происходит, хотя ранее не имел возможности наблюдать процесс воочию. Всё, что не было прикручено к полу вычислительной камеры, отправилось в другую вселенную. Сделанные из стекла и стали цилиндры регистров — даже глючный 69-й — остались на местах, но весь воздух в камере был замен на эквивалентную массу из другой вселенной. Когда Понтер был случайно заброшен туда, соответствующее пространство на другой стороне было занято гигантской акриловой сферой, заполненной тяжёлой водой — сердцем глексенского нейтринного детектора.

Но в этот раз с той стороны не хлынула тяжёлая вода. Воду оттуда убрали ещё до возвращения Понтера назад для того, чтобы можно было исправить повреждения, нанесённые акриловой сфере его прибытием.

Как и ожидалось, ярко раскрашенный зонд провалился в синее пламя портала; во время перехода оно плотно охватило зонд, очерчивая контур его сечения. Сейчас же были видны только туго натянутые трос и телекоммуникационный кабель, уходящие в никуда примерно на высоте пояса над полом. Понтер перевёл взгляд на укреплённый на стене большой монитор, который был установлен в пультовой, чтобы показывать то, что видит зонд.

А видел он…

— Глексены! — воскликнула посол Прат.

— До сих пор я так и не мог до конца поверить, — сказал советник Бедрос.

Адекор, улыбаясь, посмотрел на Понтера.

— Узнаёшь кого-нибудь?

Понтер всмотрелся в экран. Как и в прошлый раз, портал открылся в нескольких человеческих ростах над полом; похоже, лаборатория квантовых вычислений располагалась немного выше и чуть-чуть к северу от центра камеры нейтринного детектора. Десяток или больше глексенов работали в по-прежнему сухой камере. Они были одеты в комбинезоны, все носили на головах жёлтые пластиковые черепаховые панцири. У большей части глексенов была такая

же бледная кожа, как и народа Понтера, однако у двоих она была тёмно-коричневого цвета. У Понтера создалось впечатление, что практически все рабочие — мужчины, но в случае глексенов определить это не всегда просто. Конечно, лицо, которое он надеялся увидеть, было женским, но, конечно, не было никаких оснований ожидать увидеть её среди ремонтных рабочих на дне шахты.

Все лица были обращены к зонду, и некоторые из глексенов указывали на него своими костлявыми руками.

— Нет, — сказал Понтер. — Никого не узнаю́.

Микрофоны зонда передавали окружающие звуки, странно искажённые отражением от стен каверны. Понтер не понимал, что они говорят, но один раз определённо разобрал своё имя.

— Хак, — сказал он, обращаясь к компаньону, — что они говорят?

У Хака теперь был новый голос; во время последнего обновления Понтер попросил Кобаста Ганта загрузить в компаньон приятный мужской голос, не похожий на голоса никого из знакомых.

Хак ответил через свой внешний динамик, чтобы его могли слышать все собравшиеся.

— Мужчина в правой части экрана только что упомянул сущность, которую они называют Богом — очевидно, в данном контексте это возглас удивления. Мужчина рядом с ним произнёс имя предполагаемого сына этой сущности. А женщина рядом с ним сказала: «Цельные фекалии»[15].

— Очень странно, — сказала Туркана.

— Мужчина справа, — продолжал Хак, — кричит кому-то за пределами поля зрения, чтобы тот установил телекоммуникационный контакт с доктором Ма.

Пока Хак говорил, несколько глексенов подошли ближе к зонду. Понтер с удовольствием услышал, как ахнули три члена Верховного Серого совета и посол Прат, впервые увидев вблизи странные, словно сдавленные с боков лица глексенов с их смехотворно маленькими носами.

— Ну что же, — сказал Дерн, робототехник, — похоже, мы восстановили контакт, и похоже, что условия на той стороне приемлемые.

Трое членов Верховного Серого совета коротко посовещались, затем Бедрос кивнул.

— Приступим, — сказал он.

Понтер и Дерн взялись каждый за свой конец

---

[15] Примечания: 15
Имеется в виду восклицание «Holy shit!»

деркеровой трубы. Адекор открыл дверь, ведущую в вычислительную камеру. Не было ни шипения, ни хлопка в ушах, которые свидетельствовали бы о разнице давлений; хотя весь воздух в вычислительной камере предположительно был из мира глексенов, в этот раз произошёл обмен примерно равным его количеством. Глексены тщательно фильтровали воздух в помещениях своей нейтринной обсерватории, так что воздух, которым Понтер сейчас дышал, был начисто лишён какого-либо запаха.

Точка выхода в другую вселенную была отчётливо обозначена двумя кабелями, исчезающими в окружённой синим сиянием дыре в пространстве. Дерн, присутствовавший при возвращении Понтера с той стороны, направил сложенную деркерову трубу так, чтобы её конец соприкоснулся с привязным тросом зонда. Понтер повернул свою часть трубы — в ней было добрых восемь саженей в длину — так, чтобы она была параллельна привязному тросу.

— Готов? — спросил Дерн, глядя на Понтера через плечо.

Понтер кивнул.

— Готов.

— Хорошо, — сказал Дерн. — Теперь потихонь-

ку…

Дерн начал вдвигать сложенную трубу в портал, который расширился ровно настолько, чтобы охватить её по окружности. Понтер осторожно толкал сзади. Адекор принёс с собой портативный монитор, показывавший изображение с камеры зонда. Он повернул устройство так, чтобы Дерн и Понтер видели, что происходит на той стороне. Хотя зонд опустился к полу детекторной камеры, так что трос и оптический кабель изгибались на 90 градусов сразу, как только оказывались на той стороне, деркерова труба торчала из портала параллельно далёкому полу. Глексены не могли до неё добраться: она была слишком высоко над их головами. Но они указывали на неё и что-то кричали друг другу.

— Достаточно, — сказал Дерн, когда в портале исчезла половина трубы — посередине длины на ней была нанесена маленькая риска. Понтер перестал толкать. Дерн перешёл к другому краю трубы, чтобы помочь Понтеру раскрыть её.

Сначала они с Понтером едва могли засунуть в трубу руку. Но по мере того, как они тянули её в разные стороны, под громкое щёлканье храповиков она всё больше и больше увеличивалась в диаметре.

Понтер засунул вторую руку в расширяющееся отверстие, Дерн сделал то же самое, и они продолжили тянуть каждый в свою сторону. Скоро диаметр трубы достиг сажени — но это была лишь треть её максимального размера, и они продолжали растягивать её дальше и дальше.

К этому моменту посол Прат и трое Серых советников уже были в вычислительной камере. Один из эксгибиционистов спустился вниз вместе с ними; второй остался на верхней ступеньке ведущей из пультовой лестницы — он явно хотел находиться как можно дальше от места событий, если что-то пойдёт не так.

По виду Бедроса было понятно, ему хотелось поучаствовать — в конце концов, здесь и сейчас творилась история. Понтер одобряюще ему кивнул. Вскоре уже шесть рук растягивало всё расширяющийся створ трубы. На переносном мониторе Понтер видел, как глексенские заострённые книзу челюсти попадали от удивления.

Наконец, всё закончилось: труба достигла своего максимального диаметра, и её дно покоилось на полу вычислительной камеры. Понтер посмотрел на Тукану и жестом пригласил её пройти вперёд.

— Вы — посол, — объяснил он.

Седовласая женщина покачала головой.

— Но вас они знают в лицо.

Понтер кивнул.

— Как скажете.

Адекор крепко обнял Понтера. Затем Понтер вернулся к краю трубы, сделал глубокий вдох — несмотря на увиденное через камеры зонда он не мог не вспомнить, что случилось с ним, когда он попал в мир глексенов в первый раз. Потом он пошёл вдоль трубы. Изнутри единственным признаком наличия портала было тусклое кольцо синего света, видимое сквозь прозрачную мембрану, натянутую на решётчатую конструкцию — кажется, при таком способе раскрытия портала им не придётся наблюдать собственные тела в разрезе при проходе сквозь него.

Понтер подошёл к синему кольцу, а потом одним гигантским шагом переступил в мир глексенов. В конце туннеля он теперь видел дальнюю стену камеры нейтринного детектора, на довольно большом расстоянии. Ему понадобилось всего несколько тактов, чтобы добраться до края туннеля, который, благодаря тому, что Дерн с Адекором удерживали другой конец, лишь немного провисал под весом Понтера.

Понтер высунул голову из трубы и посмотрел

на глексенов далеко внизу; он знал, что его лицо расплылось в широчайшей улыбке. Он произнёс несколько слов, и Хак воспроизвёл перевод с максимальной громкостью, на которую был способен его встроенный динамик.

— Кто-нибудь, принесите, пожалуйста, лестницу!

Глава 10

На самом деле лестницу можно было взять с собой с той стороны, но её было бы весьма неудобно тащить через тесные помещения лаборатории квантовых вычислений. Поэтому он предпочёл дождаться, пока глексены принесут её с дальней стороны детекторной камеры. Похоже, это была та самая лестница, по которой Понтер карабкался в прошлый раз, когда возвращался домой.

Потребовалось несколько попыток, но в конце концов лестница опёрлась о край деркеровой трубы, торчащей, с точки зрения глексенов, прямо из воздуха.

Позади себя Понтер видел, как Дерн и Адекор с помощью специального инструмента прикрепляют свой конец трубы к гранитному полу вычислительной камеры.

Когда лестница была установлена, Понтер вернулся по трубе назад, и Дерн с Адекором получили возможность пройти туда, где он только что стоял. Несколько мгновений они разглядывали детекторную камеру и существ из иного мира, а потом принялись за работу, крепко привязав

верхнюю часть лестницы к краю деркеровой трубы. Понтер слышал, как Адекор, работая, снова и снова повторяет «невероятно, невероятно».

Наконец, Дерн и Адекор вернулись на свой край трубы, и по ней прошли Понтер и посол Прат. Понтер повернулся спиной и стал осторожно спускаться по лестнице на пол детекторной камеры. В самом низу он почувствовал у себя на плечах руки глексенов, помогающих ему сойти с лестницы. Он опустил ноги на каменный пол и повернулся.

— С возвращением! — сказал один из глексенов; Хак перевёл его слова для Понтера через кохлеарные импланты.

— Спасибо, — ответил Понтер. Он оглядел окружающие его лица, но никого не узнал. Это было неудивительно: даже если они вызвали кого-то сразу же, как только увидели зонд, этот человек ещё не успел бы добраться досюда с поверхности.

Понтер отошёл от лестницы и поднял голову к створу трубы. Он помахал Пратт и крикнул:

— Спускайтесь вниз!

Посол повернулась спиной и начала спускаться.

— Глядите, глядите! — воскликнул один из

глексенов. — Неандертальская леди!

— Это Тукана Прат, — объяснил Понтер. — Она — наш посол в вашем мире.

Тукана встала на пол и повернулась. Отряхнула ладони от покрывавшей лестницу пыли. Глексен — один из темнокожих мужчин — выступил вперёд. Он явно не знал, что делать, но через мгновение он поклонился Тукане и сказал:

— Добро пожаловать в Канаду, мэм.

Возложив задачу перевода полностью на Хака, приходилось мириться с его не всегда уместным чувством юмора.

— Мы собирались попросить отвести нас к вашей лестнице, — сказал Хак через внешний динамик, — но я вижу, что вы это уже сделали.[16]

Понтер в достаточной степени понимал язык глексенов, чтобы сообразить, что происходит. Ох хлопнул себя по левому предплечью.

— Ай! — вскрикнул Хак через кохлеарный имплант. Потом, через динамик: — Простите. Я хотел сказать, «Отведите нас к вашему начальству».

Темнокожий мужчина, который вышел вперёд,

---

[16] Примечания: 16

Непереводимая игра слов: слова ladder — «лестница» и leader — «лидер, вождь» звучат по-английски очень похоже. Фраза «отведите нас к вашему начальству» (take us to you leader) — типичная первая фраза прибывших на Землю инопланетян в фантастических произведениях, в особенности в телесериалах, превратившаяся в устойчивый мем.

сказал:

— Э-э… я Гас Хорнби; я тут главный инженер. И мы уже позвонили в Оттаву доктору Ма — она директор обсерватории. Она будет здесь ещё сегодня, если потребуется.

— Мэре Воган ещё где-то здесь?

— Мэре? А, Мэри. Профессор Воган. Нет, она уехала.

— Лу Бенуа?

— Вы про Луизу? Она тоже уехала.

— Тогда Рубен Монтего?

— Здешний доктор? Конечно, его можно сюда вызвать.

— На самом деле, — сказал Понтер посредством динамика Хака, — мы бы предпочли подняться наверх.

— Э-э… конечно, — сказал Хорнби. Он посмотрел вверх, на торчащий из ниоткуда туннель. — Вы полагаете, он останется открыт?

Понтер кивнул.

— Мы очень надеемся.

— То есть вы можете просто уйти на… на свою сторону? — сказал один из глексенов.

— Да.

— А можно взглянуть? — спросил тот же самый глексен со светлой кожей, оранжевыми волосами

и глазами цвета неба.

Понтер посмотрел на Тукану, Тукана посмотрела на Понтера. Потом Тукана ответила:

— Моё правительство хотело бы встретиться с кем-либо, кто может говорить от имени всего вашего народа.

— О, — сказал оранжеволосый глексен. — Не со мной, конечно…

Понтер и Тукана пересекли гигантскую каверну, сопровождаемые толпой глексенов. Сегменты акриловой сферы, занимавшей прежде центральную часть каверны, теперь были сложены штабелями вдоль её изогнутых стен, и бесчисленные фотоумножительные трубки также были собраны в одном месте.

На другом краю каверны была ещё одна лестница, даже выше той, что опиралась на край деркеровой трубы. По этой лестнице можно было взобраться к техническому люку детекторной камеры, тому самому квадратному люку, который выбило внутренним давлением, когда Понтера вместе с воздухом из его квантовой лаборатории перенесло сюда в прошлый раз. Хорнби взобрался наверх первым и исчез в люке. За ним стала подниматься Тукана.

Понтер взглянул назад, на туннель, ведущий

в его мир, и его сердце подпрыгнуло, когда он увидел, что на краю стоит Адекор и смотрит вниз на него. Понтер хотел быть помахать ему, но это выглядело бы слишком похоже на прощание, так что он просто улыбнулся, хотя Адекор и не мог на таком расстоянии разглядеть выражение его лица. И это, подумал Понтер, наверное, к лучшему, потому что улыбка получилась вымученная. Он ухватился за боковины лестницы и полез вверх, надеясь, что видит своего возлюбленного партнёра не в последний раз.

Понтер протиснулся через люк в потолке и встал на ноги. Внезапно к нему шагнули пятеро глексенов, одетые в одинаковые зеленоватые одежды; в руках у каждого было какое-то оружие зловещего вида.

Понтер читал фантастическую литературу; он помнил истории о параллельных мирах, населённых злобными аналогами людей из известной вселенной. Его первой мыслью было, что каким-то образом они оказались не в той вселенной.

— Мистер Боддет, — произнёс один из… *солдат*, кажется, так их здесь называют. — Я лейтенант Дональдсон, Канадские вооружённые силы. Пожалуйста, отойдите от люка.

Понтер сделал, как было сказано, и из люка

показалась посол Прат, которая тоже выбралась на металлическую платформу. Окружающие платформу стены были покрыты тёмно-зелёным пластиковым материалом, с потолка свисали трубопроводы и кабели. У стен Понтер заметил что-то напоминающее вычислительную аппаратуру.

— Мэм? — сказал Дональдсон, глядя на Тукану.

— Это Тукана Прат, наш посол в вашем мире, — объяснил Понтер; Хак перевёл его слова.

— Госпожа посол, мистер Боддет, я должен попросить вас пройти со мной.

Понтер не двинулся с места.

— Мы здесь нежеланные гости?

— Вовсе нет, — ответил Дональдсон. — Наоборот, я уверен, что наше правительство будет несказанно радо признать вашего посла и соблюсти все положенные дипломатические формальности. Но сейчас вам нужно пройти с нами.

Понтер нахмурился.

— Куда вы нас ведёте?

Донадьдсон сделал жест в сторону ведущей наружу двери. Сейчас она была закрыта. Понтер пожал плечами, и они с Туканой двинулись к двери. Через неё они попали в узкое тесное по-

мещение.

— Пожалуйста, двигайтесь побыстрее, — сказал Дональдсон.

Понтер и Тукана подчинились.

— Как вы, должно быть, помните, мистер Боддет, — сказал шагающий позади них Дональдсон, — Нейтринная обсерватория Садбери находится в 6800 футах под землёй, и в ней поддерживается режим «чистой комнаты», чтобы предотвратить попадание пылевых частиц и других загрязнителей, способных повлиять на работу детекторного оборудования.

Понтер на ходу оглянулся на Дональдсона через плечо.

— Так вот, — продолжал Дональдсон, — эти службы были ещё более усилены на случай, если вы вернётесь. Боюсь, что вам придётся задержаться здесь на карантин, пока мы не убедимся, что вас безопасно выпускать на поверхность.

— Опять?! — воскликнул Понтер. — Только не это! Мы можем доказать, что не несём никакой заразы.

— Принимать такие решения не в моей компетенции, сэр, — ответил Дональдсон. — Но люди, которые *могут* их принимать, уже на пути сюда.

Глава 11

Мэри Воган склонялась над микроскопом, когда дверь её лаборатории в «Синерджи Груп» распахнулась.

— Мэри!

Она вскинула голову и увидела в дверях Луизу Бенуа.

— Да?

— Понтер вернулся!

Сердце Мэри встрепенулось.

— Правда?

— Да! Я только что слышала по радио. Портал между вселенными в Садбери снова открылся, и через него прошёл Понтер с ещё одним неандертальцем.

Мэри поднялась на ноги и посмотрела на Луизу.

— Прокатимся до Садбери?

Луиза улыбнулась, словно ждала этого предложения.

— Нет смысла. Неандертальцы сейчас на карантине прямо там, под землёй; с ними всё равно не увидеться.

— О, — сказала Мэри. Она изо всех сил пыталась скрыть разочарование.

— Но сразу после того, как их выпустят, они поедут в Нью-Йорк, в штаб-квартиру ООН.

— Правда? А это далеко отсюда?

— Не знаю. Думаю, где-то пятьсот-шестьсот километров. Но всяко ближе, чем отсюда до Садбери.

— Я всё равно собиралась съездить туда посмотреть «Продюсеров»,[17] — улыбнувшись, сказала Мэри. Но улыбка тут же пропала. — Хотя там тоже вряд ли получится увидеться с Понтером. Он же будет всё время занят всякими дипломатическими делами.

Но Луиза не дала ей загрустить.

— Ты забываешь, на кого ты работаешь. У нашего Джока, похоже, есть ключи от почти всех дверей. Скажи ему, что тебе нужно съездить получить образцы ДНК неандертальца, который прибыл вместе с Понтером.

Мэри слова заулыбалась. В этот момент она очень-очень любила Луизу.

---

[17] Примечания: 17
Бродвейский мюзикл (2001) по классическому фильму 1968 года.

* * *

— Понтер Боддет, дружище!

Рубен Монтего вошёл в двухкомнатный изолятор и протянул к Понтеру сжатый кулак. Понтер коснулся его костяшками пальцев.

— Рубен! — Имя он произнёс собственным голосом, затем за него заговорил Хак: — Как я рад снова тебя увидеть!

Понтер обернулся к Тукане и объяснил по-неандертальски:

— Рубен — штатный медик шахты «Крейгтон», где мы сейчас находимся. Он оказал мне первую помощь, когда я чуть не утонул по прибытии сюда, и это в его доме мы с Мэре Воган и Лу Бенуа находились на карантине. — Потом, повернувшись к Рубену, он сказал, снова через посредство Хака: — Друг Рубен, это посол Тукана Прат.

Рубен широко — для глексена — улыбнулся и изобразил галантный поклон.

— Мадам посол, — сказал он, — добро пожаловать.

— Спасибо, — ответила Тукана через собственный имплант-компаньон, который был модернизирован по образу Хака. — Я очень рада посетить ваш мир. — Она обвела взглядом спартанскую об-

становку изолятора. — Хотя и надеялась увидеть его побольше.

Рубен кивнул.

— Мы над этим работаем. Сюда уже едут эксперты из Лабораторного центра контроля заболеваний в Оттаве и из Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте. Как я понял, вы воспользовались неким устройством лазерной стерилизации. У нас таких нет, так нашим специалистам нужно своими глазами убедиться, что ваш метод в самом деле работает.

— Конечно, — сказала посол Прат. — Хотя мы стремимся к взаимовыгодной торговле с вашим миром, этой технологией мы поделимся безвозмездно. Ваши специалисты могут пройти на нашу сторону и ознакомиться с оборудованием. Конструктор этих устройств, Дапбур Кажак, готова ответить на все вопросы о принципах работы и провести любые тесты, какие они сочтут необходимыми.

— Отлично, — сказал Рубен. — В таком случае, всё должно закончиться совсем скоро.

Понтер подождал, пока Рубен покончит с этой темой, а потом спросил, не пользуясь переводчиком:

— А где Мэре?

Рубен понимающе улыбнулся, словно предвидел этот вопрос.

— Её нанял какой-то американский научный центр. Она в Рочестере, штат Нью-Йорк.

Понтер помрачнел. Он надеялся, что Мэре где-то в Садбери, но ей здесь действительно нечего было делать после того, как Понтер вернулся домой. Её дом, в конце концов, был не в этом городе.

— А у тебя как дела? — спросил Понтер. Он не понимал этой глексенской привычки постоянно интересоваться состоянием дел и здоровья собеседника, но старался соблюдать правила их этикета.

— У меня? — сказал Рубен. — У меня всё хорошо. У меня были мои пятнадцать минут славы, и, если честно, я рад, что они прошли.

— Пятнадцать минут? — повторила Тукана.

Рубен засмеялся.

— Один художник как-то сказал, что в будущем каждый будет знаменит в течение пятнадцати минут.

— А что за художник? — спросил Понтер.

Рубен явно пытался подавить улыбку.

— Э-э… в общем, он известен в основном рисун-

ками банок с супом[18].

— Похоже на то, — сказал Понтер, — что ему и пятнадцати минут многовато.

Рубен снова рассмеялся.

— Как я по тебе скучал, дружище!

* * *

Прибыла команда из ЛЦКЗ, а вскорости — и из ЦКПЗ. Две женщины — по одной от каждой организации — стали первыми Homo sapiens sapiens, посетившими вселенную неандертальцев. Периодически голова то одной, то другой появлялась над краем туннеля и просила передать то или иное оборудование.

Понтер пытался набраться терпения, но задержка всё равно его раздражала. Его ждал целый новый мир! И у него, и у Туканы уже взяли множество анализов крови и тканей, а Рубен провёл всестороннее медицинское обследование.

Несмотря на карантин, Понтер и Тукана не пребывали в полной изоляции. Первым посетителем стала бледная глексенская женщина с короткими каштановыми волосами в маленьких круглых очках.

---

[18] Примечания: 18
Имеется в виду Энди Уорхол.

— Здравствуйте, — сказала она, и Понтер узнал франко-канадский акцент, который раньше слышал от Лу Бенуа. — Меня зовут Элен Ганье, я из канадского Министерства иностранных дел и внешней торговли.

Тукана выступила вперёд.

— Посол Тукана Прат, представитель Верховного Серого совета… э-э… Земли. — она кивнула в сторону Понтера. — Мой помощник, учёный — а также посланник — Понтер Боддет.

— Приветствую, — сказала Элен. — Ужасно рада с вами познакомиться. Посланник Боддет, я обещаю, что в этот раз всё пройдёт гладко, не так, как во время вашего прошлого визита.

Понтер улыбнулся.

— Спасибо.

— Прежде чем мы двинемся дальше, мадам посол, я хотела бы задать вам вопрос. Насколько я понимаю, география вашего мира и нашего идентична, не так ли?

Тукана Прат кивнула.

— Отлично, — сказала Элен. У неё с собой был небольшой портфель. Она открыла его и достала маленькую карту мира, изображавшую лишь контуры континентов без государственных границ. — Не могли бы вы показать мне место, где

вы родились?

Тукана Прат взяла карту оглядела её и ткнула в западное побережье Северной Америки. Элен протянула ей фломастер со снятым колпачком.

— Отметьте, пожалуйста, это место на карте. По возможности, как можно точнее.

Тукану такая просьба явно удивила, но она сделала, как просили, поставив маленькую красную точку на северной оконечности острова Ванкувер.

— Спасибо, — сказала Элен. — Теперь, не могли бы вы расписаться рядом с этой отметкой?

— Расписаться?

— Э-э… ну, в общем, написать своё имя.

Тукана Прат изобразила строку угловатых символов.

Элен достала из портфеля нотариальную печать и оттиснула её на карте, потом добавила собственную подпись и дату.

— Отлично, как мы и надеялись. Вы родились в Канаде.

— Я родилась в Поднелаке, — возразила Тукана.

— Да-да, но в нашем мире соответствующее место находится в Канаде — точнее, на острове Ванкувер в провинции Британская Колумбия.

Из чего следует, что, согласно действующему законодательству, вы — канадка по рождению. Как мы уже знаем, посланник Боддет родился в окрестностях Садбери, Онтарио. Поэтому, если вы и посланник Боддет не возражаете, первым делом после вашего выхода из карантина вам будет присвоено канадское гражданство.

— Зачем? — спросила Тукана Прат.

Прежде, чем Элен ответила, заговорил Понтер.

— Этот вопрос поднимался ещё во время моего первого посещения. Для перемещения между государствами этой версии Земли каждый должен иметь при себе некие документы. Самый важный из них, — он сделал паузу, чтобы Хак напомнил ему название, — это паспорт, а для того, чтобы получить паспорт, у вас должно быть гражданство.

— Именно так, — сказала Элен. — Мы получили массу упреков от других правительств, в особенности от американского, за то, что в прошлый раз вы так и не выбрались за пределы Канады. Как только закончится карантин, вас отвезут в Оттаву — это столица Канады — где вы станете канадскими гражданами согласно главе 5 статье 4 канадского закона о гражданстве, которая позволяет министру иностранных дел в особых обстоятельствах присваивать гражданство кому

угодно. Не беспокойтесь: это никак не помешает вам сохранять гражданство любой юрисдикции вашего мира: Канада всегда признавала двойное гражданство. Однако когда вы отправитесь за пределы Канады, вы будете зарегистрированными канадскими дипломатами, и в этом качестве будете пользоваться дипломатическим иммунитетом и прочими привилегиями. Это позволит избавиться от большей части бюрократической волокиты до тех пор, пока не будут установлены формальные отношения между каждым из наших государств и вашим миром.

— Каждым из ваших государств? — переспросила Тукана. — У нас сейчас объединённое мировое правительство. Разве у вас не так?

Элен покачала головой.

— Нет. У нас есть нечто под названием «Организация Объединённых Наций» — мы отвезём вас в её штаб-квартиру сразу после обеда с премьер-министром в Оттаве. Но это не всемирное правительство; это скорее форум, на котором правительства отдельных стран могут обсуждать беспокоящие их проблемы. В конечном итоге ваше правительство должны будут признать все страны, входящие в ООН.

— А сколько их? — спросила Тукана?

Понтер улыбнулся.

— Вы не поверите, — сказал он.

— В настоящий момент в ООН входит сто девяносто одна страна, — сказала Элен. — Так что, как видите, на то, чтобы установить отношения с каждой из них, уйдут годы. Но Канада, разумеется, уже поддерживает отношения с ними всеми, так что, став канадскими дипломатами, пусть и чисто формально, вы сможете свободно посещать любую из этих стран и вести переговоры с их руководителями.

Тукана выглядела озадаченной.

— Ну, если всё это и правда необходимо…

— Совершенно необходимо.

— Хорошо, — сказал Понтер. — Когда мы отсюда выйдем?

— Скоро, я надеюсь, — ответила Элен. — Я теперь и сама не могу покинуть обсерваторию, пока не закончится ваш карантин. Но ваши технологии деконтаминации, похоже, произвели впечатление на наших медиков.

Эта новость очень обрадовала Понтера, поскольку сулила скорое окончание карантина. В конце концов, в прошлый раз почти всё время его пребывания в Канаде прошло в карантине, и ему не хотелось проходить через это снова, в

особенности — глубоко под землёй.

Вскоре после этого Тукана удалилась во вторую комнату изолятора — как и многие люди её поколения, она любила вздремнуть. Понтер с помощью Хака занимался английским, когда вернулся Рубен Монтего в сопровождении низенького, лохматого, светлокожего мужчины-глексена, который был полной противоположностью Рубена с его чёрной кожей и гладко выбритой головой.

— Привет, Понтер, — сказал Рубен. — Это Арнольд Мур, геолог.

— Здравствуйте, — сказал Понтер.

Арнольд протянул руку, Понтер пожал её.

— Доктор Боддет, — сказал геолог, — я просто счастлив познакомиться с вами. Просто счастлив!

Скука взяла своё, и Понтер не смог удержаться от сарказма:

— Вы уверены, что касаться меня безопасно?

Но Арнольд пропустил эту реплику мимо ушей.

— Я хотел спуститься сюда сразу, как только услышал о вашем возвращении. Это огромная радость, доктор Боддет, огромная!

Понтер нехотя улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, — сказал Арнольд, указывая на стул, с которого Понтер поднялся, — присядьте, прошу вас.

Понтер сел; Арнольд взял другой стул, повернул его спинкой к Понтеру и уселся на него верхом, сложив руки поверх спинки. Понтер ощутил, как его брови полезли вверх — такой способ сидения действительно казался гораздо удобнее. Он снова встал и развернул собственный стул, усевшись на него подобным же образом. Было не так удобно, как на привычном седлокресле, но прогресс был очевиден.

Рубен извинился и пошёл пообщаться с иммунологами, которые расползлись по всем помещениям обсерватории.

— У меня есть к вам один вопрос, — сказал Арнольд.

Понтер кивнул.

— На нашей версии Земли происходит нечто необычное, — сказал геолог, — и я хотел узнать, не происходит ли чего-то подобного в вашем мире.

— Чего именно?

— Северное сияние — да, собственно, и южное тоже — ведёт себя необычно.

Понтер удивился.

— Нет, у нас ничего необычного не происходит. Кстати, я сам наблюдал ночные огни буквально вчера — всё было как всегда.

Арнольд выглядел разочарованным.

— Мы надеялись, что вы дадите нам какой-нибудь ключ. Наша рабочая гипотеза состоит в том, что магнитное поле Земли схлопывается в преддверии смены полярности.

Понтер снова вскинул бровь; она залезла на самый гребень надбровного валика.

— Когда у вас такое происходило в последний раз?

— Точно не скажу. Много тысяч лет назад.

— И с тех пор магнитное поле не пропадало?

— Нет.

— Невероятно. У нас такое было… Хак?

— Шесть лет назад, — сказал Хак через внешний динамик.

— Вы хотите сказать, что всё *закончилось* шесть лет назад?

— Да.

— Но началось, вероятно, за много столетий до того?

Понтер покачал головой.

— Началось это двадцать пять лет назад.

— Давайте уточним, — сказал Арнольд; глаза

у него округлились. — Коллапс магнитного поля Земли занял всего — сколько? — девятнадцать лет?

— Точно так, — ответил Понтер. — До того напряжённость магнитного поля была нормальной. Потом оно пропало: планета не имела заметного магнитного поля в течение девятнадцати лет. А потом, шесть лет назад, поле возникло снова.

— «Возникло»? — потрясённо повторил Арнольд. — Вы, должно быть, шутите.

— Когда я шучу, — ответил Понтер, — у меня получается гораздо смешнее.

— Но… но… мы всегда считали, что коллапс магнитного поля занимает сотни, если не тысячи лет.

— Почем?

— Ну, хотя бы из-за размеров Земли.

— Магнитное поле Солнца меняет полярность каждые сто сорок месяцев или около того — каждые одиннадцать лет — а Солнце в миллион раз больше Земли.

— Да, но…

— Я не пытаюсь выглядеть серее вас, — сказал Понтер. — Мы тоже очень мало знали о коллапсе магнитного поля, пока сами не пережили такой. Многих наших геологов также поразила быстро-

та явления.

— Геомагнитный коллапс и восстановление менее чем за двадцать лет, — сказал Арнольд. — Невозможно поверить.

— Удачное время, чтобы быть физиком, — сказал Понтер. — Интересное. Наш народ узнал много нового о… процессе, который создаёт поле… у вас есть для этого слово?

Арнольд кивнул.

— Геодинамо.

Понтер нахмурился — опять этот звук «и». Но пусть об нём позаботится Хак — компаньон был проинструктирован только имена собственные произносить так же, как это сделал бы сам Понтер.

— Да. Мы узнали много нового о геодинамо.

— Было бы здорово услышать, что вам удалось узнать, — сказал Арнольд.

Понтер был рад, что Тукана пошла спать — скорее всего, он и так уже выдал слишком много информации. Но концепция торговли научными данными не находила отклика в нём как учёном. Научными данными следует обмениваться свободно. Тем не менее, он решил слегка сменить тему.

— Неужели «Инко» беспокоится о том, что спрос

на никель упадёт в период коллапса магнитного поля? — Никель широко использовался в компасах на обеих версиях Земли, а его залежи здесь, поблизости от Садбери, были богатейшими на планете.

— Что? Гмм, я об этом даже не задумывался, — сказал Арнольд.

Понтер смешался.

— Рубен сказал, что вы геолог…?

— Да, я геолог, — ответил Арнольд, — но я не работаю на «Инко». Я из Агентства по охране природы. Я прилетел из Оттавы, как только узнал, что связь между нашими мирами восстановилась.

— Ах, — сказал Понтер, всё ещё ничего не понимая.

— Моя работа — защита окружающей среды, — сказал Арнольд.

— Разве это не работа *каждого*? — спросил Понтер, сознавая, что не вполне искренен.

Но Арнольд снова не заметил намёка.

— Да, конечно, — сказал он. — Конечно. Но я хотел узнать, что вашему народу может быть известно о последствиях коллапса магнитного поля для окружающей среды. Я надеялся, что у вас, возможно, имеются какие-то ископаемые данные. Но получить доступ к данным научного

исследования недавнего коллапса! Это просто сказка.

— Никаких заметных последствий не было, — сказал Понтер. — Некоторые виды перелётных птиц начали блуждать, но это практически и всё.

— Да, полагаю, для птиц это действительно проблема, — сказал Арнольд. — Как они приспособились?

— У пострадавших птиц в мозгу есть субстанция с сильными магнитными свойствами…

— Магнетит, — подсказал Арнольд. — Три атома железа и четыре — кислорода.

— Да, — сказал Понтер. — Другие виды птиц ориентируются по звёздам, и некоторые особи тех видов, что полагались на мозговой магнетит для определения направления, оказались способны перейти на ориентацию по звёздам. В природе всегда так: вариации внутри популяции дают возможность приспособиться к изменениям во внешней среде, а для наиболее важных для выживания способностей обычно имеется альтернатива.

— Изумительно, — сказал Арнольд. — Изумительно. Но скажите: а каким образом установили, что магнитное поле Земли периодически меняет

полярность? Мы сделали это открытие сравнительно недавно.

— По намагниченности пород в местах падения метеоритов.

— Правда? — сказал Арнольд, и его сросшаяся бровь — было здорово видеть глексена с нормальным лицом, пусть даже только в этом аспекте — взлетела на лоб.

— Ага, — сказал Понтер. — Когда железоникелевый метеорит врезается в Землю, он намагничивается в направлении магнитного поля Земли.

Арнольд на секунду задумался.

— Ну да, наверное. Это как железный прут намагничивается, если стукнуть по нему молотом.

— Точно, — сказал Понтер. — Но если ваш народ узнал о сменах полярности не по метеоритам, то как тогда вы догадались, что полярность периодически меняется?

— Спрединг морского дна, — ответил Арнольд.

— Что? — переспросил Понтер.

— Вы знакомы с тектоникой плит? — спросил Арнольд. — Ну, дрейф континентов и всё такое?

— Континенты движутся? — спросил Понтер, сделав безмерно удивлённое лицо. Но сразу же поднял руку. — Нет-нет, в этот раз я действитель-

но шучу. Да, мой народ знаком с этим явлением. В конце концов, совпадение береговой линии Ранеласса и Подлара трудно не заметить.

— Должно быть, вы говорите о Южной Америке и Африке, — Арнольд кивнул и невесело улыбнулся. — По-вашему, это очевидно каждому, но нам понадобилось несколько десятилетий, чтобы принять эту теорию.

— Почему?

Арнольд развёл руками.

— Вы учёный; вы наверняка понимаете. Старая гвардия считает, что они знают всё о том, как устроен мир, и не хочет отказываться от своих теорий. При таком большом сдвиге парадигмы вопрос не в том, чтобы убедить кого-то в правильности новых теорий, а, скорее, в том, чтобы дождаться, пока носители старых теорий не умрут.

Понтер попытался скрыть изумление. Какие у глексенов странные подходы к науке!

— Так или иначе, — продолжал Арнольд, — в конечном итоге мы всё же нашли доказательства континентального дрейфа. Посередине океанов есть места, где магма поднимается от мантии и формирует новую горную породу.

— Мы предполагали, что такое явление должно

иметь место, — сказал Понтер. — В конце концов, если есть места, где старая порода опускается вниз…

— Зоны субдукции, — подсказал Арнольд.

— Да, эти самые, — согласился Понтер. — Если есть места, где старая порода опускается вниз, то, очевидно, должны быть и места, где новая порода поднимается наверх, хотя, конечно, мы не никогда не наблюдали этот процесс.

— Мы делали буровые пробы в этих местах, — сказал Арнольд.

В этот раз изумление на лице Понтера было неподдельным.

— Посреди океана?

— Ну да, — ответил Арнольд, явно обрадованный, что его мир хоть в чём-то оказался впереди. — И если вы посмотрите на образцы, взятые по разные стороны от разлома, через который изливается магма, то увидите симметричную закономерность в её намагниченности: нормальная вплотную к разлому по обе стороны от него, обратная на равном расстоянии от разлома, снова нормальная на большем расстоянии, и так далее.

— Впечатляет, — сказал Понтер.

— У нас тоже были моменты славы, — сказал

Арнольд. Он улыбнулся, явно ожидая того же от Понтера

— Простите? — сказал Понтер.

— Это каламбур, игра слов. Ну, знаете — «магнитный момент» — произведение расстояния между магнитными полюсами на напряжённость поля на полюсах.

— Ах, — сказал Понтер. Глексены помешаны на игре слов… ему этого, должно быть, не понять никогда.

Арнольд выглядел обескураженным.

— Так вот, — продолжил он. — То, что у вас магнитное поле сколлапсировало раньше, чем у нас — это для меня большая неожиданность. Насколько я понимаю модель Бенуа, наша вселенная отделилась от вашей сорок тысяч лет назад с пробуждением сознания. Хорошо, пусть так. Но я не понимаю, что ваш народ или мой мог сделать такого за последние четыреста веков, чтобы это хоть как-то повлияло на работу геодинамо.

— Это в самом деле загадка, — согласился Понтер.

Арнольд сполз со своего стула и поднялся на ноги.

— Однако благодаря этому вы смогли рассеять мои опасения так, как я и мечтать не мог.

Понтер кивнул.

— Я рад. Вы в самом деле — как это у вас говорят? — переживёте период геомагнитного коллапса без шума и пыли. — Понтер подмигнул. — Ведь мы-то уже его пережили.

Глава 12

Мэри пыталась сосредоточиться на работе, но её мысли всё время возвращались к Понтеру — и не случайно, ведь как раз с образцами его ДНК она и работала.

Мэри передёргивало каждый раз, как она читала популярную статью, пытающуюся объяснить, почему митохондриальная ДНК наследуется только по материнской линии. Обычное объяснение состояло в том, что в яйцеклетку проникает только головка сперматозоида, тогда как митохондрии располагаются в его средней и хвостовой частях. Но хотя митохондрии и правда распределялись по сперматозоиду именно таким образом, то, что в яйцеклетку попадает только головка, было неправдой. Микроскопия и ДНК-анализ показали, что митохондриальная ДНК сперматозоида всё-таки попадает в оплодотворённую яйцеклетку млекопитающих. По правде говоря, никто не знает, почему отцовская митохондриальная ДНК не включается в зиготу так же, как материнская — по непонятной пока причине она просто исчезает, так что объяснение было

простым и красивым, но совершенно неверным.

И всё же, поскольку в каждой клетке тысячи митохондрий и всего одно ядро, получить из древних образцов митохондриальную ДНК несравнимо проще, чем ядерную. Ядерную ДНК не извлекали ни из одного неандертальского ископаемого образца на этой версии Земли, и поэтому Мэри сосредоточилась на анализе митохондриальной ДНК Понтера и анализе её сходства и отличий от глексенской митохондриальной ДНК. Однако, похоже, не существовало какой-то одной характерной последовательности, которая присутствовала бы в ДНК Понтера и известных ископаемых образцов и отсутствовала бы в ДНК глексенов. Или наоборот.

И поэтому Мэри в конце концов обратилась к ядерной ДНК Понтера. Она думала, что здесь выявить различия будет ещё труднее, и действительно, несмотря на длительные поиски, она не нашла ни одной нуклеотидной последовательности, которая была бы существенно отлична у неандертальцев и Homo sapiens sapiens; все её праймеры находили соответствие в ДНК обоих видов людей.

Усталая и разочарованная, ожидая Понтера из карантина и шанса возобновить прерванные

отношения, Мэри решила получить кариотип[19] неандертальской ДНК. Это означало вырастить несколько клеток Понтера до состояния, когда они готовы к делению (поскольку только в этот период хромосомы становятся видимы), а потом подвергнуть их воздействию колхицина, чтобы зафиксировать хромосомы на этой стадии. Когда это было сделано, Мэри окрасила клетки — слово «хромосомы», кстати, и означало «окрашенные тельца» и касалось их способности легко впитывать краситель. После этого она отсортировала хромосомы в порядке возрастания размеров — общепринятый способ их нумерации. Понтер — мужчина, так что у него была и X, и Y-хромосома, и, как и у мужчин одного с Мэри вида, Y-хромосома была примерно втрое короче хромосомы X.

Мэри выровняла все пары, сфотографировала их и распечатала фото на струйном «Эпсоне». Затем принялась отмечать пары, начиная с самой длинной и двигаясь к самой короткой: 1, 2, 3…

Это была простая и честная работа, через упражнения такого типа она прогоняла студен-

[19] Примечания: 19

Описание совокупности признаков (число, размер, форма и т. д.) полного набора хромосом, присущего клеткам данного биологического вида.

тов-цитогенетиков каждый год. Голова в такой работе почти не участвовала, и она обнаружила, что думает о Понтере и Адекоре, о мамонтах, о мире без сельского хозяйства, о…

Чёрт!

Она явно где-то напортачила, потому что получалось, что Понтеровы X и Y-хромосомы — это 24-я пара, а не 23-я.

Если только…

О Боже, если только у него не три двадцать первых хромосомы — в каком случае он, и, предположительно, весь его народ имел генетический дефект, который у Homo sapiens приводил к синдрому Дауна. И это имело смысл: страдающие Дауном демонстрировали целый ряд особенностей лицевой морфологии, не свойственных здоровым людям, и…

Боже мой, подумала Мэри, *неужели всё так просто?* У больных Дауном действительно повышенная частота заболевания лейкемией… а разве Понтер не говорил, что от неё умерла его жена? Также синдром Дауна связан с абнормальным уровнем тиреоидных гормонов, а они, как хорошо известно, влияют на морфологию — в особенности лицевую. Может ли быть, что у всего народа Понтера трисомия по хромосоме

21 — одно маленькое изменение, которое у них проявляется немного не так, как у Homo sapiens sapiens, ответственное за все отличия между двумя видами людей?

Но нет. Нет, этого не может быть. Первичным эффектом синдрома Дауна, по крайней мере у Homo sapiens sapiens, является *недостаточное* развитие мышечного тонуса; народ же Понтера демонстрирует прямо противоположное состояние.

Кроме того, Мэри выделила чётное количество хромосом; синдром Дауна появляется при нечётном. Если только она по небрежности не посчитала хромосому, принадлежащую другой клетке, у Понтера, их похоже, двадцать четыре пары, и…

О Господи, подумала Мэри. *О Господи!*

Всё даже *проще,* чем она думала.

Да, да, *да*!

Она нашла!

Нашла ответ.

У Homo sapiens sapiens двадцать три пары хромосом. Но их ближайшими родственниками, по крайней мере, на этой Земле, являются два вида шимпанзе, и у них…

У них обоих *двадцать четыре* пары хромосом.

У рода Pan (шимпанзе) и рода Homo (все виды людей, современные и вымершие) был общий предок. Несмотря на распространённое мнение о том, что человек произошёл от обезьяны, на самом деле обезьяны и люди являются *кузенами*. Общий предок — неуловимое недостающее звено, до сих пор окончательно не выявленное в ископаемой летописи — существовал, согласно анализу генетических расхождений между людьми и обезьянами, около пяти миллионов лет назад в Африке.

Поскольку у шимпанзе двадцать четыре пары хромосом, а у людей — двадцать три, то можно только гадать, сколько их было у общего предка. Если двадцать три, то это значит, что в какой-то момент после разделения ветвей людей и шимпанзе в линии шимпанзе одна хромосома превратилась в две. Если же двадцать четыре, значит, две хромосомы слились в одну где-то на протяжении линии Homo.

До сегодняшнего дня — до вот этой самой секунды — никто на этой Земле не знал наверняка, какой из сценариев в действительности имел место. Но сейчас всё стало кристально ясно. У настоящих шимпанзе двадцать четыре пары хромосом; у бонобо — второго вида шимпанзе —

тоже двадцать четыре. И теперь Мэри выяснила, что у неандертальцев их тоже было ровно две дюжины. Слияние двух хромосом в одну произошло не просто после разделения линий обезьян и людей; на самом деле оно произошло уже после того, как линия Homo разделилась на две линии, которые Мэри сейчас изучает — то есть всего пару сотен тысяч лет назад.

Вот почему представители народа Понтера были могучи, как обезьяны, а не хилы, как люди. Вот почему у них обезьяний тип лица, надбровный валик и никакого подбородка. Генетически они и в самом деле обезьяноподобны, по крайней мере в том, что касается числа хромосом. И каким-то образом слияние двух хромосом — это были хромосомы два и три, Мэри это знала из статьи по генетике приматов, которую читала много лет назад — каким-то образом оно стало причиной всех тех морфологических отличий, которые и составляют фенотип современного взрослого человека.

В принципе, конкретный механизм возникновения этих отличий легко просматривался: неотения, сохранение взрослой особью детских характеристик. У детёнышей обезьян, детей неандертальцев и детей глексенов похожие черепа,

с вертикальным лбом без надбровного валика и с не особенно сильно выступающей нижней частью лица. Но соплеменники Мэри сохраняют эти черты, и становясь взрослыми.

А вот у народа Понтера взрослеет и череп. И причиной этого может быть различное число хромосом.

Мэри поднесла сложенные вместе ладони к лицу. Она сделала это! Она нашла то, что нужно было Джоку Кригеру, и…

И… О Боже!

Различное число хромосом означает, что неандертальцы и разновидность людей, к которой принадлежит она — это не просто разные расы или даже подвиды одного и того же вида. Это разные виды. Больше не нужно удваивать «разумную» часть в Homo sapiens sapiens для того, чтобы отличить соплеменников Мэри от соплеменников Понтера, поскольку народ Понтера никак не мог быть Homo sapiens neanderthalensis. Теперь уже совершенно ясно, что у них свой собственный таксон: Homo neanderthalensis. Мэри знала, что одних палеоантропологов эта новость приведёт в восторг, других — в ярость.

Но…

Но…

Но Понтер принадлежит к другому виду! Мэри видела «Плавучий театр», когда его ставили в Торонто, с Клорис Личман в роли Парти. Она знала, что межрасовые связи когда-то считались большой проблемой, но…

Но «межрасовая связь» или даже «интербридинг» — неподходящий термин для обозначения действий человека, вступающего в половой контакт с представителем другого биологического вида. Не то, чтобы Мэри с Понтером этим занимались…

Нет, подходящим термином здесь было бы…

Господи Иисусе, подумала Мэри.

Зоофилия.

Но…

Нет, нет.

Понтер — не животное. Мужчина, изнасиловавший её — её соплеменник, представитель вида Homo sapiens — вот кто животное. Но не Понтер.

Понтер — джентльмен.

И, вне зависимости от количества хромосом — человек. Человек, новой встречи с которым она ждала всей душой.

Глава 13

Наконец, по прошествии трёх дней, специалисты Лабораторного центра контроля заболеваний и Центра по контролю и профилактике заболеваний — соответствующего американского агентства — согласились, что Посол Тукана Прат и Посланник Понтер Боддет не являются носителями инфекции и могут покинуть карантин.

Понтер и Тукана в сопровождении пятерых солдат и доктора Монтего прошагали по штреку к металлической клети подъёмника и совершили долгий подъём на поверхность. По-видимому, новость бежала впереди них: в обширном помещении перед входом в подъёмник собралась толпа горняков и других служащих «Инко».

— На стоянке снаружи ждёт орда репортёров, — сказала Элен Ганье. — Госпожа посол, вам придётся сделать короткое заявление для прессы.

Тукана вскинула бровь.

— Какого рода заявление?

— Приветственное. Ну, вы знаете, обычные протокольные вещи.

Понтер не имел ни малейшего понятия о том, что это значит, однако то была не его забота. Элен вывела их с Туканой из холла на улицу, под осеннее небо Садбери. Здесь было как минимум градуса на два теплее, чем в мире, который Понтер покинул, но, конечно же, с тех пор минуло три дня, которые они просидели под землёй, так что разница в температуре не обязательно что-то значила.

Тем не менее, Понтер в изумлении покачал головой. Это место не произвело на него впечатления в прошлый раз, но тогда его выводили из шахты с раной на голове. Лишь сейчас он получил возможность как следует рассмотреть гигантский горнодобывающий комплекс, огромную рану в земле, проделанную этими людьми; огромные пространства, полностью очищенные от деревьев — они называли их «парковками» — вплотную заставленные сотнями персональных транспортных средств.

И эта вонь! Его оглушило всепоглощающее зловоние этого мира, его тошнотворный смрад. Подруга Адекора Лурт исходя из описания Понтером своих ощущения сделала предположения относительно его источников: диоксид азота, диоксид серы и другие продукты сгорания неф-

тепродуктов.

Понтер предупредил Тукану, чего следует ждать, и теперь она пыталась незаметно зажать нос ладонью. Он хранил тёплые воспоминания о встреченных здесь людях, но забыл — или, скорее, заставил себя не вспоминать — о том, в насколько ужасный вид привёл этот народ доставшуюся ему планету.

* * *

Джок Кригер сидел за столом и бродил по двум сетям — по общедоступному интернету и по обширному массиву секретных правительственных сайтов, доступных по выделенным оптоволоконным линиям, доступ к которым имели только лица с соответствующим уровнем допуска.

Джок не любил, когда вдруг появлялось что-то, чего он не понимал; незнание было единственным, что заставляло его ощущать утрату контроля. И он пытался с этим справиться, разыскивая информацию о геомагнитных коллапсах, особенно после получения из Садбери новостей о том, что таковые, по-видимому, происходят очень быстро.

Джок ожидал найти тысячи страниц, посвящённых этой теме, но, хотя новостные сайты

успели произвести кое-какие материалы за последнюю неделю, в основном пережёвывая три или четыре «экспертных» мнения одних и тех же людей, действительно серьёзных статей на эту тему оказалось очень мало. Примерно половина материалов, найденных им в Интернете, принадлежали перу креационистов, пытающихся дезавуировать материальные свидетельства предыдущих смен полярности геомагнитного поля, по-видимому, из-за того, что само их число плохо вязалось с гипотезами о сотворении Земли всего несколько тысячелетий назад.

Но потом он зацепился взглядом за цитату из статьи в «Earth and Planetary Science Letters» за 1989 год под названием «Свидетельства в поддержку экстремально быстрых вариаций геомагнитного поля при смене полярности». Авторами были указаны Роберт С. Коу и Мишель Прево, первый из Калифорнийского Университета в Санта-Крус, второй — из *Université des Sciences et Techniques* в Монпелье — надо полагать, в том, что во Франции, а не в Вермонте[20]. Санта-Крус был довольно уважаемым университетом, а

[20] Примечания: 20

Название столицы штата Вермонт — города Монтпилиер пишется почти так же, как название французского города Монпелье: Montpelier — Montpellier.

второй — несколько щелчков мышкой — да, у второго также неплохая репутация. Но самой статьи в сети нет; как и в случае с существенной часть мудрости, накопленной человечеством до 1990-х годов, никто не почесался её оцифровать. Джок вздохнул. За статьёй придётся идти в настоящую библиотеку.

* * *

Мэри прошла через коридор, спустилась по лестнице и подошла к офису Джока Кригера на первом этаже. Она постучала, дождалась, пока из-за двери донесётся «Входите» и сделала именно как, как было сказано.

— Поймала, — сказала Мэри.

— Тогда не подходите близко, — сказал Джок, закрывая окно браузера.

Мэри была слишком возбуждена, чтобы оценить шутку, хотя она и дошла до неё позже.

— Я выяснила, как отличать глексенов от неандертальцев.

Джок поднялся со своего аэроновского кресла[21].

— Вы уверены?

---

[21] Примечания: 21
Офисное кресло особой конструкции.

— Да, — ответила Мэри. — Это проще простого. У неандертальцев двадцать четыре пары хромосом, тогда как у нас только двадцать три. Это огромная разница, на генетическом уровне настолько же заметная, как разница между мужчиной и женщиной.

Седые брови Джока изогнулись.

— Если это так очевидно, то почему заняло столько времени?

Мэри объяснила, почему она поначалу ошибочно сосредоточилась на митохондриальной ДНК.

— Ага, — сказал Джок, — понятно. Хорошая работа. Отличная.

Мэри улыбнулась, но её улыбка быстро помрачнела.

— Через пару недель будет ежегодное собрание Палеоантропологического общества, — сказала она. — Я бы хотела представить там неандертальский кариотип. Кто-то обязательно наткнётся на это рано или поздно, и мне бы хотелось утвердить свой приоритет.

Кригер нахмурился.

— Простите, Мэри, но в вашем контракте есть пункт о неразглашении.

Мэри приготовилась к схватке.

— Да, но…

Джок поднял руку.

— Нет-нет, вы правы. Простите. Рандовские привычки так просто не уходят. Да, разумеется, вы можете сделать доклад о своём открытии. Мир имеет право знать.

* * *

Элен Ганье оглядела сотни журналистов, собравшихся на парковке шахты «Крейгтон».

— Дамы и господа, — сказала она в укреплённый на телескопической штанге микрофон, — спасибо, что пришли. От лица народа Онтарио, народа Канады и народов всего мира я рада приветствовать двоих эмиссаров с параллельной Земли. Я знаю, что некоторые из вас уже знакомы с Понтером Боддетом, который в этот раз носит титул посланника. — Она сделала жест в сторону Понтера, и через мгновение Понтер осознал, что от него, вероятно, ждут какой-то реакции. Он поднял правую руку и энергично замахал ей в воздухе, что по какой-то причине вызвало оживление среди глексенских журналистов.

— А это, — продолжала Элен, — госпожа Тукана Прат, посол. Уверена, что у неё для вас найдётся несколько слов. — Элен выжидательно посмотрела на Тукану, которая, после ещё нескольких

ободряющих жестов с её стороны, встала и подошла к микрофону.

— Мы рады встрече, — сказала Тукана. И попятилась от микрофона к своему месту.

Элен с помертвевшим лицом поспешила обратно к микрофону.

— Посол Прат имела в виду, — сказала она, — что, действуя от имени своего народа, она рада установить официальные отношения с нашим народом, и с нетерпением ожидает продуктивного и взаимовыгодного диалога по интересующим обе стороны вопросам. — Она повернулась к Тукане, словно ища одобрения своим словам. Тукана кивнула, и Элен продолжила: — Она надеется, что у наших двух народов имеется масса возможностей для сотрудничества и культурного обмена. — Она снова посмотрела на Тукану; по крайней мере, неандерталка не демонстрировала желания возразить. — И она хотела бы поблагодарить компанию «Инко», Нейтринную обсерваторию Садбери, мэра и городское собрание Садбери, правительство Канады и Организацию Объединённых Наций, где она завтра будет выступать, за их гостеприимство. — Она снова взглянула на Тукану и указала на микрофон. — Не так ли, госпожа Посол?

Тукана помедлила, затем снова приблизилась к микрофону.

— Э-э… да. Всё, что она сказала.

Журналисты взвыли.

Элен склонилась к Тукане; она накрыла микрофон ладонью, но Понтер всё равно различил её слова:

— До завтра нам предстоит ещё *очень* много поработать.

* * *

После того, как Мэри покинула его офис, Джок Кригер долго смотрел в окно. Он, разумеется, выбирал себе офис сам. Большинство выбрало бы вид на озеро, но это означало бы окно, обращённое на север, в сторону Канады. Окно Джока было обращено на юг, в сторону Штатов, но, поскольку здание «Синерджи Груп» стояло на песчаной косе, то в его поле зрения также попадала красивая пристань для яхт. Подперев голову сплетёнными пальцами, Кригер смотрел на свой мир и думал.

* * *

Самолёт канадских ВВС, доставивший их в Оттаву, поразил Тукану и Понтера до глубины души. Хотя неандертальцы и умели строить вер-

толёты, реактивные самолёты в их мире были неизвестны.

После того, как Тукана преодолела первое потрясения после взлёта, она обратилась к Элен.

— Простите, — сказала она. — Похоже, я не оправдала ваших ожиданий.

Элен нахмурилась.

— Скажем так: наши люди, как правило, ожидают немного больше помпы и церемониала.

Компаньон Туканы дважды пискнул.

— Ну, вы знаете, — пояснила Элен, — немного больше торжественности, каких-нибудь добрых слов.

— Но вы не сказали ничего существенного, — сказала Тукана.

Элен улыбнулась.

— Именно. Премьер у нас человек простой, так что сегодня у вас с ним проблем не будет. Но завтра вы окажетесь перед Генеральной Ассамблеей ООН, и они ожидают от вас речи подлиннее. — Она помолчала. — Простите, что спрашиваю — вы профессиональный дипломат?

— Конечно, — немного обиженно ответила Тукана. — Я провела много времени в Эвсое, Ранелассе и Налкану, представляя интересы Салдака. Но в таких дискуссиях мы предпочитаем как

можно скорее переходить к делу.

— А вы не боитесь кого-нибудь обидеть такой бесцеремонностью?

— Как раз поэтому послы являются на такие переговоры лично, а не пользуются средствами связи. Таким образом мы можем во время разговора обонять их феромоны, а они — наши.

— Это работает, когда вы обращаетесь к большой группе людей?

— О да. Я участвовала в переговорах с десятью людьми, и даже одиннадцатью.

Элен почувствовала, как у неё отвисает челюсть.

— Завтра вы будете выступать перед восемнадцатью сотнями людей. Вы сможете почувствовать, обижается ли на ваши слова кто-нибудь из них?

— Вряд ли, если только этот человек не стоит ко мне ближе всех.

— Тогда, если не возражаете, я хотела бы дать вам несколько советов.

Тукана кивнула.

— Как это у вас говорят — я вся внимание.

Глава 14

Мэри вернулась в свою лабораторию на втором этаже и теперь сидела на вертящемся кресле чёрной кожи — предмет офисной роскоши, который редко встретишь в кабинете университетского профессора. Она отвернула кресло от рабочего стола и смотрела в большое северное окно, выходящее на озеро Онтарио. Она знала, что Торонто находится напротив Рочестера на противоположном берегу озера, но даже в ясный день она не могла отсюда разглядеть тот берег — он скрывался глубоко под горизонтом. Самое высокое рукотворное сооружение в мире, телебашня Си-Эн Тауэр[22], находилась прямо на береговой линии Торонто. Она надеялась, что хотя бы её верхушка высовывается из-за искривления поверхности Земли, однако…

Однако она вспомнила, как Понтер говорил, какой большой ошибкой было выбрать для Хак, своего импланта-компаньона, голос его умершей

[22] Примечания: 22

Телебашня в Торонто высотой 533,33 м, построенная в 1976 году. Статус самого высокого сооружения в мире потеряла в 2007 году, когда таковым стал строящийся в Дубае небоскрёб Бурж-Халифа. *(Прим. перев.)*

жены. Вместо утешения он получил постоянное напоминание об утрате. Так что, возможно, это и хорошо, что Мэри не может увидеть в своё окно даже маленькой частички Торонто.

Как ей рассказывали, летом Сибриз был совершенно замечательным местом, но по мере того, как вступала в свои права осень, он становился мрачнее. Мэри приспособилась смотреть новости на канале «WROC» — местном филиале «Си-Би-Эс», но в каждом прогнозе погоды, который она слышала, упоминался «эффект озера», о котором она никогда в жизни не слыхала, живя на северном его берегу. В Торонто зимой снега не слишком много, но в Рочестере, похоже, сыплет без перерыва из-за того, что холодный воздух из Канады, двигаясь на юг, вбирает над озером влагу.

Мэри взяла кофейную кружку, наполнила своим любимым сортом «Максвелл Хауз», приправленным шоколадным молоком, и осторожно отхлебнула. Она успела пристраститься к «Экстремально шоколадному молоку» от «Upstate Dairy», которое, как и французский луковый соус «Heluva Good», в Торонто не продавалось. В жизни вдали от дома иногда бывают и плюсы…

Её раздумья были прерваны телефонным звонком. Она поставила кружку на стол. Её здешний

номер знало всего несколько человек, и это был не внутренний звонок изнутри здания «Синерджи Груп» — в этом случае сигнал другой.

Она подняла чёрную трубку.

— Алло?

— Профессор Воган? — произнёс женский голос.

— Да,

— Это Дария.

Мэри тут же почувствовала, как у неё поднимается настроение. Дария Клейн — её аспирантка в Йоркском. Разумеется, Мэри дала свой новый номер всем на факультете: это было самое малое, что она могла для них сделать, сбежав в такой спешке перед самым началом занятий.

— Дария! — воскликнула Мэри. — Как я рада вас слышать! — Мэри представила себе угловатое улыбающееся лицо с каштановыми волосами.

— О, мне тоже очень приятно, — ответила Дария. — Надеюсь, вы не возражаете, что я позвонила. Я не хотела сообщать об этом по е-мэйлу. — Судя по голосу, Дария буквально подпрыгивала от возбуждения.

— Сообщать о чём?

— О Рамзесе!

Мэри уже собралась было пошутить «Вы зна-

ете, он эффективен только на девяносто семь процентов»,[23] но не стала. Дария, очевидно, говорила о египетской мумии, из которой она извлекала ДНК.

— Я так понимаю, результат положительный, — сказала Мэри.

— Да, да! Это действительно представитель династии Рамзесов — предположительно, сам Рамзес Первый. Записывайте ещё один успех на счёт Воганской технологии!

Мэри, вероятно, немного покраснела.

— Это здорово, — сказала она. Однако всю кропотливую работу по секвенированию выполнила Дария. — Поздравляю.

— Спасибо, — сказала Дария. — Те типы из Эмори просто в восторге.

— Замечательно, — сказала Мэри. — Отличная работа. Я вами горжусь.

— Спасибо, — снова сказала Дария.

— Как там у вас вообще дела?

— Да по-старому, — ответила Дария. — Помощники преподавателей поговаривают о забастовке,

---

[23] Примечания: 23

«Ramses» — одна из старейших марок презервативов, выпускается с 1882 года.

«Йоменов»[24] разносят в пух и прах, правительство провинции объявило о новых сокращениях.

Мэри невесело усмехнулась.

— Да уж, хорошего мало.

— Вы знаете, — сказала Дария, — по-настоящему плохая новость, что на этой неделе в кампусе изнасиловали женщину. В «Экскалибуре»[25] писали.

Сердце Мэри пропустило удар.

— Господи, — сказала она. Потом снова развернулась с креслом к окну, представляя себе, что видит в нём университетский кампус.

— Ага, — сказал Дария. — Причём прямо рядом, возле Фаркуарсон-билдинг.

— Там говорилось, кто жертва?

— Нет. Никаких подробностей.

— Насильника поймали?

— Пока нет.

Мэри глубоко вздохнула.

— Дария, будьте осторожны. Будьте очень осторожны.

— Обязательно, — ответила Дария. — Джош встречает меня с работы каждый день. — Джош —

---

[24] Примечания: 24
Название спортивных команд Йоркского университета.

[25] Примечания: 25
Университетская газета в Йоркском университете.

Мэри не помнила его фамилии — это бойфренд Дарии, студент из Осгуд-Холла[26].

— Хорошо, — сказала Мэри. — Это хорошо.

— Ну, так или иначе, — сказала Дария, явно настроенная перевести разговор на более весёлую тему, — я звонила сообщить о Рамзесе. Скорее всего, будет какое-то освещение в прессе. Завтра к нам обещали приехать из «Си-Би-Си».

— Отлично, — сказала Мэри, почти не соображая, что говорит.

— Меня прямо распирает, — сказала Дария. — Это *так* здорово!

Мэри улыбнулась. Ещё бы!

— Ладно, не буду вам больше докучать, — сказала Дария. — Просто хотела поделиться. Потом ещё позвоню.

— Пока, — сказала Мэри.

— Пока, — повторила Дария и отключилась.

Мэри попыталась положить трубку, но у неё тряслись руки, и она не сразу попала трубкой в гнездо.

Ещё одно изнасилование.

Ещё один насильник?

Или… или… или…

---

[26] Примечания: 26
Юридический факультет Йоркского университета.

Или это животное, этот монстр, о котором она не сообщила в полицию, нанёс новый удар?

Мэри почувствовала, как её желудок завязывается узлом, словно в быстро снижающемся самолёте.

Чёрт. Чёрт возьми!

Если бы она сообщила об изнасиловании — если бы полиция насторожилась, если бы университетская газета…

Прошло несколько недель со времени нападения на неё. Нет причин считать, что насильник тот же. Но, с другой стороны, сколько длится у насильника восторг, подъём, вызванный удачным нападением? Сколько ему потребуется на то, чтобы набраться смелости — злобной, сжигающей душу смелости — и решиться на новое преступление?

Мэри предупредила Дарию. Не только сейчас, гораздо раньше, в е-мэйле из Садбери. Но Дария — лишь одна из тысяч женщин в Йоркском университете, одна из…

Мэри преподавала на кафедре женских исследований, она была знакома с феминистской фразеологией: все взрослые люди женского пола — это женщины и только женщины. Но Мэри тридцать девять — её день рождения пришёл и

прошёл никем незамеченный — а в Йоркский принимают с восемнадцати. О, первокурсницы — тоже женщины… но они ещё и девушки, по крайней мере, по сравнению с Мэри; многие из них впервые оказались вдали от дома, только-только начинают свой жизненный путь.

И этот зверь охотится на них. Зверь, которому она сама дала уйти.

Мэри снова посмотрела в окно, но в этот раз она была рада, что Торонто отсюда не разглядеть.

Некоторое время спустя — Мэри представления не имела, какое именно — дверь её лаборатории приоткрылась, и в неё просунулась голова Луизы Бенуа.

— Мэри, как насчет пообедать?

Мэри повернулась к ней вместе с креслом.

— *Mon dieu!* — воскликнула Луиза. — *Qu'est-ce qu'il y a de mal?*

Мэри знала французский достаточно, чтобы понять вопрос.

— Нет, ничего. А что такое?

Луиза перешла на английский; её голос звучал недоверчиво:

— Ты плакала.

Мэри автоматически поднесла руку к щеке, и сразу одёрнула. Она почувствовала, как её брови

полезли на лоб.

— О! — тихо выдохнула она, не зная, что и сказать.

— Что случилось? — снова спросила Луиза.

Мэри глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Луиза была самым близким ей человеком во всех Соединённых Штатах. А Кейша, консультант Центра помощи жертвам изнасилований, с которой она разговаривала в Садбери, как будто находилась во многих световых годах отсюда. Но…

Но нет. Она не хочет об этом говорить; она не хочет рассказывать о своей боли.

Или своей вине.

И всё же она должна что-то сказать.

— Ничего, — сказала она, наконец. — Просто… — Она нашарила на столе пачку вегмансовских[27] салфеток и вытерла лицо.

Луиза понимающе кивнула, словно Мэри призналась ей в каком-нибудь — как бы она это назвала? В каком-нибудь *affaire de coeur* с несчастливым финалом. Мэри подозревала, что у Луизы было множество таких романов.

— Мужчины, — согласилась Луиза, закатывая глаза к потолку. — Ты не можешь жить с ними, и

---

[27] Примечания: 27

Wegmans Food Markets — региональная сеть супермаркетов, базирующаяся в Рочестере.

не можешь жить без них.

Мэри хотела было кивнуть в знак согласия, но… она слышала, что в мире Понтера всё не так, как сказала Луиза. И потом, Мэри не какая-нибудь школьница — впрочем, как и Луиза.

— Это из-за них мире столько проблем, — сказала Мэри.

Луиза кивнула и на это, и, по-видимому, уловила смену акцентов.

— Женщины определённо реже устраивают теракты.

Мэри была вынуждена согласиться с Луизой, но…

— Но проблемы не только от заграничных мужчин. От здешних тоже — и в Америке и в Канаде.

Брови Луизы озадаченно изогнулись.

— Что случилось? — спросила она.

И Мэри, наконец, ответила, пусть и не полностью.

— Мне звонила подруга из Йоркского университета. Сказала, что в кампусе было изнасилование.

— О Господи, — сказала Луиза. — Кто-то знакомый?

Мэри покачала головой, хотя и понимала, что не знает ответа. Боже, подумала она, а что если

это и правда кто-то знакомый — кто-то из тех, кого она учила?

— Нет, — сказала Мэри, словно покачивание головой недостаточно чётко передавало смысл ответа. — Но я сильно расстроилась. — Она посмотрела на Луизу — такую молодую, такую красивую — и опустила взгляд. — Это так ужасно.

Луиза кивнула, и то был такой же мудрый кивок видавшей виды женщины, как и в первый раз, будто Луиза — у Мэри при этой мысли скрутило желудок — будто она знала, о ком Мэри сейчас говорила. Но Мэри не могла это выяснить, не раскрыв свою историю, а к этому она была не готова — по крайней мере, пока.

— Мужчины могут быть такими ужасными, — сказала Мэри. Это прозвучало легковесно, по-бриджитджонсовски, но это была *правда*.

Правда, гори оно всё в аду.

Глава 15

Понтеру Боддету и Тукане Пратт было присвоено (или подтверждено — в зависимости от юридической интерпретации) канадское гражданство в здании канадского парламента во второй половине того же дня. Церемонию проводил лично федеральный министр гражданства и иммиграции в присутствии журналистов со всего мира.

Понтер, как мог, произнёс клятву, которую он заучил под руководством Элен Ганье; он даже исковеркал не так уж много слов: «Обещаю храныть верность э быть преданным подданным Её Велычества Королевы Елезаветы Второй, Королевы Канады, её наследнеков и преемнеков, соблюдать законы Канады, эсполнять все обязаннносте канадского гражданына». Элен Ганье была так довольна выступлением Понтера, что, забывшись, зааплодировала по окончанию его речи, заслужив неодобрительный взгляд министра.

Тукане английские слова давались гораздо тяжелее, но и она в конце концов с ними справилась.

По окончании церемонии был небольшой фуршет с вином и сыром — в ходе которого, как заметила Элен, Понтер и Тукана не притронулись ни к тому, ни к другому. Они не пили молока и не ели никаких молочных продуктов; также их не интересовало ничего, произведённое из зерновых. Элен предусмотрительно накормила их перед началом церемонии, иначе они бы быстро опустошили блюда с фруктами и холодными закусками, которые также были на фуршете. Понтеру особенно пришлось по вкусу копчёное мясо по-монреальски.

Каждому неандертальцу был выдан не только сертификат о канадском гражданстве, но и карточка медицинского страхования провинции Онтарио и паспорт. Завтра они должны были отправиться в Соединённые Штаты. Но перед этим им предстояло поучаствовать в ещё одном официальном мероприятии на канадской земле.

* * *

— Вам понравился ужин с канадским премьер-министром? — спросил Селган, сидя на седлокресле в своём круглом офисе.

Понтер кивнул.

— Очень понравился. Там было много интерес-

ных людей. И мы ели большие коровьи бифштексы из Альберты — это, видимо, ещё одна часть Канады. А также овощи: некоторые из них я узнал, другие — нет.

— Надо бы и мне тоже попробовать эту корову, — сказал Селган.

— Она может быть очень вкусной, — сказал Понтер, — хотя, похоже, это чуть ли не единственное млекопитающее, которое они едят — это, и ещё разновидность кабана, которую они вывели путём селекции.

— Ах, — сказал Селган. — Думаю, это я тоже когда-нибудь попробую. — Он помолчал. — Итак, давайте посмотрим, где мы находимся. Вы вернулись в другой мир, но обстоятельства пока что не позволили вам встретиться с Мэре. В то же время вы встретились с высшими должностными лицами страны, в которой вы оказались. Вы хорошо питались и чувствовали… что? Удовлетворение?

— Да, полагаю, это можно и так назвать. Но…

— Но что? — спросил Селган.

— Это состояние продлилось недолго.

* * *

После ужина на Сассекс-драйв, 24 Понтера от-

везли в гостиницу «Шато-Лорье» и поместили в его огромные апартаменты. Их обстановка была… наверное, слово «роскошный» подходит здесь лучше всего, подумал Понтер; номер был обставлен и украшен более замысловато, чем всё, что он когда-либо видел в своем мире.

Тукана уехала вместе с Элен Ганье, чтобы ещё раз обсудить с ней детали её завтрашнего выступления перед Объединёнными Нациями. Понтеру не нужно было там выступать, но, тем не менее, он провёл вечер, читая об этой организации.

Строго говоря, это было не совсем так: ни он, ни Хак пока что не умели читать по-английски. Понтер пользовался предоставленным канадским правительством портативным компьютером, в который была загружена какая-то энциклопедия. Энциклопедия эта имела функцию преобразования текста в речь, которая читала текст раздражающе механическим голосом — народ Понтера мог многому научить глексенов в области синтезирования голосов. Так или иначе, Хак слушал английские слова, произносимые компьютером, и переводил их для Понтера на неантертальский язык.

В самом начале статьи про Организацию Объединённых Наций была ссылка на понятие

«устава» этой организации — по-видимому, ещё учредительный документ. Его вступление повергло Понтера в ужас:

> Мы, народы Объединённых Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе…

Две войны — в течение одной человеческой жизни! В истории мира Понтера тоже были войны, но последняя окончилась почти двадцать тысяч месяцев назад. Она была опустошительной, но причинённое ею горе определённо не было невыразимым (Хак перевёл это слово как «не подсчитанное»). Наоборот, каждый подросток должен был знать жуткую правду о той войне, которая унесла жизни 719 человек.

Какая страшная трагедия! Но глексены вели не одну, а две войны с промежутком в какую-то тысячу лун.

С другой стороны, откуда он знает, как давно была основана ООН? Возможно, под «нашей жизнью» имеется в виду период давно минувшего прошлого. Понтер попросил Хака прослушать статью дальше и посмотреть, не сможет ли он

обнаружить дату основания организации. Он смог: один-девять-четыре-пять.

Текущий год по глексенскому счёту имеет номер два-чего-то-там, не так ли?

— Сколько лет назад это было? — спросил Понтер.

Хак ответил, и Понтер почувствовал, как бессильно оседает в своём кресле. Период «нашей жизни», о котором говорилось в документе, период, в течение которого не одна, а две войны бушевали в этом мире — фактически, ещё продолжался.

Понтер захотел узнать больше о глексенских войнах. Прежде чем удалиться с Туканой, Элен оставила энциклопедию открытой на статье об Организации Объединённых Наций, но Понтеру постепенно удалось пробиться через совершенно не интуитивный интерфейс.

— Которое из слов означает «война»? — спросил он.

Хак сопоставил услышанный текст со словами, изображёнными на экране компьютера.

— Это шестая справа группа символов в девятой строке текста.

Понтер обозначил это место на экране, прижав его кончиком пальца.

— Не может быть, — сказал он. — В этой группе всего пять символов. — На языке неандертальцев «война» звучала как *мапарталтапа*; с тех пор, как он попал сюда, Понтер не раз сожалел о своих скудных познаниях в лингвистике — как бы она ему сейчас пригодилась! — однако одной из основ, которую он отлично понимал, было то, что короткие слова обозначают распространённые концепции.

— Я уверен, что определил правильно, — сказал Хак. — Это слово произносится «вой-на».

— Но… ох…

Понтер осмотрел… *клавиатура*, так, кажется, это называлось. Он сумел найти клавиши с символами, похожими на «в», «о», «й» и «н», но не видел ничего, похожего на «а».

— Попробуй указать на это слово, — подсказал Хак. — Возможно, для него есть ссылки.

Понтер повозился с чувствительным к прикосновению пятачком на клавиатуре, двигая маленькую ёлочку на экране, пока её вершина не коснулась слова, и, после нескольких экспериментов, сумел выделить его другим цветом. В левой части экрана появился список тем, и…

Понтер ощутил, как у него отвисает челюсть.

Война Алой и Белой розы.
Балканские войны.
Война во Вьетнаме.
Война в Заливе.
Испано-американская война.
Гражданская война в Испании.
Корейская война.
Крымская война.

И так далее, и так далее.
Ещё и ещё.
И…
И…
Сердце Понтера встрепенулось.

Первая мировая война.
Вторая мировая война.

Понтеру хотелось выругаться, но в его распоряжении были только те эпитеты, которые были в ходу у его народа: связанные с разложением мяса и с удалением из организма отходов пищеварения. Ни то, ни другое не казалось сейчас подходящим. До этого момента он не понимал глексенской манеры выражать эмоции, поминая постулируемую высшую силу, будто прося высшее существо объяснить людское безрассудство.

Но к данному случаю такое выражение подходило как нельзя лучше. Целый мир, ведущий войну! Понтер боялся открывать эти статьи, боялся услышать о количестве жертв такой войны. Они наверняка исчисляются тысячами…

Он провёл пальцем по чувствительному пятачку на клавиатуре, и позволил энциклопедии прочитать статью для Хак.

В Первой мировой войне погибло десять миллионов солдат.

А во Второй мировой пятьдесят пять миллионов человек — и солдат, и гражданских — умерли от разных причин, обозначенных как «боевые потери», «голод», «бомбардировки городов», «эпидемии», «геноцид» и «радиация» — хотя о том, какое отношение радиация может иметь к войне, Понтер мог лишь гадать.

Понтеру стало плохо. Он поднялся с кресла, подошёл к окну и посмотрел на панораму ночного города — Оттавы. Элен говорила ему, что видимое отсюда высокое здание на Парламентском холме называется Башней Мира[28].

Он открыл окно настолько широко, насколько позволяла его конструкция — это было немно-

[28] Примечания: 28

Центральный элемент здания канадского парламента в Оттаве — колокольная и часовая башня высотой 92 м.

го — и позволил восхитительно холодному воздуху с улицы проникнуть внутрь. Несмотря на запах, он немного успокоил его желудок, но Понтер обнаружил, что не перестаёт покачивать головой туда-сюда.

Он вспомнил вопрос, который задал ему Адекор по возвращении из первого путешествия в этот мир: *Они хорошие люди, Понтер? Стоит ли нам общаться с ними?*

И Понтер тогда ответил «да». В сущности, возобновление контактов с этой расой… расой *убийц*, расой воинов — было делом его рук. Но в первый раз он видел настолько малую часть этого мира, что…

Нет. Он видел *достаточно*. Он видел, что одни делают с природой, как они приводят в негодность огромные пространства, как неконтролируемо размножаются. Он знал, кто они такие, и всё же…

Понтер снова наполнил лёгкие холодным воздухом с улицы.

И всё же он хотел снова встретиться с Мэре. И это желание ослепило его, затмило всё, что он знал о глексенах. Его тошнота не была вызвана тем, что он только что узнал. Скорее, причины была в осознании того, что он сознательно подав-

лял свой собственный здравый смысл.

Он посмотрел на Башню Мира, высокую и коричневую с какой-то разновидностью хрономера у самой вершины, стоящую в самом сердце резиденции правительства этой страны. Возможно… возможно, глексены изменились. Они создали организацию, которую он завтра посетит, специально для того, чтобы, как сказано в её уставе, *избавить* грядущие поколения от бедствий войны.

Понтер оставил окно открытым, подошёл к кровати — он сомневался, что когда-нибудь привыкнет к приподнятым над полом мягким лежбищам глексенов — лёг на спину, закинул руки за голову и принялся разглядывать гипсовые завитки на потолке.

* * *

Понтера и Тукану, сопровождаемых Элен Ганье и двумя офицерами RCMP[29] в штатском, которые выполняли функции телохранителей, доставили на лимузине в международный аэропорт Оттавы.

---

[29] Примечания: 29

Канадская королевская конная полиция — Royal Canadian Mounted Police, RCMP — федеральная полицейская служба в Канаде, выполняющая примерно те же функции, что Федеральное Бюро Расследований в США.

Предыдущий короткий перелёт из Садбери в Оттаву произвёл на обоих неандертальцев неизгладимое впечатление: никому из них прежде не приходилось наблюдать ландшафты Северного Онтарио — которые в этом мире были точно таким же смешением сосен, озёр и обнажений коренных пород, как и на их версии Земли — с такого великолепного ракурса.

Сперва Понтер почувствовал себя несколько униженным технологическим превосходством глексенов — их самолётами и космическими кораблями. Однако проведённые вчера вечером изыскания дали ему представление о причинах прогресса глексенов именно в этих областях.

Он просмотрел множество статей в энциклопедии. Война действительно оказалась одной из корневых концепций их культуры, что отразилось в краткости обозначающего её термина.

Война сделала возможным…

Даже слова, с помощью которых они описывали свой прогресс, имели отношение к войне.

Война сделала возможным завоевание воздушной среды и космоса.

Лимузин подъехал к терминалу, и Хак обратил внимание Понтера на содержащуюся в этом названии иронию: место, в котором начиналось

воздушное путешествие, называлось словом, означавшим окончание или завершение, в том числе, самой жизни.

Помещение, в котором на шахте «Крейгтон» переодевались горняки, казалось Понтеру огромным, но массивное сооружение аэропорта оказалось самым большим закрытым помещением из всего, что он когда-либо видел. И оно было набито людьми и их феромонами. Понтер почувствовал головокружение и дурноту; к тому же ему было неловко от того, что многие люди откровенно пялились на него и Тукану.

Они выполнили несколько бумажных формальностей — Понтер не следил за деталями — и подошли к странного вида арке. Здесь Элен попросила его и Тукану снять свои медицинские пояса и положить их на ленту конвейера, а также выложить всё из карманов на одежде. После этого, по знаку Элен, Понтер прошёл через арку.

Тут же зазвучал тревожный сигнал, насмерть перепугав Понтера.

Внезапно мужчина в униформе начал водить каким-то прибором по телу Понтера. Прибор издал пронзительный звук, оказавшись поблизости от его левого предплечья.

— Закатайте рукав, — сказал человек в при-

бором.

Понтер никогда раньше не слышал этого выражения, но догадался о его значении. Он расстегнул застёжки рукава и свернул его, обнажив металл и пластик своего компаньона.

Человек некоторое время рассматривал имплант, потом произнёс, практически себе под нос:

— Мы можем такое сделать. У нас есть технологии.[30]

— Простите? — сказал Понтер.

— Не обращайте внимания, — ответил человек с прибором. — Проходите, пожалуйста.

Полёт до Нью-Йорка был недолог — едва ли половина децидня. Элен предупредила Понтера и перед этим полётом, и перед предыдущим, что они могут почувствовать некоторый дискомфорт во время снижения из-за быстрой смены атмосферного давления, но Понтер ничего такого не почувствовал. Возможно, это была исключительно глексенская неприятность, связанная с

---

[30] Примечания: 30

Крылатая фраза из американского сериала 1970-х годов «The Six Million Dollar Man» об астронавте, ставшем после страшной аварии киборгом — многие части его тела были заменены супертехнологичными протезами и имплантами стоимостью шесть миллионов долларов, благодаря которым он приобрёл суперсилу, суперскорость, суперзрение и прочие сверхспособности и стал работать на правительственное разведывательное агентство.

узостью из носовых синусов.

Согласно сообщениям по громкоговорителю самолёт был вынужден отклониться к югу и пролететь непосредственно над островом Манхэттен, уступая дорогу другим самолётам. *Теснота в небе!* думал Понтер. *Поразительно!* Понтер, тем не менее, чувствовал необычайный подъём. Вчера, после того, как он уже не мог больше слушать о войнах, он открыл статью энциклопедии, посвящённую Нью-Йорку. Как он узнал, в нём была масса рукотворных достопримечательностей, которые ему было очень интересно попытаться рассмотреть сверху. Он поискал и нашёл гигантскую зелёную женщину с суровым лицом и с факелом в поднятой вверх руке. Однако, как он ни пытался, не смог высмотреть двух одинаковых башен, которые поднимались бы высоко над окружающей застройкой, каждая высотой в совершенно невероятные сто десять этажей.

Когда они, наконец, снова оказались на земле, Понтер спросил Элен об отсутствующих *небоскрёбах* — это слово казалось ему очень поэтичным.

Элен явно не знала, что ответить.

— Э-э… — сказала она, — вы имеете в виду Всемирный торговый центр. Когда-то они были высочайшими зданиями на планете, но… — Её

голос дрогнул, к удивлению Понтера. — Я… я не думала, что именно мне придётся вам об этом рассказать, но… — Ещё одна пауза. — Но они были уничтожены террористами.

Компаньон Понтера издал гудок, но Тукана, которая вчера определённо провела собственные изыскания, склонила голову к Понтеру:

— Глексенские преступники, которые пытаются добиться политических или экономических изменений с помощью насилия.

Понтер покачал головой, снова изумлённый миром, в котором он оказался.

— Как же они их уничтожили?

Элен слова помедлила, прежде чем ответить.

— Они угнали два больших самолёта с полными топливными баками и врезались на них в небоскрёбы.

Понтер не знал, что сказать. Но он был рад, что узнал об этой истории уже после того, как самолёт опустился на землю.

Глава 16

Когда Мэри было восемнадцать, её бойфренд Донни поехал с родителями на летние каникулы в Лос-Анджелес. Это было до широкого распространения электронной почты и даже дешёвой междугородней телефонной связи, так что они писали друг другу письма. Поначалу Донни присылал длинные, плотно исписанные послания, полные новостей и заявлений о том, как сильно он по ней скучает и как сильно её любит.

Но по мере того, как приятные дни июня сменялись знойным июлем и влажным душным августом, письма стали приходить всё реже, а строчки в них были всё менее плотными. Мэри отчётливо помнила день, когда одно из них пришло только с именем Дона в конце, без обычного «Люблю».

Говорят, что любовь крепнет с расстоянием. Может, иногда бывает и так. Может, сейчас как раз такой случай. Со дня последней встречи с Понтером прошло несколько недель, но её тянуло к нему не меньше, а даже сильнее, чем в тот день, когда они расстались.

Но была и разница. После того, как Понтер ушёл, Мэри снова осталась одна — и при этом даже не свободна, поскольку они с Кольмом лишь расстались, но не развелись; развод означал бы отлучение от церкви для них обоих, а процедура аннулирования брака казалась ей ханжеской и лицемерной.

Но Понтер был одинок только пока был здесь. Да, он вдовец, хотя он сам и не применял к себе этого термина, однако вернувшись в свою вселенную, он оказался в кругу семьи, состоявшем из его однополого партнёра Адекора Халда и — Мэри запомнила их имена — двух его дочерей, восемнадцатилетней Жасмель Кет и восьмилетней Мегамег Бек.

Мэри сидела в приёмной на восемнадцатом этаже здания Секретариата ООН и ждала окончания встречи, в которой участвовал Понтер, чтобы они смогли, наконец, снова увидеться. Она сидела в кресле, слишком нервничая, чтобы читать, её желудок завязывался в узел, а в голове теснились всевозможные мысли. Узнает ли её Понтер вообще? Здесь, в Нью-Йорке он наверняка видел массу блондинок под сорок; а вдруг глексены одного цвета для него все на одно лицо? Кроме того, по возвращении из Садбери она по-

стриглась и прибавила в весе по меньшей мере пару килограммов, чтоб им пусто было.

И, в конце концов, это *она* его отвергла в прошлый раз. Возможно она — последняя, кого Понтер хотел бы видеть во второй свой визит на Землю.

Но нет. Нет. Он понял, что она боролась с последствиями изнасилования, что в её неспособности ответить на его ухаживания нет его вины. Да, разумеется, он это понимает.

И всё же всё было так…

Сердце Мэри подпрыгнуло. Дверь открывалась, и приглушённые голоса за ней внезапно стали хорошо различимы. Мэри вскочила на ноги — руки нервно прижаты к груди.

— …и я дам вам все цифры, — говорил азиатского вида дипломат, обращаясь через плечо к седовласой неандерталке, Тукане Прат.

Ещё два дипломата-сапиенса протиснулись в дверь, а за ними…

А за ними шёл Понтер Боддет — тёмно-русая шевелюра разделяется пробором точно по центру, а цвет золотисто-карих глаз заметен даже с такого расстояния. Мэри вскинула брови, но Понтер её ещё не заметил… или не почуял? Он разговаривал с одним из двух дипломатов, говоря

что-то о геологоразведке, как вдруг…

Как вдруг его взгляд, наконец, упал на Мэри, и он сделал аккуратный шаг в сторону, обходя идущих перед ним людей, и его лицо расплылось в тридцатисантиметровой улыбке, которую Мэри так хорошо помнила, и он моментально преодолел разделяющее их расстояние, подхватил её на руки и прижал к массивной груди.

— Мэре! — воскликнул Понтер, своим собственным голосом, и потом, голосом компаньона: — Как я рад тебя видеть!

— С возвращением, — сказала Мэри, прижимаясь щекой к его щеке. — Как хорошо, что ты вернулся.

— Что ты делаешь в Нью-Йорке? — спросил Понтер.

Мэри могла бы сказать, что приехала в надежде получить образцы ДНК Туканы; это была часть правды, и это позволило бы легко избежать объяснений, сохранить лицо, но…

— Я приехала увидеть тебя, — просто сказала она.

Понтер снова сжал её, потом ослабил хватку и отступил на полшага, положив обе руки её на плечи и глядя прямо в лицо:

— Я *так* рад, — сказал он.

Мэри вдруг осознала, что все люди в помещении смотрят на них с Понтером, и действительно, мгновение спустя Тукана тактично кашлянула, как мог это сделать в подобной ситуации любой глексен.

Понтер повернул голову к госпоже послу.

— О, — сказал он. — Простите. Это Мэри Воган, генетик, я вам о ней рассказывал.

Мери выступила вперёд и протянула руку.

— Здравствуйте, госпожа посол.

Тукана взяла руку Мэри в свою и пожала её с поразительной силой. Мэри подумала, что, будь она похитрей, то смогла бы получить несколько клеток кожи Туканы прямо в процессе рукопожатия.

— Рада с вами познакомиться, — произнесла пожилая неандерталка. — Я Тукана Прат.

— Да, я знаю, — улыбаясь, ответила Мэри. — Читала о вас в газетах.

— У меня такое чувство, — сказала Тукана, изобразив на лице понимающую улыбку, — что вам и посланнику Боддету не помешает провести некоторое время наедине. — Не дожидаясь ответа, она обернулась к одному из глексенских дипломатов. — Мы могли бы поехать к вам в офис и изучить те данные о распределении населения?

Дипломат кивнул, и все потянулись к выходу из комнаты, оставив Мэри и Понтера одних.

— Итак, — сказал Понтер, снова сгребая Мэри в охапку, — как у тебя дела?

Мэри не могла определить, её сердце или сердце Понтера вдруг застучало, как отбойный молоток.

— Теперь, когда ты вернулся, — ответила она, — у меня всё хорошо.

* * *

Зал Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций состоял из серии концентрических полуокружностей, охватывающих центральное возвышение. Понтер был ошеломлён разнообразием взирающих на него лиц. Ещё в Канаде он отметил разницу в цвете кожи и чертах лица, так что ожидал, что в Соединённых Штатах встретит примерно то же самое. Здесь, в этом огромном зале, он видел примерно такое же разнообразие цветов кожи, которое, как сказала Лурт, определённо является следствием длительного периода географической изоляции различных цветовых групп, если принять на веру утверждение Мэри о том, что все эти люди полностью репродуктивно совместимы.

Но здесь все представители одной какой-ли-

бо страны были одного цвета — даже Канаду и Соединённые Штаты представляли в ООН одни только светлокожие делегаты.

Более того: Понтер уже привык к тому, что разного рода советы в его мире либо состоят исключительно из представителей одного пола, либо включают ровно половину мужчин и половину женщин. Но здесь мужчины составляли где-то девяносто пять процентов делегатов, женщин было исчезающе мало. Возможно ли, думал Понтер, что существует какая-то иерархия среди «рас», как их называла Мэре, в которой светлокожим принадлежит верховная власть? Возможно ли также, что глексенские женщины имеют низший, чем мужчины, статус и лишь изредка пробиваются в высшие круги?

Ещё одной деталью, поразившей Понтера, стал непривычно молодой возраст здешних дипломатов. Некоторые из них даже были моложе, чем сам Понтер! Мэре как-то упомянула, что подкрашивает свои волосы, чтобы скрыть седину — этого Понтер вообще не мог понять: прятать седину — всё равно что прятать мудрость. Глексены мужского пола, как он заметил, красили волосы гораздо реже — вероятно, им чаще приходилось доказывать свою мудрость. Однако всё

равно в среди собравшихся здесь людей седовласых было непривычно мало.

Подозрения Понтера немного улеглись, когда здешний высший чин, носящий загадочный титул «всеобщий писарь[31]», оказался темнокожим мужчиной более-менее, по меркам Понтера, подходящего для такого поста возраста. Элен Ганье шёпотом сообщила Понтеру, что этот человек недавно получил Нобелевскую премию мира, что бы это такое ни было.

Понтер сидел вместе с канадской делегацией. К сожалению, Мэре не пустили на места для делегаций, хотя она наверняка сидела где-то наверху, на местах для зрителей. Над трибуной Понтер заметил гигантскую версию бледно-голубого герба Объединённых Наций. Хотя умом Понтер осознавал, где находится, на уровне эмоций он всё ещё отказывался признавать, что этот странный мир имеет хоть какое-то отношение к *его* Земле. Но центр герба занимала карта Земли в полярной проекции, которая выглядела точно так же, как аналогичные карты, которые Понтер видел у себя дома. Карту окружали ветви какого-то растения. Понтер спросил у Элен, каково значение этих

---

[31] Примечания: 31
Генеральный секретарь.

ветвей, и она объяснила, что это лавровые ветви, символ мира.

Башня Мира. Премия мира. Ветви мира. При всей их воинственности мир, похоже, занимает очень важное место в головах глексенов. Понтера также отметил, что их слово, обозначающее мир, даже короче слова, обозначающего войну.

После длинного приветственного слова «военачальника-писаря» наконец подошла очередь Туканы. Она поднялась и прошла к трибуне, в то время как глексены занимались тем, что у них называлось «аплодисментами». Тукана несла маленький ящичек из полированного дерева, который она поставила на трибуну.

Генеральный секретарь пожал ей руку и оставил центральное возвышение.

— Приветствую вас, народы Земли, — произнёс имплант Туканы, переводя её слова; Элен потребовалось некоторое время, чтобы донести до компаньона понятие «народов» — множественного числа слова, которое само по себе обозначает множество людей. — Я приветствую вас от имени Верховного Серого совета моего мира и от имени всего нашего народа.

Тукана продолжила, кивнув в сторону Понтера:

— Когда один из нас появился здесь впервые, это было результатом неожиданного стечения обстоятельств. В этот раз наш приход был заранее спланирован и с нетерпением ожидаем нашим народом. Мы намерены установить долгосрочные мирные связи с каждой из представленных здесь наций.

Некоторое время она продолжала в этом ключе, не говоря почти ничего существенного. Однако глексены, как заметил Понтер, ловили каждое её слово, хотя те, кто сидел ближе всего, украдкой разглядывали Понтера, по-видимому, заинтригованные его необычной внешностью.

— А теперь, — сказала Тукана, очевидно, переходя к сути дела, — я с удовольствием произведу первую торговую операцию между нашими двумя народами. — Она повернулась к темнокожему мужчине, стоявшему у края центрального возвышения. — Прошу вас…

«Военачальник-писарь» вернулся к трибуне, неся собственный маленький деревянный ящичек. Тукана открыла свой, только что доставленный с другой стороны.

— Этот ящик, — сказала Тукана, — содержит точную репродукцию черепа ископаемого экземпляра, чей аналог на этой Земле носит обозна-

чение AL 288-1, представителя вида, названного вами Australopithecus afarensis, экземпляра, более известного как Люси, — Тукана проинструктировала компаньон произнести это имя с правильным звуком «и».

В зале зашептались. Значение происходящего Понтеру объяснили заранее. На обеих версиях Земли останки одной и той же самки австралопитека в результате эрозии оказались на поверхности в месте, которое глексены называли Хадар, Эфиопия, на этой Земле, и в соответствующей точке северо-западной Караканы в мире Понтера. Однако метеорологические явления в двух мирах не идентичны. На этой Земле, Земле Нью-Йорка, Торонто и Садбери, этот череп был сильно повреждён эрозией, когда Дональд Йоханссон нашёл его в году, который глексены называют 1974-м. Но на Земле Туканы и Понтера скелет был обнаружен раньше, чем эрозия успела нанести ему значительный вред. Это был очень символичный подарок, тонко подчёркивающий факт того, что в обоих мирах существуют одни и те же залежи полезных ископаемых и окаменелости, и обмен информацией об их местоположении будет без сомнения выгоден обеим сторонам.

— Я с благодарностью принимаю этот дар от

имени всех народов Земли, — сказал темнокожий человек. — И, в качестве ответного дара, прошу вас принять вот это. — Он протянул свой ящичек Тукане. Она открыла его и вынула нечто, выглядевшее как кусок камня, завёрнутый в прозрачный пластик. — Это образец брекчии, взятый Джеймсом Ирвином в борозде Хэдли. — Он выдержал драматическую паузу, явно наслаждаясь недоумением Туканы. — Борозда Хэдли, — объяснил «военачальник-писарь», — находится на Луне.

Глаза Туканы округлились. Понтер был потрясён не меньше её. Кусочек Луны! Как он мог сомневаться в том, что с этими людьми нужно дружить!

Глава 17

Мэри сбега́ла вниз по винтовой лестнице в холл здания Объединённых Наций. Понтер и Тукана покидали Генеральную Ассамблею, окружённые квартетом полицейских в форме, очевидно, несущих охрану. Мэри поспешила к двум неандертальцам, но один из полицейских преградил ей дорогу.

— Сожалею, мэм… — сказал он.

Мэри выкрикнула имя Понтера, и тот обернулся.

— Мэре! — воскликнул он собственным голосом и заговорил через транслятор: — Пожалуйста, пропустите её, офицер. Это мой друг.

Полицейский кивнул и отступил в сторону. Мэри метнулась к Понтеру.

— Ну и как, по-твоему, всё прошло? — спросил он.

— Блестяще, — ответила Мэри. — Кто придумал подарить слепок черепа Люси из вашего мира?

— Один из геологов «Инко».

Мэри восхищённо покачала головой.

— Великолепная мысль!

Посол Тукана обернулась к Мэри.

— Мы собираемся покинуть это здание и пообедать. Вы присоединитесь к нам?

Мэри улыбнулась. Старшая неандерталка, может быть, не слишком опытный дипломат, но она определённо очень любезна.

— С удовольствием, — ответила она.

— Ну так идёмте, — сказала Тукана. — Для нас — как это у вас говорится? — зарезервирован столик в едальне неподалёку.

Мэри порадовалась, что захватила плащ, хотя Понтер с Туканой, похоже, отлично себя чувствовали без верхней одежды. На них обоих были штаны того типа, что Мэри видела раньше на Понтере — с клапанами на концах штанин, которые обёртывались вокруг ступни. Штаны Понтера были зелёного цвета, Туканы — коричневого. Также на обоих были рубахи с застёжками на плечах.

Мэри ещё раз взглянула на башню ООН — прямоугольный монолит, закрывающий солнце. Помимо Мэри, неандертальцев сопровождали два американских дипломата и два канадских. Четверо полицейских окружали группу идущих по аллее дипломатов.

Тукана разговаривала с дипломатами. Пон-

тер и Мэри немного отстали от них, оживлённо болтая.

— Как твоя семья? — спросила Мэри.

— Все здоровы, — ответил Понтер. — Но ты не поверишь, когда я тебе расскажу, что там творилось в моё отсутствие. Моего партнёра, Адекора, обвинили в убийстве меня.

— Правда? — удивилась Мэри. — Но почему?

— Это долгая история, как у вас говорят. К счастью, я вернулся как раз вовремя, и его оправдали.

— Теперь с ним всё в порядке?

— Да, всё хорошо. Надеюсь вас как-нибудь познакомить. Он такой…

Три звука раздались почти одновременно: «у-у-фф» Понтера, крик одного из полицейских и громкий треск, словно удар грома.

Мэри поняла, что случилось, только когда Понтер осел на землю. Она упала рядом с ним на колени и принялась ощупывать его залитую кровью рубаху в поисках входного отверстия, которое она непременно должна зажать, чтобы остановить кровь.

* * *

Гром? подумала Тукана. Но нет, невозможно.

Небо, хотя и вонючее, но чистое и безоблачное.

Она повернулась и посмотрела на Понтера, который — *что такое?* — распростёрся на асфальте в луже крови. Этот звук — метательное оружие — *огнестрельное* оружие, так это называется. Оно выстрелило и…

И внезапно Тукана обнаружила, что падает лицом вперёд прямо на асфальт и утыкается в него своим огромным носом.

Один из глексенских принудителей прыгнул Тукане на спину и опрокинул её на землю, прикрывая её своим телом. Благородно, ничего не скажешь, но Тукане не нужна была такая защита. Она потянулась за спину, схватила принудителя за плечо и дёрнула его вверх и вперёд, так что он, оглушённый, шлёпнулся на спину прямо перед ней. Тукана вскочила на ноги; несмотря на хлещущую из носа кровь ей не составило труда уловить запах использованного в оружии взрывчатого вещества. Она повернула голову влево, вправо, и…

Вот. Бегущая прочь фигура, и в руке…

Воняющий пистолет.

Тукана бросилась за ней, затопотав массивными ногами по асфальту.

* * *

— Понтер ранен в левое плечо, — сообщил Хак Мэри через внешний динамик. — Пульс учащён, но слаб. Кровяное давление падает, температура тела тоже.

— Шок, — сказала Мэри. Она продолжила ощупывать плечо Понтера и, наконец, нашла место, куда попала пуля; её палец ушел в отверстие по вторую фалангу. — Ты можешь сказать, застряла ли пуля в теле?

Один из полицейских нависал над Мэри и Понтером; второй вызывал скорую с помощью укреплённой на груди рации. Третий загонял американских и канадских дипломатов обратно в здание.

— Уверенности нет, — сказал Хак. — Я не ощущаю признаков выходного отверстия. — Пауза. — Он теряет много крови. В его медпакете есть каутеризационный лазерный скальпель. Откройте третий карман на правой стороне.

Мэри достала прибор, который выглядел как толстый зелёный фломастер.

— Да. Поверните нижнюю часть скальпеля так, чтобы символ из двух точек и чёрточки поравнялся с треугольной меткой.

Мэри осмотрела прибор и сделала, как сказал Хак.

— Так? — спросила она, поднося скальпель к линзе компаньона.

— Правильно, — сказал Хак. — Теперь точно выполняйте мои инструкции. Раскройте рубашку Понтера.

— Как? — спросила Мэри.

— Она раскрывается вдоль плеча, если одновременно сжать с обеих сторон.

Мэри попробовала, и ткань и правда разошлась. Она продолжала, пока не оголила всё левое плечо и руку. Рану окружали ручейки ярко-красной крови, растекающейся по всем углублениям в мускулатуре.

— Скальпель включается нажатием на синий квадрат — вы видите его?

Мэри кивнула.

— Да.

— Если вдавить его наполовину, лазер включится на малой мощности, так что вы сможете увидеть, куда направлен луч. Вдавив его до упора, вы включите лазер на полную мощность и сможете прижечь разорванную артерию.

— Я поняла, — сказала Мэри. Пальцами левой руки она расширила рану, так, чтобы можно

было заглянуть внутрь.

— Вы видите артерию? — спросил Хак.

Там было так много крови.

— Нет.

— Нажмите квадрат активации до половины.

Посреди кровавого пятна вспыхнула яркая синяя точка.

— Хорошо, — сказал Хак. — Повреждённая артерия в двенадцати миллиметрах от точки, на которую вы сейчас указываете, вдоль линии, соединяющей текущее положение и левый сосок.

Мэри передвинула луч, восхитившись возможностями, которые даёт Хаку его сенсорное поле.

— Немного дальше, — сказал Хак. — Здесь! Стоп. Теперь включайте на полную мощность.

Точка вспыхнула, и Мэри увидела поднимающийся из раны дымок.

— Ещё раз! — сказал Хак.

Она нажала на квадрат снова.

— И на два миллиметра дальше вдоль… нет, в обратную сторону. Здесь! Ещё раз!

Она активировала лазер.

— Передвиньте дальше на то же расстояние. Да. Ещё раз!

Она нажала на синий квадрат, и снова почуяла запах испаряемых тканей.

— Этого должно быть достаточно, — сказал Хак, — чтобы дожаться квалифицированной помощи.

Золотистые глаза Понтера неуверенно раскрылись.

— Держись, — сказала Мэри, глядя в них, и беря его за руку. — Помошь уже идёт. — Она сбросила плащ и укрыла его.

* * *

Тукана Прат гналась за человеком с пистолетом. Один из глексенских принудителей кричал «Стойте!», но Тукана не сразу поняла, что он кричит ей, а не убегающему человеку. Однако ни один из принудителей не мог бежать так быстро, как она; если она прекратит погоню, человек с пистолетом скроется.

Часть мозга Туканы Прат пыталась анализировать ситуацию. Из огнестрельного оружия, насколько она понимала, запросто можно убить, но элемент неожиданности уже потерян; маловероятно, чтобы… *стрелок*, вот правильное слово — остановился и снова стал бы стрелять. Кажется, сейчас его единственная цель — бегство, и, будучи глексеном, он вряд ли осознавал, что пока в его руке пистолет, из которого только

что стреляли, Тукане Прат не составит труда его выследить.

Улица была запружена народом, но Тукана прокладывала путь сквозь толпу без труда: люди делали всё возможное, чтобы убраться с пути несущейся во весь опор неандерталки.

Мужчина, которого она преследовала — а это оказался мужчина, глексен мужского пола — казался ниже ростом, чем большинство его соплеменников. Тукана стремительно сокращала расстояние между ними; сейчас она сможет протянуть руку и схватить его.

Преследуемый, должно быть, услыхал приближающийся топот за спиной. Он оглянулся через плечо и вытянул руку с пистолетом назад.

— Он целится в нас, — сказал компаньон Туканы через кохлеарные импланты.

Тукана уже забыла о текущей из носа крови; её дыхательные пути были достаточно широки, чтобы справиться с повышенной потребностью в кислороде при беге. На самом деле она даже чувствовала прилив сил — приток кислорода к мускулатуре увеличился, а не сократился. Сделав последний шаг, она оттолкнулась от земли обеими ногами и прыгнула вперёд, прямо на глексена. Тот выстрелил, но промазал; из толпы позади по-

слышались вскрики. Тукана очень надеялась, что то были возгласы испуга, а не ужаса от того, что пуля, предназначенная её, попала в кого-то ещё.

Тукана врезалась в стрелка, опрокинув его на тротуар; сцепившись, они прокатились на несколько шагов вперёд. Тукана услышала топот бегущих следом принудителей. Человек под ней попытался вывернуться и выстрелил снова. Тукана взяла заднюю часть его странной угловатой головы в захват и…

У неё не было другого выбора. Это была очевидная…

Тукана ударила стрелка головой о покрывавший землю искусственный камень. Череп треснул, его лобная часть раскололась, как перезревший арбуз.

Тукана ощутила, как заколотилось у неё сердце; некоторое время она не могла сделать вдох.

Внезапно она осознала, что трое из четырёх принудителей нагнали её и теперь медленно приближаются, целясь в лежащего на земле человека из своего оружия, которое сжимают двумя руками.

Но когда Тукана поднялась, то увидела на лицах глексенов выражение ужаса.

Средний из трёх принудителей вдруг перегнул-

ся пополам, и его вырвало.

Другой с округлившимися глазами пробормотал:

— Господи Иисусе…

А Тукана смотрела на лежащего на земле мёртвого, мёртвого, мёртвого человека, который стрелял в Понтера.

Она стояла и слушала звук приближающихся сирен.

Глава 18

— Кризисный режим! — крикнул Джок Кригер, торопливо шагая по коридору здания «Синерджи Груп». — Всем собраться в конференц-зале!

Луиза Бенуа высунула голову из двери своей лаборатории.

— Что стряслось? — спросила она.

— В конференц-зал! — крикнул Джок через плечо. — Немедленно!

Потребовалось не более пяти минут для того, чтобы весь персонал собрался в помещении, которое было роскошной гостиной во времена, когда это здание ещё было жилым.

— Значит, так, — сказал Джок. — Пришла пора отрабатывать свой длинный бакс.

— Что случилось? — спросила Лили из группы обработки изображений.

— В Нью-Йорке стреляли в НП, — сказал Джок.

— Стреляли в Понтера? — округлив глаза, переспросила Луиза.

— Именно.

— Он не…

— Он жив. Это всё, что мне сейчас известно.

— Что с послом? — спросила Лили.

— Она цела, — ответил Джок. — Она убила человека, стрелявшего в Понтера.

— О Господи, — сказал Кевин, тоже из группы изображений.

— Думаю, вам всем известна моя область, — сказал Джок. — Теория игр. Так вот, ставки только что взлетели очень, очень высоко. Что-то сейчас обязательно случится, и наша задача — выяснить, что именно, чтобы мы могли посоветовать президенту, как…

— Президенту? — воскликнула Луиза, и её глаза округлились ещё больше.

— Именно. Бирюльки кончились. Мы должны знать, как неандертальцы могут на это отреагировать, и как нам следует действовать в этой связи. Так вот, дамы и господа — нам нужны идеи. Начинайте их производить!

* * *

Тукана Прат смотрела на человека, которого только что убила. Элен Ганье нагнала их и теперь поддерживала её под локоть. Потом помогла ей двинуться с места и повела прочь от мёртвого тела.

— Я не хотела его убивать, — тихо произнесла

потрясённая Тукана.

— Я знаю, — мягко ответила Элен. — Я знаю.

— Он… он пытался убить Понтера. Он пытался убить меня.

— Все это видели, — сказала Элен. — Это была самооборона.

— Да, но…

— У вас не было выбора, — сказала Элен. — Вам нужно было его остановить.

— Остановить, да, — согласилась Тукана. — Но не… не…

Элен развернула Тукану лицом к себе и схватила её за плечи.

— *Это была самооборона, слышите?* Даже на секунду не допускайте мысли, что это было что-то ещё.

— Но…

— *Слушайте меня!* У нас и без того будет полно проблем.

— Я… я должна поговорить со своим начальством, — сказала Тукана.

— Я тоже, — ответила Элен, — и… — её телефон зазвонил. Она выудила его из кармана и открыла. — *Allo? Oui. Oui. Je ne sais pas. J'ai-un moment, s'il*

vous plaît[32] . — Она прикрыла микрофон рукой и шёпотом сказала Тукане: — Это Пи-Эм-О.

— Что?

— Офис премьер-министра. — Она снова заговорила в телефон по-французски. — *Non. Non, mais…Oui — beaucoup de sang… No, elle est sein et sauf. D'accord. Non, pas de problème. D'accord. Non, aujourd'hui. Oui, maintenant… Pearson, oui. D'accord, oui. Au revoir.*[33] — она закрыла телефон и убрала его в карман. — Я должна отвезти вас обратно в Канаду, как только полиция закончит вас допрашивать.

— Допрашивать?

— Это простая формальность. Потом вас отвезут в Садбери, где вы сможете сообщить своему народу, что произошло. — Элен взглянула на испачканное кровью лицо неандерталки. — Что… Как вы думаете, что сделает ваше начальство?

Тукана оглянулась назад, на мёртвого человека, потом вперёд, туда, где санитары «скорой помощи» склонились над лежащим на спине

---

[32] Примечания: 32

(фр.) Алло? Да. Да. Я не знаю. Я… одну секунду, если позволите.

[33] Примечания: 33

(фр.) Нет. Нет, но… Да — много крови. Нет, она цела и невредима. Хорошо. Нет, никаких проблем. Хорошо. Нет, сегодня. Да, сейчас… Пирсон, да. Да, хорошо. До свидания.

Понтером.

— Понятия не имею, — сказала она.

* * *

— Итак, — сказал Джок Кригер, меряя шагами роскошную гостиную в доме на Сибриз, — в этой ситуации возможны два подхода. Первый — что они, неандертальцы, являются пострадавшей стороной. Один из наших соплеменников совершенно неспровоцированно всадил пулю в одного из них — от этого никуда не денешься. Второй — что пострадавшей стороной являемся *мы*. Да, один из наших стрелял в одного из них, но их парень жив, а наш — мёртв.

Луиза Бенуа покачала головой.

— Я бы не стала называть террориста, или наёмного убийцу, или кто он там на самом деле, «нашим парнем».

— Я бы тоже не стал, — сказал Джок, — но против фактов не попрёшь. Играют глексены против неандертальцев; мы против них. И кто-то должен сделать следующий ход.

— Мы можем принести извинения, — сказал Кевин Билодо, откидываясь на спинку стула. — Вывернуться наизнанку, чтоб показать, как мы об этом сожалеем.

— Я бы сказала, что нам нужно подождать и посмотреть на их реакцию, — сказала Лили.

— И что если они хлопнут дверью? — сказал Джок, оборачиваясь к ней. — Что если они выдернут затычку на этом их дурацком квантовом компьютере? — Он повернулся к Луизе. — Насколько мы близки к воспроизведению их технологий?

Луиза издала что-то похожее на «пф-ф-ф».

— Вы шутите? Мы едва начали.

— Мы не можем позволить им закрыть портал, — сказал Кевин.

— И что же вы предлагаете? — насмешливо спросил один из социологов, кряжистый мужчина под пятьдесят. — Послать туда войска, чтобы предотвратить его отключение?

— Возможно, нам *придётся* это сделать, — сказал Джок.

— Вы это серьёзно? — спросила Луиза.

— У вас есть идея получше? — огрызнулся Джок.

— Они, знаете ли, не идиоты, — сказала Луиза. — Я уверена, что у них есть какая-то аварийная система как раз на случай, если мы сделаем именно это.

— Может быть, — сказал Джок. — А может, и нет.

— Захват портала будет дипломатическим кошмаром, — сказал Расмуссен, грубоватого вида мужчина, чьей специальностью была геополитика; его задачей было попытаться представить себе политическую структуру мира неандертальцев исходя из того, что география двух миров идентична. — Суэцкий кризис номер два.

— Зараза, — сказал Кригер и пнул мусорную корзину. — Чтоб им провалиться. — Он покачал головой. — Весь смысл теории игр состоит в определении наилучшего достижимого результата для обеих сторон конфликта. Но это не ядерное балансирование — это скорее баскетбол на заднем дворе. Мы должны сделать что-то, иначе неандертальцы заберут мяч и пойдут домой, и больше уже ничего не будет.

* * *

В сопровождении Элен Ганье Тукана Прат вылетела рейсом «Эйр-Канада» из аэропорта Джона Кеннеди в Пирсон, а потом рейсом «Эйр-Онтарио» из Пирсона в аэропорт Садбери. Там их уже дожидалась машина, которая доставила их на шахту «Крейгтон». Посол спустилась вниз на шахтном подъёмнике, прошла по штреку, ведущему в нейтринную обсерваторию, и по деркеровой трубе

перешла на другую сторону — на *свою* сторону.

И теперь в павильоне архива алиби она беседовала с членом Верховного Серого совета Бедросом, который, поскольку портал располагался в его регионе, пристально следил за всем, что было связано с контактом с глексенами.

Записи, сделанные на той стороне специально модифицированным для этой цели компаньоном Туканы Прат, были загружены в её архив алиби, и теперь она и Бедрос наблюдали за тем, как в висящей перед ними в воздухе голосфере разворачивался трагический инцидент.

— Думаю, нет никаких сомнений относительно того, что нам делать дальше, — сказал Бедрос. — Как только Понтер поправится достаточно, чтобы покинуть глексенскую больницу, мы должны его отозвать. А затем разорвать связь с миром глексенов.

— Я… я не уверена, что такой образ действий единственно правилен, — сказала Тукана. — Понтер, по-видимому, скоро поправится. А вот глексен мёртв.

— Только из-за того, что промахнулся, — заметил Бедрос.

— Да, но…

— Никаких «но». Я собираюсь рекомендовать

Совету закрыть портал навсегда, как только через него пройдёт Понтер Боддет.

— Прошу вас, — сказала Тукана. — Перед нами слишком ценная возможность, чтобы от неё отказываться.

— Они никогда не чистили свой генофонд, — рявкнул Бедрос. — Самые отвратительные, самые опасные признаки по-прежнему процветают в их народе.

— Я понимаю, но несмотря на…

— И они носят оружие! Не для охоты — а чтобы убивать себе подобных. И сколько дней прошло, прежде они обратили его против нашего соплеменника? — Бедрос покачал головой. — Понтер Боддет рассказал, что случилось в их мире с нашим видом — помните, он узнал об этом в ходе первого посещения. Они — глексены — истребили нас. Задумайтесь об этом, посол Прат. Задумайтесь! Глексены физически слабы. Немощные хиляки! И всё-таки они стёрли нас с лица земли, несмотря на нашу силу и больший, чем у них, мозг. Как им удалось это сделать?

— Понятия не имею. Кроме того, по словам Понтера, что это лишь *одна из* их теорий касательно того, что случилось с нами в их мире.

— Они одолели нас с помощью коварства, —

продолжал Бедрос, словно не слыша реплики Туканы. — С помощью обмана. С помощью немыслимой жестокости. Толпы их, вооружённых камнями и копьями, затопили наши долины, давили нас числом, пока земля не пропиталась кровью наших предков, и не умер последний из них. *Это* их история. *Это* их путь. Держать дверь в их мир открытой — безумие.

— Портал находится глубоко в толще скальной породы, и через него одновременно могут пройти не больше двух человек. Я не думаю, что есть основания беспокоиться о том, что…

— Я слышу, как наши предки говорили те же самые слова полмиллиона месяцев назад. «О, взгляните-ка! Иная разновидность людей! Нет, я думаю, нам не о чем беспокоиться. В конце концов, входы в долину такие узкие…»

— Мы не знаем наверняка, что было именно так, — сказала Тукана.

— Но зачем рисковать? — спросил Бедрос. — Зачем рисковать даже один лишний день?

Тукана Пратт отключила голосферу и начала медленно расхаживать взад-вперёд.

— Визит в другой мир стал для меня тяжёлым уроком, — тихо сказала она. — Я узнала, что по их стандартам я весьма посредственный дипломат.

Я говорю слишком сжато и слишком прямолинейно. И да, я готова признать: у этих людей множество неприятных черт. Вы правы, называя их жестокими. А вред, который они наносят природе своего мира, не поддаётся исчислению. Но есть в них также и *величие*. Понтер был прав, когда сказал, что они достигнут звёзд.

— И скатертью дорога, — сказал Бедрос.

— Не говорите так. Я видела в их мире произведения искусства, которые невыразимо прекрасны. Они отличаются от нас, и в силу особенностей своего характера и темперамента они способны на такое, что нам не под силу.

— Но один из них хотел вас убить!

— Один из, это так. Один из шести миллиардов. — Тукана на мгновение замолчала. — Знаете, в чём самая большая разница между ними и нами?

Бедрос, судя по выражению его лица, хотел было сказать что-то едкое, но передумал.

— В чём? — спросил он.

— Они верят, что у всего есть *цель*. — Тукана развела руки стороны, словно пытаясь охватить всё сущее. — Они верят, что у жизни есть *смысл*.

— Потому что убедили себя в том, что мироздание руководит некий высший разум.

— Отчасти так. Но это глубже. Даже их атеисты — те из них, кто не верит в их Бога — ищут смысл, объяснение. Мы существуем — но они *живут*. Они *ищут*.

— Мы тоже ищем. У нас есть наука.

— Но мы преследуем практические цели. Мы хотим лучших инструментов, поэтому изучаем способы их изготовления. А они занимаются поиском ответов на, как они говорят, главные вопросы: Почему мы здесь? *Для чего* это всё?

— Это бессмысленные вопросы.

— Так ли?

— Конечно так!

— Может быть, вы правы, — сказала Тукана Прат. — Но скорее всего нет. Возможно, они идут к ответам, приближают новое озарение.

— И тогда они перестанут убивать друг друга? Перестанут разрушать природу?

— Я не знаю. Возможно. В них есть и хорошее.

— В них *смерть*. Мы можем пережить контакт с ними только при одном условии — если они перебьют друг друга прежде, чем возьмутся за нас.

Тукана закрыла глаза.

— Я знаю, что у вас добрые намерения, советник Бедрос, и…

— Не делайте из меня дурака.

— Что вы! Я понимаю, что вы действуете в интересах нашего народа. Но ведь и я тоже. А я смотрю на вещи как дипломат.

— Как *некомпетентный* дипломат, — огрызнулся Бедрос. — Даже глексены так считают!

— Я…

— Или вы и раньше убивали местных жителей?

— Послушайте, *советник*, я расстроена этим инцидентом не меньше вашего, но…

— Довольно! — крикнул Бедрос. — Хватит! Мы с самого начала не должны были позволять Боддету манипулировать нами. Настало время прислушаться к мнению старших и мудрых.

Глава 19

Мэри крадучись вошла в больничную палату, где лежал Понтер. Хирурги без труда удалили пулю — в конце концов, затылочный отдел у неандертальцев практически идентичен таковому у Homo sapiens, к тому же Хак, по-видимому, консультировал их во время операции. Понтер потерял много крови, и в нормальных условиях ему бы назначили переливание, но от этого было решено воздержаться ввиду слабого пока знакомства с неандертальской гематологией. Понтеру поставили капельницу с физраствором, и Хак регулярно докладывал врачам о его состоянии.

После операции бóльшую часть времени Понтер находился без создания: по указанию Хака ему была сделана инъекция снотворного препарата из его собственного медицинского пояса.

Мэри смотрела, как широкая грудь Понтера поднимается и опадает. Она вспомнила, как увидела его впервые — это тоже произошло в больничной палате. Тогда она смотрела на него с изумлением — она не могла поверить, что живые неандертальцы существуют.

Однако теперь она смотрела на него не как на диковинный экземпляр, на уродца, на невозможную игру природы. Сейчас она смотрела на любимого человека. И это разрывало ей сердце.

Внезапно глаза Понтера открылись.

— Мэре, — тихо произнёс он.

— Я не хотела тебя разбудить, — сказала Мэри, подходя к его кровати.

— Я уже не спал, — сказал Понтер. — Хак играл мне музыку. А потом я почуял тебя.

— Как ты? — спросила Мэри, придвигая к кровати стул.

Понтер стянул с себя простыню. Его волосатая грудь была обнажена, но на плече красовался большой запятнанный засохшей кровью марлевый тампон, прикреплённый к телу полосками лейкопластыря.

— Я буду жить, — сказал он.

— Мне так жаль, что это случилось, — сказала Мэри.

— Что с Туканой? — спросил Понтер.

Мэри вскинула бровь, удивившись, что Понтеру ещё ничего не сказали.

— Она погналась за человеком, который в тебя стрелял.

Широкий рот Понтера растянулся в болезнен-

ной улыбке.

— Подозреваю, что он оказался в худшей спортивной форме?

— Не то слово, — тихо сказала Мэри. — Понтер, она убила его.

Понтер некоторое время молчал.

— Мы редко берём правосудие в собственные руки.

— Я слушала, что говорят об этом по телевизору, пока тебе делали операцию. — сказала Мэри. — Большинство считают, что это была самооборона.

— Как она его убила?

Мэри слегка пожала плечами, словно в знак того, что из песни слов не выкинуть.

— Она ударила его головой о тротуар, и голова… она просто раскололась.

Понтер снова помолчал.

— Ох, — сказал он, наконец. — Что с ней теперь будет?

Мэри задумалась. Она как-то прочла судебную драму, которую неумеренно расхваливали в «Глоуб энд Мэйл», про то, как в Лос-Анджелесе судили инопланетянина за убийство человека[34]. Но в

---

[34] Примечания: 34

Имеется в виду роман Роберта Сойера «Illegal Alien» (1997).

нынешней ситуации было одно существенное отличие…

— У нас иностранные дипломаты выведены из-под действия законов страны, в которой они работают; это называется «дипломатический иммунитет». И Тукана обладает им как канадский представитель в ООН.

— О чём ты говоришь?

Мэри задумалась в поисках примера.

— В 2001 Андрей Князев, российский дипломат в Канаде, сел за руль пьяным и сбил машиной двух пешеходов. Ему не было предъявлено обвинение в Канаде, поскольку он являлся представителем официально признанного иностранного государства, хотя один из сбитых им пешеходов умер.

Глубоко сидящие глаза Понтера округлились.

— Ну и в любом случае сотни людей видели, как он стрелял в тебя, а потом в Тукану, прежде чем она… гм… *отреагировала* так, как… в общем, так, как отреагировала. Как я сказала, её действия, вероятно, будут признаны самообороной.

— Как бы там ни было, — тихо сказал Понтер, — Тукана — очень хороший человек. Это наверняка стало для неё огромным потрясением. — Пауза. — Ты уверена, что ей ничего не угрожает? — Он наклонил голову. — После того, что случилось

с Адекором, когда я пропал, я как-то не доверяю системам правосудия.

— Понтер, она уже вернулась домой… в ваш мир. Она сказала, что должна поговорить с… как это у вас называется? Совет Седых?

— Верховный Серый совет, — сказал Понтер, — если ты говоришь о нашем правительстве. — Пауза. — А что известно о погибшем?

Мэри задумалась.

— Его зовут Коул — Руфус Коул. Полиция всё ещё выясняет, кто он такой и что имел против вас с Туканой.

— И какие варианты?

Мэри на секунду смешалась.

— Что?

— Варианты, — повторил Понтер. — Возможные причины его нападения на нас.

Мэри пожала плечами.

— Он может быть религиозным фанатиком: из тех, кому не нравится ваши атеистические убеждения или само ваше существование, поскольку оно противоречит библейской легенде о сотворении.

Понтер округлил глаза.

— Убив меня, он не отменил бы факта моего существования.

— Понятное дело. Но… тут я, конечно, могу только гадать… Коул мог считать вас орудиями Сатаны…

Мэри вздрогнула, услышав гудок.

— Дьявола. Носителя зла. Оппонента Бога.

Понтер оживился.

— У Бога есть оппонент?

— Да… в смысле, так сказано в Библии. Но кроме фундаменталистов — тех, кто считает, что каждое слово Библии есть истина — мало кто сейчас по-настоящему верит в Сатану.

— Почему? — спросил Понтер.

— Ну, я думаю, потому что это нелепо. Только глупец может воспринимать эту концепцию всерьёз.

Понтер уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но, очевидно, передумал и снова закрыл его.

— Кроме того, — быстро добавила Мэри; ей не хотелось развивать эту тему, — он может оказаться агентом иностранного государства или какой-нибудь террористической группы.

Понтер поднял бровь, ожидая продолжения. Мэри снова пожала плечами.

— Или он может быть просто сумасшедшим.

— Вы разрешаете сумасшедшим носить оружие? — спросил Понтер.

Как добропорядочная канадка Мэри была убеждена, что только таким оружие и нужно, но оставила эту мысль при себе.

— На самом деле это самый лучший вариант, — сказала она. — Если он псих и действовал в одиночку, то не стоит беспокоиться о том, что нечто подобное может повториться. А вот если он член террористической группы…

Понтер опустил взгляд — и, конечно же, упёрся в свою забинтованную грудь.

— Я надеялся, что мои дочери тоже смогут посетить ваш мир.

— Мне бы так хотелось познакомиться с ними, — сказала Мэри.

— Что бы стало с этим… с этим Руфусом Коулом… — Понтер нахмурился. — Подумать только! Глексенское имя, которое я могу выговорить без труда, и оно принадлежит человеку, который хотел меня убить! Так вот, что бы стало с Руфусом Коулом, если бы он не погиб?

— Его бы судили, — ответила Мэри. — Если бы его признали виновным, он бы отправился в тюрьму.

Хак снова загудел.

— Э-э… это такое охраняемое место, где преступников держат в изоляции от остальных людей.

— Ты сказала «если бы его признали виновным». Но он ведь *стрелял* в меня.

— Да, но… если бы он оказался сумасшедшим, это было бы смягчающим обстоятельством. Его могли бы признать невиновным по причине невменяемости.

Понтер снова вскинул бровь.

— А не лучше ли это выяснить до того, как он возьмёт в руки оружие, а не после того, как он им воспользуется?

Мэри кивнула.

— Не могу с тобой не согласиться. Но, тем не менее, это так.

— Что, если бы я… если бы он меня убил? Или Тукану? Что бы с ним стало тогда?

— Здесь? В Штатах? Его могли бы казнить.

Неизбежный гудок.

— Умертвить. Убить в наказание за его преступление, и в качестве предостережения тем, кто может задумать что-то подобное.

Понтер замотал головой; его длинные волосы хлестнули по подушке.

— Я бы этого не хотел, — сказал он. — Никто не заслуживает преждевременной смерти, даже тот, кто желает её другим.

— Да ладно, Понтер, — сказала Мэри, удивив-

шись резкости своего голоса. — Разве можно относиться к этому как… как какой-то *Христос*? Чёртов придурок пытался тебя убить. А ты беспокоишься о том, что бы ему за это было?

Понтер ничего не ответил. Он не сказал, хотя Мэри знала, что он мог бы, что его уже однажды пытались убить: во время своего первого визита он рассказал Мэри, что в молодости ему страшным ударом раздробили челюсть. Но вместо этого он просто приподнял свою мохнатую бровь и сказал:

— В любом случае, это пустой разговор. Руфуса Коула больше нет.

Но Мэри была не готова замять тему.

— Тот, кто тебя стукнул много… много *месяцев* назад, не планировал этого заранее, и тут же раскаялся в содеянном; ты сам так сказал. А Руфус Коул *намеревался* совершить убийство, он его заранее спланировал. Это всё меняет.

Понтер немного поёрзал на госпитальной койке.

— Я остался жив, — сказал он. — Кроме того, ничто уже не сможет стереть шрам, который мне носить до самой смерти.

Мэри покачала головой, но ответила добродушно:

— Знаешь, Понтер, ты такой добрый, что иногда в это трудно поверить.

— Даже не знаю, что сказать.

Мэри улыбнулась.

— Этим ты только подтверждаешь мои слова.

— Но у меня есть вопрос.

— Да?

— Что теперь будет?

— Я не знаю, — сказала Мэри. — Доктор сказал, что из Садбери дипломатической почтой доставили для тебя пакет. По-моему, он вон там, на столе.

Понтер повернул голову.

— А. Подай мне его, пожалуйста.

Получив пакет, Понтер открыл его и извлёк что-то вроде большого конверта явно неандертальского происхождения — идеально квадратный. Он раскрыл и его — он открывался, как цветочный бутон — и вытащил из него крошечный рубиново-красный шарик.

— Что это? — спросила Мэри.

— Бусина памяти, — ответил Понтер. Он коснулся своего компаньона, и тот, к удивлению Мэри, развернулся, открыв внутреннее отделение с дополнительными элементами управления и круглым отверстием диаметром с карандаш. —

Она вставляется сюда, — сказал он, роняя бусину в отверстие. — Если позволишь…

— Я ухожу, — сказала Мэри. — Я понимаю, это только для твоих ушей.

— Нет-нет. Не уходи. Просто подожди немного, пока Хак проиграет мне запись через кохлеарные импланты.

Мэри кивнула; Понтер слегка склонил голову, как всегда делал, слушая слова Хака. Потом гигантская борозда прорезала его лоб. Через некоторое время Понтер снова раскрыл компаньон и вынул из него бусину.

— Что они говорят? — спросила Мэри.

— Верховный Серый совет хочет, чтобы я сейчас же вернулся домой.

У Мэри ёкнуло сердце.

— Ох…

— Но я не вернусь, — сказал Понтер.

— Что? Почему?

— Если я вернусь, они закроют портал между нашими мирами.

— Они так сказали?

— Не напрямик — но я знаю Совет. Мои соплеменники знают, что смертны, Мэре — мы знаем, что никакой загробной жизни нет. После того, что случилось, Совет может посчитать, что

продолжение контакта нежелательно. У нас и так было достаточно много тех, кто возражал против открытия портала, и сейчас их позиции упрочились.

— И ты можешь это сделать? Просто решить остаться здесь, и всё?

— Не только могу, но и сделаю. Могут быть проблемы, но я к ним готов.

— Вау, — тихо сказала Мэри.

— Пока я здесь, они портал не закроют. Это даст тем, кто, как я, считает, что контакт следует поддерживать, время на отстаивание своей позиции. Если портал закроют, останется всего один шаг до того, чтобы разобрать квантовый компьютер и сделать повторное его открытие невозможным.

— В таком случае, что ты собираешься делать, когда выйдешь из больницы?

Понтер посмотрел Мэри прямо в глаза.

— Буду проводить больше времени с тобой.

Сердце Мэри снова ёкнуло, но в этот раз от избытка чувств, и она улыбнулась.

— Это будет здорово. — И тут её осенило. — На следующей неделе я еду в Вашингтон представлять своё исследование неандертальской ДНК на съезде Палеоантропологического общества. Почему бы тебе не поехать со мной, а? Ты станешь

самой большой сенсацией с тех пор, как Уолпофф и Таттерсолл сцепились на съезде в Канзас-Сити.

— Это собрание специалистов по древним людям? — спросил Понтер.

— Ага, — ответила Мэри. — Там будут почти все, кто изучает древних людей в нашем мире. Поверь, тебе будет очень интересно познакомиться с ними.

Понтер задумался, и на какое-то мгновение Мэри испугалась, что он обиделся.

— Как мы туда попадём?

— Я тебя отвезу, — сказала Мэри. — Когда тебя выписывают?

— Насколько я понял, они хотят меня задержать ещё на день.

— Тогда всё в порядке.

— И что, не будет никаких препятствий?

— Будут, конечно, — Мэри улыбнулась. — Но я знаю одного человека, который может приказать им исчезнуть…

Глава 20

Тукана Прат усматривала некий парадокс в том, что именно этот человек предпочитает уединение. Но кто бы стал его винить в отшельничестве? Он был всемирно знаменит, его узнавали везде, где бы он ни появился. К тому же скоро мир собирается отметить тысячемесячный юбилей его великого изобретения. Ожидается, что он появится на публике сотни раз — если конечно к тому времени всё ещё будет жив, а в его возрасте этого гарантировать не мог никто. Он принадлежал к поколению 138, и во всём мире оставалось менее тысячи его сверстников, и никого — из более ранних поколений.

Тукане приходилось встречаться со 138-ми, но довольно давно. С последнего такого раза минуло уже месяцев пятьдесят, так что ещё никогда в жизни она не видела настолько старых людей.

Говорят, что седина — признак мудрости, но у великого человека волос не осталось совсем, по крайней мере, на его знаменитом, невероятно удлинённом черепе. Редкие и практически прозрачные волосы ещё сохранялись у него на

руках. Он представлял собой необычное зрелище: дряхлый, иссохший человек с кожей, покрытой серыми и коричневыми пятнами, но с пронзительно синими искусственными глазами из полированного металла со зрачками-диафрагмами, глазами, которые светились изнутри. Конечно, он мог бы поставить себе глаза, неотличимые от оригинала, но этому человеку не было нужды прятать импланты. Тукана знала, что другие импланты регулировали работу его сердца и почек, и что искусственные кости заменили бóльшую часть его рассыпающегося скелета. Кроме того, Тукана как-то слышала, как в разговоре с эксгибиционистом он пошутил, что когда человек настолько стар, то окружающим лучше сразу видеть, что у него искусственные глаза, чтобы не подумали, что он слепой и ничего не заметит.

Тукана вошла в обширную гостиную. Хозяин был настолько стар, что дерево, в котором он жил, достигло поистине гигантской толщины, и по мере того, как текли месяцы, он выдалбливал всё больше и больше его сердцевины, расширяя помещение.

А месяцев минуло немало! Родившийся в поколении 138 к сегодняшнему дню видел больше тринадцати сотен лун за поражающие воображе-

ние 108 лет своей жизни.

— Здравый день, — сказала Тукана, садясь.

— Сейчас я рад любому дню, — ответил неожиданно сильный и глубокий голос, — здравый он, или нет.

Тукана не смогла понять, был комментарий шутливым или мрачным, так что просто улыбнулась и кивнула. Потом, после короткой паузы, она сказала:

— Не могу выразить словами, какая для меня честь встретиться с вами.

— Но вы попробуйте, — сказал старик.

Тукана смешалась.

— Ну, просто мы так многим вам обязаны, что…

Но старик уже замахал рукой.

— Да шучу я, дамочка, шучу. — Тукана не удержалась от улыбки — прошли века с тех пор, когда её могли так назвать. — На самом деле вы окажете мне честь, если *не будете* мне её оказывать. Поверьте, я всё это слышал много раз. Я буду благодарен, если из уважения к тому короткому времени, что мне осталось, вы не станете его расходовать попусту. Поэтому просто скажите, что вам нужно.

Тукана почувствовала, что снова улыбается.

Как дипломат она встречалась со многими мировыми лидерами, но и подумать не могла, что когда-нибудь окажется лицом к лицу с величайшим изобретателем из всех, с самим Лонвесом Тробом. И всё же ей было не по себе от взгляда этих искусственных глаз, и она обнаружила, что смотрит на его левое предплечье, на имплантированный в него компаньон. Конечно это не был тот самый, первый компаньон, изобретённый Лонвесом так много месяцев назад. Нет, это была последняя модель — и все её металлические части, изумлённо отметила Тукана, были золотыми.

— Я не знаю, насколько вы следите за новостями относительно параллельной Земли…

— Слежу очень внимательно, — сказал Лонвес. — Это страшно интересно.

— Тогда вы, должно быть, знаете, что Верховный Серый совет назначил меня послом…

— Сварливые пердуны, — сказал Лонвес. — Дуралеи, все до единого.

— Ну, я могу понять…

— Знаете, — сказал Лонвес, — я слышал, что некоторые из них красят волосы в серый цвет, чтобы сойти за умных.

В плане расходования времени попусту Лонвес

и сам неплохо справляется, отметила Тукана, хотя он, конечно, заслужил подобную привилегию.

— Так или иначе, — сказала она, — они хотят закрыть портал между нашим миром и миром глексенов.

— Почему?

— Они боятся глексенов.

— Вы встречались с глексенами; они — нет. Я бы лучше выслушал ваше мнение.

— Ну, вы, должно быть, знаете, что один из них пытался убить посланника Боддета, а также стрелял в меня.

— Ага, слышал. Но вы оба выжили.

— Да.

— Вы знаете, мой друг Гуса…

Тукана не удержалась.

— Гуса? — воскликнула она. — Гуса *Каск*?

Лонвес кивнул.

— Ого, — тихо выдохнула Тукана.

— Так вот, я уверен, что Гуса найдёт способ защититься от метательного оружия глексенов. Насколько я понял, оно выталкивает снаряды посредством химического взрыва, из чего следует, что хотя снаряд и движется быстро, его скорость исчезающе мала по сравнению со скоростью света. Так что у лазера будет полно

времени, чтобы нацелиться и испарить его. Мои компаньоны уже давно сканируют пространство в радиусе двух с половиной саженей. Даже если снаряд летит со скоростью звука, у нас всё равно будет… — Он замолчал на долю такта, и Тукана задумалась — считает он в уме сам или слушает, что ему говорит компаньон; она сильно подозревала, что сам, — … 0,005 такта, чтобы навести лазер и выстрелить. Нам понадобится сферический эмиттер — никакая механическая конструкция не успеет среагировать — вероятно, вмонтированный в головной убор. Тривиальная задачка. — Он посмотрел на неё. — Так что, вы за этим пришли? Если так, то я свяжусь с Гусой от вашего имени и вернусь к своим делам.

— Э-э… нет, — сказала Тукана. — То есть, иметь что-то вроде этого будет просто здорово. Но я пришла к вам по другой причине.

— Ну так излагайте, дамочка. Что у вас на уме?

Тукана нервно сглотнула.

— Я хотела попросить вас об одолжении. Вас, и некоторых из ваших уважаемых друзей.

— О какого рода одолжении?

Тукана рассказала, и обрадовалась, увидев, как лицо старца озаряется улыбкой.

Глава 21

Луиза Бенуа была права: Джок Кригер мог потянуть за любые ниточки, какие только можно вообразить. Идея о том, что один из сотрудников его «Синерджи Груп» проведёт больше недели, общаясь с неандертальцем, безумно ему понравилась, и Мэри обнаружила, что препятствия перед их с Понтером поездкой в Вашингтон пропадают одно за другим. Джок также согласился с Понтером в том, что чем дольше он останется в этом мире, тем больше времени будет на то, чтобы убедить неандертальцев не закрывать портал.

Мэри решила отправиться в Вашингтон на машине; это показалось проще, чем толкаться в аэропортах с их системами безопасности. Плюс, у неё будет возможность показать Понтеру по дороге кое-какие достопримечательности.

Мэри взяла напрокат серебристый «форд-виндстар» с тонированными стёклами, чтобы снаружи нельзя было разглядеть, кто её пассажир. Они выехали в Филадельфию; неприметный автомобиль сопровождения двигался за ними в отдалении. Мэри и Понтер осмотрели Ин-

депенденс-холл и Колокол Свободы и съели оригинальный чизстейк «филли»[35] в «Пэтс»[36]; невзирая на сыр, Понтер съел три порции… Мэри хотела сказать «в один присест», но в «Пэтс» были только стоячие места, так что они забрали стейки с собой. Мэри чувствовала себя несколько странно, рассказывая Понтеру об истории США, но подозревала, что у неё получается лучше, чем у американца, пытающегося излагать историю Канады.

Понтер, похоже, полностью оправился после ранения — по-видимому, он был не только силён, как бык, но и обладал его конституцией. Что было очень даже кстати, подумала Мэри, мысленно улыбнувшись: ведь они находились в колыбели сильнейшей конституции мира.

* * *

Посол Тукана Пратт вышла на полукруглое возвышение в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. За ней последовал ещё один

---

[35] Примечания: 35

Разновидность сэндвича, изобретённая в Филадельфии в 1930-х годах Пэт и Гарри Оливьери.

[36] Примечания: 36

Pat's King of Steaks — сеть ресторанов, основанная Пэт и Гарри Оливьери, изобретателями чизстейка.

неандерталец, за ним ещё, и ещё, пока её не окружили десять представителей её расы. Она взошла на трибуну и склонилась к микрофону.

— Дамы и господа Объединённых Наций, — сказала она. — Позвольте представить вас новым делегатам от нашей Земли. Несмотря на печальные обстоятельства, сопутствовавшие моему предыдущему визиту, мы все явились к вам с посланием мира и дружбы и с распростёртыми объятиями. Не только я, правительственный функционер, но десятеро наших лучших и умнейших. Они не были обязаны прибыть сюда — они сделали это по собственному выбору. Они здесь, потому что верят в идеалы культурного обмена. Мы знаем, что вы ожидали развития отношений по принципу «ты — мне, я — тебе»: вы даёте что-то нам, взамен мы даём что-то вам. Но этот процесс налаживания отношений не должен безраздельно принадлежать экономистам и бизнесменам, и уж точно не воинам. Нет, такой обмен — естественная прерогатива идеалистов и мечтателей, тех, кто преследует наиболее возвышенные — *гуманитарные* цели. — Тукана улыбнулась собравшимся. — Я уже произнесла самую длинную речь в моей карьере, поэтому без дальнейших проволочек перейду к представле-

нию делегатов.

Она развернулась и указала на первого из десяти неандертальцев, стоящих позади неё: невероятно древнего на вид старика с горящими из-под надбровья синими искусственными глазами.

— Это, — сказала Тукана, — Лонвес Троб, наш величайший изобретатель. Он разработал импланты-компаньоны и технологию архивов алиби, которые сделали наш мир безопасным для всех, кто его населяет. Ему принадлежит то, что вы называете «патентом» — право интеллектуальной собственности на эти изобретения, и он явился сюда, чтобы безвозмездно поделиться ими с вами.

По рядам собравшихся прокатился ропот изумления. Из установленных в зале заседаний громкоговорителей полилась музыка, тревожная и будоражащая — музыка народа неандертальцев.

— А это, — продолжала Тукана, указывая на следующего в ряду — как это принято у неандертальцев, она двигалась от правого края к левому, — Борл Кадас, наш ведущий генетик. — Пожилая женщина, также 138-го поколения, выступила вперёд. — Находясь здесь, я слышала разговоры о патентовании человеческого генома.

Так вот, учёная Кадас руководила нашим эквивалентом вашего проекта «Геном человека» около пятидесяти лет назад. Она прибыла сюда, чтобы поделиться результатами этих исследований и теми благами, которые они принесли.

Тукана отметила, как пораскрывали от удивления рты некоторые делегаты.

— А это, — сказала она, указывая на дородного мужчину, — Дор Фаррер, поэт-лауреат провинции Бонтар, которого считают величайшим из ныне живущих наших литераторов. Он принёс с собой компьютеризированные архивы всех великих произведений поэзии и драматургии, литературы художественной и документальной, итерационного повествования и вообразительного письма, созданных нашим народом в прошлом, и окажет содействие в их переводе на ваши многочисленные языки.

Феррер энергично замахал делегатам. Музыка становилась богаче, к ней присоединялись новые инструменты.

— Рядом с ним Дерба Жонк. Она — наш крупнейший специалист в области использования стволовых клеток для избирательного клонирования частей тела. Как нам известно, вы только начали исследования в этой области; мы занима-

емся этим уже четыре поколения — сорок лет, и учёная Жонк с удовольствием поможет вашим медикам преодолеть отставание.

Многие делегаты издали изумлённые возгласы.

— Рядом с ней Кобаст Гант, — продолжала Тукана, — наш ведущий эксперт в области искусственного интеллекта. Те из вас, кто общался с Понтером Боддетом или со мной лично, уже имели дело с результатом его трудов — наши интеллектуальные компаньоны программировал он. И он также готов поделиться с вашим миром всем, что знает.

Сейчас даже «всеобщий писарь» бормотал что-то одобрительное. В музыкальную композицию вступили кубо-барабаны, их биение напоминало ритм исполненного гордостью сердца.

— А рядом с учёным Гантом — Жалск Лаплан, обладатель титула самого быстрого человека планеты — я полагаю, обеих планет. Мы замерили его время вчера: он пробегает одну вашу милю за три минуты одиннадцать секунд[37]. Жалск поделится своим опытом подготовки спортсменов.

Жалск улыбнулся от уха до уха. Музыка начала

---

[37] Примечания: 37
Текущий мировой рекорд — 3 минуты 43 секунды (1999).

ускорять темп.

— За ним следует Рабра Хаборн. Она — одна из наших лучших правоведов — ведущий современный интерпретатор Кодекса Цивилизации. Многих из вас удивляет наша способность руководствоваться моралью и этикой, не прибегая к авторитету высшего существа. Арбитр Хаборн с радостью ответит на все ваши вопросы в этой области. — К оркестру присоединилось трио ледовых рогов.

Хаборн с достоинством склонила голову. В нарушение действующих в зале Ассамблеи правил, некоторые из делегатов принесли с собой мобильные телефоны, и теперь разговаривали по ним, предположительно с главами своих государств.

— Рядом с ней, — продолжила Тукана, — Драде Клемелк, глава нашей Философской академии. Пусть его каштановые волосы вас не обманывают: он считается одним из мудрейших и проницательнейших мыслителей нашего мира. С его и арбитра Хаборн помощью вы сможете узнать всё о процессах нашего мышления.

— Я ожидаю этого с нетерпением, — произнёс Клемелк глубоким сильным голосом. Симфония повторяла вступительную часть, но в этот раз громче и насыщенней.

— Рядом с учёным Клемелком Крек Доналт, один из величайших наших композиторов. Это его произведение вы сейчас слышите: оно называется «Двое становятся Одним».

Доналт поклонился.

— И последняя — как у вас говорят, по порядку, но не по значению — доктор Дапбур Кажак, с которой некоторые из вас уже познакомились. Она изобрела калибруемые лазеры, которые используются для деконтаминации путешественников между двумя мирами. Учёная Кажак поделится с вами всем, что знает о дезинфекции человеческого тела и о квантово-каскадной лазерной физике.

Музыкальная композиция достигла крещендо; кубо-барабаны, ледовые рога, гремячие жеоды звучали в идеальной гармонии. Тукана заговорила снова.

— Все десятеро — учёные и инженеры, философы и художники, атлеты и мыслители — пришли сюда, чтобы свободно делиться всем, что они знают в области своей специализации. — Она оглядела Генеральную Ассамблею. — Давайте сделаем это, друзья. Сделаем так, чтобы отношения между нашими мирами были выгодны всем и строились на принципах мирного сотрудничества. Прошлое в прошлом; сейчас наша

забота — будущее. Давайте сделаем его настолько хорошим, насколько в наших силах.

Первым, как показалось Тукане Прат, захлопал один из австрийских делегатов, но к нему немедленно присоединились десятки, сотни других, и скоро уже все делегаты были на ногах, крича и неистово аплодируя.

Некомпетентная, говоришь? — подумала Тукана, улыбаясь восторженной толпе и испытывая небывалый подъём от того, что она только что совершила. — *Да пошёл ты в жопу!..*

Глава 22

— До начала конференции мы пробудем в Вашингтоне всего один день, — говорила Мэри, — и я многое хочу тебе показать. Но начать я хотела вот с этого. Ничто другое не скажет больше об этой стране и о том, что значит быть человеком — человеком моего вида.

Понтер рассматривал раскинувшийся перед ним пейзаж, ничего не понимая. Он видел шрам на травянистом ландшафте, длинный рубец, тянущийся шагов на восемьдесят, и там смыкающийся под тупым углом с другим, похожим шрамом.

Шрамы были черные и блестящие — опять то странное слово, как его? *Ок-сю-мо-рон*, вот как; терминологическое противоречие. Чёрный — значит, поглощающий свет; блестящий — значит, отражающий его.

И всё же это было именно оно — чёрное зеркало, в котором отражалось его лицо и лицо Мэри. Две разновидности людей — не просто мужчина и женщина, а два разных вида, две различные интерпретации людской темы. Её отражение

показывало то, что она называла Homo sapiens и он называл глексеном: странный вертикальный лоб, миниатюрный нос и… в языке Понтера не было для этого слова — её *подбородок*.

А его отражение показывало то, что она называла Homo neanderthalensis, а он называл *бараст* — слово «человек» на его родном языке: широкое неандертальское лицо, двойной изгиб надбровья и нос нормального размера, занимающий треть лица.

— Что это? — спросил Понтер, таращась на эту вытянутую черноту и на их отражения в ней.

— Это мемориал, — сказала Мэри. Она посмотрела вдоль чёрной стены и указала на объекты в отдалении. — Вся эта территория уставлена мемориалами. Вот эта пара стен указывает на два самых главных. Вот тот шпиль — это Монумент Вашингтона, мемориал первого президента Соединённых Штатов. А вон там мемориал Линкольна, увековечивший президента, освободившего рабов.

Транслятор Понтера загудел.

Мэри вздохнула. Разумеется, осталось ещё немало сложностей, немало — как это говорят? — грязного белья ещё придётся вытащить на белый свет.

— Мы посетим оба эти мемориала позже, — сказал Мэри. — Но, как я сказала, мне хотелось начать с этого. Это мемориал ветеранов Вьетнамской войны.

— Вьетнам — это вроде одно из ваших государств? — спросил Понтер.

Мэри кивнула.

— В юго-восточной Азии — юго-восточном Галасое. Чуть севернее экватора. Полоса земли в форме буквы S — она изобразила её пальцем в воздухе, чтобы Понтеру было нагляднее, — на тихоокеанском побережье.

— Мы называем эту местность Холтанатан. Но в моём мире это очень жаркое, дождливое, болотистое место, кишащее насекомыми. Там никто не живёт.

Мэри вскинула брови.

— В нашем мире там живёт больше восьмидесяти миллионов человек.

Понтер покачал головой. Люди этой версии Земли такие… такие *неумеренные*.

— И там, — продолжала Мэри, — была война.

— Из-за чего? Из-за болот?

Мэри прикрыла глаза.

— Из-за идеологии. Помнишь, я рассказывала тебе о Холодной войне? Эта война была её частью.

Горячей частью.

— Горячей? — Понтер тряхнул головой. — Ты не имеешь в виду температуру, не так ли?

— Нет. Это была война, на которой стреляли. На которой гибли люди.

Понтер нахмурился.

— Сколько людей?

— Всего, с обеих сторон? Никто точно не знает. Больше миллиона южных вьетнамцев. От полумиллиона до миллиона северных. Плюс… — она указала на стену.

— Да? — произнёс Понтер, всё ещё сбитый с толку блестящей чернотой.

— Плюс пятьдесят восемь тысяч двести десять американцев. Эти две стены хранят о них память.

— Каким образом?

— Видишь вырезанные на чёрном граните надписи?

Понтер кивнул.

— Это имена — имена тех, чья смерть была подтверждена, и тех, кто пропал без вести и так и не вернулся домой. — Мэри помолчала. — Война закончилась в 1975.

— А сейчас у вас… — Понтер назвал номер текущего года.

Мэри кивнула.

Понтер опустил глаза.

— Да, наверное, пропавшие уже не вернутся. — Он подошёл ближе к стене. — Как упорядочены имена?

— Хронологически. По дате смерти.

Понтер посмотрел на имена, все написанные буквами, которые, как он знал, называются заглавными, отделённые друг от друга маленькими кружка́ми, которые, он тоже это знал, называются так же, как метательный снаряд здешнего ручного оружия[38]. Ещё одно слово, служащее двум целям.

Понтер не умел читать английские буквы; идея фонетического алфавита всё ещё была для него чужда. Мэри подошла и встала рядом с ним, а потом тихим голосом прочла для него некоторые имена: «Майк А. Максин. Брюс Дж. Моран. Бобби Джо Маунтс. Рэймонд Д. Маглезен. — Она наугад указала на другую строку. — Сэмюэл Ф. Холифилд младший. Руфус Худ. Джеймс М. Инман. Дэвид Л. Джонсон. Арнольдо Л. Карильо.

И ещё одна строка, ближе к земле. Донни Л. Джексон. Бобби В. Джоуб. Бобби Рэй Джоунз. Хэл-

---

[38] Примечания: 38

Bullet — «пуля», bullet point — разделительный знак «●».

кот Р. Джоунз младший.

— Пятьдесят восемь тысяч, — сказал Понтер таким же тихим голосом.

— Да.

— Но… ты сказала, что это мёртвые американцы?

Мэри кивнула.

— Почему они воевали на другом конце мира?

— Они помогали Южному Вьетнаму. Видишь ли, в 1954 году Вьетнам согласно мирному договору был разделён на две части, Северный Вьетнам и Южный Вьетнам. Два года спустя, в 1956, должны были состояться свободные выборы в обеих частях страны под надзором международного комитета, для того, чтобы объединить страну под единым, избранным народом руководством. Но когда настал 1956 год, лидер Южного Вьетнама отказался проводить намеченные выборы.

— Ты много рассказывала мне об этой стране, Соединённых Штатах, когда мы были в Филадельфии, — сказал Понтер. — Я знаю, как высоко американцы ценят демократию. Дай угадаю: США послали войска, чтобы принудить лидера Южного Вьетнама провести обещанные демократические выборы?

Мэри покачала головой.

— Нет, нет, США поддержали Юг в его нежелании проводить выборы.

— Но почему? Правительство Севера было коррумпировано?

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, оно было достаточно честным и разумным — по крайней мере, до тех пор, пока обещанные выборы, к которым оно стремилось, не были отменены. Но там *было* коррумпированное правительство — на Юге.

Понтер озадаченно покачал головой.

— Но ты сказала, что американцы были на стороне Юга.

— Так и было. Видишь ли, правительство Юга было хоть и коррумпированное, но капиталистическое — оно принимало американскую экономическую систему. Правительство Севера было стояло на стороне коммунизма — экономической системы, принятой в Советском Союзе и Китае. Но северное правительство было популярнее, чем коррумпированное южное. Соединённые Штаты боялись, что если будут проведены свободные выборы, коммунисты получат власть над всем Вьетнамом, и это приведёт к тому, что под властью коммунистов окажутся и другие страны юго-восточного Галасоя.

— И поэтому туда отправились американские

солдаты?

— Да.

— Чтобы умереть?

— Да, многие умерли. — Мэри помолчала. — Вот что я хотела, чтобы ты понял: как важны для нас принципы. Мы умираем, защищая идеологию, умираем в поддержку идеи. — Она указала на стену. — Эти люди, эти пятьдесят восемь тысяч человек, сражались за то, во что верили. Им сказали идти воевать, сказали идти спасать слабый народ от того, что считалось страшной коммунистической угрозой, и они сделали, как им сказали. Большинство из них были молоды — восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один год. Многие впервые покинули дом.

— И теперь они мертвы.

Мэри кивнула.

— Но не забыты. Мы вспоминаем их здесь. — Она украдкой показала рукой вдоль стены. Охрана Понтера — теперь это были агенты ФБР, которых организовал Джок Кригер — не подпускали народ близко к нему, но стены невероятно длинны, и в отдалении кто-то стоял, прислонясь к чёрной поверхности. — Видишь вон того человека? — спросила Мэри. — У него листок бумаги и карандаш, и он переносит на бумагу отпечаток

имени кого-то, кого он знал. Ему… ну, в общем, он выглядит на пятьдесят-шестьдесят, так ведь? Вполне возможно, он сам был во Вьетнаме. А имя, которое он копирует, возможно, принадлежит другу, который погиб там.

Понтер и Мэри молча смотрели, как человек заканчивает то, что делал. А потом он свернул листок, положил его в нагрудный карман и начал говорить.

Понтер недоумённо качнул головой. Потом указал на компаньон у себя на левом предплечье.

— Я думал, ваш народ не пользуется коммуникационными имплантами.

— Так и есть, — сказала Мэри.

— Но я не вижу у него никакого внешнего устройства — как вы его называете? — сотового телефона.

— Его нет, — тихо сказала Мэри.

— Но с кем он тогда говорит?

Мери слегка пожала плечами.

— Со товарищем, которого потерял.

— Но он мёртв.

— Да.

— Но ведь нельзя разговаривать с мёртвыми, — сказал Понтер.

Мери снова указала стену; отражение в обсиди-

ановой поверхности повторило её жест.

— Люди считают, что можно. Некоторые утверждают, что здесь чувствуют себя ближе к ним.

— Здесь хранятся останки мёртвых людей?

— Что? Нет, нет.

— Но тогда я…

— Это *имена*, — сказала Мэри, немного сердясь. — Имена. Здесь их имена, и через эти имена мы вступаем в контакт с теми, кто их носил.

Понтер нахмурился.

— Я… прости, я не хочу показаться тупым. Но ведь это не может быть правдой. Мы — мой народ — устанавливаем взаимоотношения посредством лиц. Есть множество людей, которых я знаю в лицо, но никогда не знал по имени. И, в общем, я устанавливаю взаимоотношения с тобой, но, хотя я и знаю твоё имя, я не могу его правильно произнести даже мысленно. «Мэре» — это лучшее, на что я способен.

— Мы считаем, что в имени есть… — Мэри пожала плечами, сознавая, как смехотворно прозвучит то, что она сейчас скажет, — …некая *магия*.

— Но вы же не можете общаться с мёртвыми, — не унимался Понтер. Он не упрямился, вовсе нет — он просто не понимал.

Мэри на мгновение прикрыла глаза, словно собираясь с силами — или, подумал Понтер, словно обращаясь к кому-то, кого здесь нет.

— Я знаю, что твой народ не верит в жизнь после смерти.

— «Жизнь после смерти», — повторил Понтер, словно откусывая кусочек мяса на пробу. — Оксюморон.

— Не для нас, — сказала Мэри. Потом, с бóльшим чувством: — Не для меня. — Она огляделась вокруг. Поначалу Понтеру показалось, что это лишь экстернализация её мыслей: она будто ищет путей объяснить, что чувствует. Но потом её глаза сверкнули, и она пошла вдоль стены. Понтер поспешил за ней.

— Видишь эти цветы? — спросила Мэри.

Он кивнул.

— Конечно.

— Их оставил здесь один из живых для одного из мёртвых. Для кого-то, чьё имя вырезано на этой секции. — Она указала на участок полированного гранита прямо перед собой.

Потом Мэри нагнулась. Цветы — красные розы — были с длинными стеблями, связанными друг с другом нитью. К букету была прикреплена лентой небольшая карточка.

— «Для Вилли», — сказала Мэри, очевидно, прочитав написанное на карточке, — «от любящей сестры».

— Ах, — сказал Понтер, не найдя лучшего ответа.

Мэри прошла дальше. Она подошла к желтовато-коричневому листу бумаги, прислонённому к стене и подняла его.

— «Дорогой Карл», — прочитала она и замолчала, осматривая гранитную панель перед собой. — Это, должно быть, он, — сказала она, протягивая руку и касаясь одной из надписей. — Карл Боуэн. — Она продолжала смотреть на вырезанное в граните имя. — Это тебе, Карл, — произнесла она — по-видимому, от себя лично, поскольку не смотрела на бумагу. Потом она опустила глаза и начала читать вслух с самого начала:

> Дорогой Карл,
>
> Я знаю, что должна была прийти раньше. Я хотела. Честно. Но я не знала, как ты воспримешь эту новость. Я знаю, что была твоей первой любовью, и у меня не было больше такого замечательного лета, как лето 66-го. Я думала о тебе каждый

день с тех пор, как ты погиб, я плакала и плакала. И я снова плачу сейчас, когда пишу эти слова.

Я не хочу, чтобы ты подумал, будто я перестала скорбеть по тебе, потому что это не так. Но у меня была своя жизнь. Я вышла за Бакки Сэмюэлса из Истсайда. Помнишь его? У нас двое детей, оба сейчас старше, чем ты был, когда погиб.

Ты бы сейчас меня ни за что не узнал. У меня в волосах пробивается седина, и приходится её прятать, и все мои веснушки попали много лет назад, но я всё равно думаю о тебе. Я очень люблю Бакки, но тебя я тоже люблю… и я знаю, что когда-нибудь мы снова увидимся.

С вечной любовью,

Джейн

— «Снова увидимся»? — повторил Понтер. — Но он мёртв.

Мэри кивнула.

— Она имеет в виду, что они увидятся после того, как она сама тоже умрёт.

Понтер задумался. Мэри шла в нескольких шагах от него. Ещё одно письмо было прислонено к

стене, в этот раз залитое в прозрачный пластик. Мэри подобрала его.

— «Дорогой Фрэнки», — начала она читать. Пошарила взглядом по стене. — Вот он — Франклин Т. Малленс, третий. — Она продолжила читать:

> Дорогой Фрэнки,
>
> Говорят, что родители не должны переживать своих детей, но кто же ожидает, что смерть заберёт ребёнка в девятнадцать? Я скучаю по тебе каждый день, и папа тоже. Ты знаешь, какой он: у меня на глазах старается выглядеть сильным, но я до сих пор слышу, как он плачет, когда думает, что я сплю.
>
> Обязанность матери — заботиться о сыне, и я старалась, как могла. Но теперь о тебе заботится сам Господь, и я знаю, что в его любящих руках тебе ничего не грозит.
>
> Сыночек, дорогой, когда-нибудь мы снова будем вместе.
>
> Люблю тебя,
>
> ***Мама***

Понтер не знал, что сказать. Чувства были без сомнения искренними, однако… однако такими

иррациональными. Разве Мэри этого не видит? Разве люди, написавшие письма, этого не замечают?

Мэри снова читала ему письма, открытки, записки, свитки, которые лежали или стояли прислонёнными к стене. Фразы из них застревали у Понтера в голове.

«Мы знаем, что Господь позаботится о тебе…»

«Не могу дождаться того дня, когда мы снова будем вместе…»

«Так много забыто / Не сказано много / Клянусь — всё скажу / Когда встретимся с Богом.»

«Спи спокойно, любимый…»

«С нетерпением жду дня нашего воссоединения…»

«…в тот радостный день, когда Господь снова соединит нас на небесах…»

«Прощай! Да пребудет с тобой Господь, пока мы не встретимся вновь…»

«Ну, будь, братишка. Забегу, когда буду в столице в следующий раз…»

«Покойся с миром, дружище, покойся с миром…»

Несколько раз Мэри прерывалась, чтобы вытереть слёзы. Понтер тоже ощущал печаль, и его глаза тоже увлажнились, но, как он подозревал, по другой причине.

— Это всегда очень тяжело, когда умирает тот, кого любишь, — сказал Понтер.

Мэри кивнула.

— Но… — продолжил он, но замолк.

— Да?

— Этот мемориал, — сказал Понтер, разводя руки, будто охватывая обе стены. — Какова его цель?

Брови Мэри снова взметнулись вверх.

— Почтить память мёртвых.

— Не всех мёртвых, — тихо сказал Понтер. — Здесь только мёртвые американцы.

— Э-э… да, — согласилась Мэри. — Это монумент жертве, принесённой американскими солдатами, таким образом народ Соединённых Штатов показывает, как он её ценит.

— Ценил, — поправил Понтер.

Мэри это замечание явно озадачило.

— Мой транслятор неправильно работает? — спросил Понтер. — Ты можешь ценить — в настоящем времени — то, что существует. То, чего больше нет, ты *могла* ценить — прошедшее

время.

Мэри вздохнула, явно не желая об этом спорить.

— Но ты не ответила на мой вопрос, — мягко напомнил Понтер. — *Для чего* этот мемориал?

— Я же сказала. Почтить память мёртвых.

— Нет, нет, — сказал Понтер. — Это побочная функция, я уверен. Наверняка целью, которую ставил перед проектировщик…

— Майя Лин, — сказала Мэри.

— Что?

— Майя Лин. Так зовут женщину, спроектировавшую мемориал.

— А, — сказал Понтер. — Так вот, наверняка её целью — целью любого, кто проектирует мемориал — сделать так, чтобы люди не забывали.

— Да…? — сказала Мэри, немного раздражённая тем, что Понтер прицепился ко вроде бы незначительной разнице.

— А зачем делать так, чтобы люди не забывали? — спросил Понтер. — Чтобы не повторять больше тех же ошибок.

— Ну, да, конечно… — сказала Мэри.

— И насколько хорошо этот мемориал выполняет свою функцию? Вам удалось избежать той же ошибки — ошибки, которая привела к смерти

всех этих молодых людей.

Мэри на секунду задумалась, потом покачала головой.

— Полагаю, что нет. Войны ведутся до сих пор, и…

— Америкой? Страной, построившей этот монумент?

— Да, — сказала Мэри.

— Почему?

— Экономика. Идеология. И…

— Да?

Мэри пожала плечами.

— Месть. Сведение счётов.

— Когда эта страна решает начать войну, где объявляется о таком решении?

— Э-э… в Конгрессе. Я потом покажу тебе его здание.

— Виден ли оттуда мемориал?

— Этот? Нет, не думаю.

— Они должны делать это прямо здесь, — заявил Понтер. — Их лидер — президент, так? — должен объявлять о войне прямо здесь, стоя перед этими пятьюдесятью восемью тысячами двухстами девятью именами. Очевидно, именно это должно быть главной целью такого мемориала: если лидер сможет призвать молодых людей идти

воевать и гибнуть, глядя на имена тех, кто погиб, когда президент объявил войну в прошлый раз, то это, наверное, и правда очень важная война, без которой не обойтись.

Мэри склонила голову и ничего не сказала.

— В конце концов, как ты сказала, вы сражаетесь за сохранение ваших самых главных ценностей.

— В идеале да, — сказала Мэри.

— Но эта война — во Вьетнаме. Ты сказала, что она велась в поддержку коррумпированного правительства и для того, чтобы не дать состояться выборам.

— Ну, да, в каком-то смысле.

— В Филадельфии ты показала мне, где и как началась эта страна. Разве демократия не является самой большой ценностью Соединённых Штатов? Демократия и право людей избирать и быть избранными?

Мэри кивнула.

— Тогда они должны были сражаться за утверждение этих идеалов. Их приход во Вьетнам для того, чтобы живущие там люди получили возможность отдать свои голоса, был бы утверждением американских идеалов. И если бы народ Вьетнама…

— Вьетнамцы.

— Ага, вьетнамцы. Если бы они проголосовали за коммунистическую систему, это было бы в соответствии с американскими идеалами. Ведь ты не можешь быть сторонником демократии только тогда, когда исход голосования тебя устраивает.

— Возможно, ты прав, — сказала Мэри. — Очень многие считают, что американское вмешательство во Вьетнаме было неправильным. Они называют это «богохульной войной».

— Богохульной?

— Ну, это значит «оскорбляющий Бога».

Бровь Понтера взбежала на надбровье.

— Судя по всему, у этого вашего Бога очень толстая кожа.

Мэри склонила голову; трудно на это что-то возразить.

— Ты говорила, — сказал Понтер, — что большинство людей в этой стране — христиане.

— Да.

— Насколько христиан больше, чем остальных?

— Намного, — ответила Мэри. — На самом деле я как раз читала об этом перед приездом сюда. Население США примерно 270 миллио-

нов, — Понтер уже слышал об этом раньше, так что не удивился. — Около миллиона — атеисты, они вообще не верят в Бога. Ещё двадцать пять миллионов нерелигиозны: то есть, не придерживаются никакой определённой религии. Другие религиозные группы — иудеи, буддисты, мусульмане, индуисты — совокупно составляют где-то пятнадцать миллионов. Все остальные — почти 230 миллионов — считают себя христианами.

— То есть это христианская страна, — сказал Понтер.

— Ну-у… как и Канада, США гордится своей религиозной терпимостью…

Понтер пренебрежительно махнул рукой.

— Двести тридцать миллионов из двухсот семидесяти — это почти девяносто процентов, так что США — христианская страна. А ты рассказывала мне об основах христианского вероучения. Что Христос говорил делать с тем, кто нападёт на тебя?

— Нагорная проповедь, — сказала Мэри. Она прикрыла глаза; вероятно, это помогало ей вспоминать. — «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к

нему и другую».[39]

— То есть христианская страна не может практиковать месть, — сказал Понтер. — Но ты упомянула её в ряду возможных причин войны. Точно так же демократическая страна не может препятствовать свободному выбору жителей другой страны, и, тем не менее, война во Вьетнаме велась именно с такой целью.

Мэри ничего не ответила.

— Разве ты не видишь? — сказал Понтер. — Вот о чём должен напоминать этот мемориал, эта стена ветеранов Вьетнама: о бессмысленности смерти, об ошибке — *фатальной* ошибке — затевать войну, идущую вразрез с твоими самыми сокровенными принципами.

Мэри молчала.

— И по этой причине все будущие американские войны должны объявляться здесь — на этом самом месте. Лишь если её цели выдержат испытание на соответствие самым главным фундаментальным принципам, лишь тогда это война, вести которую необходимо. — Взгляд Понтера снова задвигался по стене и чёрным отражениям внутри неё.

---

[39] Примечания: 39
Евангелие от Матфея, 5:38–39.

Мэри молчала.

— Однако, — сказал Понтер, — у меня есть предложение попроще. Эти письма, что ты мне читала — я так понимаю, это типичные образцы?

Мэри кивнула.

— Такие оставляют здесь каждый день.

— Но ты не видишь проблемы? Все они исходят из убеждения, что мёртвые на самом деле не мертвы. «Господь позаботится о тебе». «Мы снова будем вместе». «Я знаю, что смотришь на меня». «Однажды я снова тебя увижу».

— Мы уже обсуждали это, — сказала Мэри. — Моя разновидность людей — не просто христиане, а большинство Homo sapiens, независимо от религиозной принадлежности — верят, что глубинная суть личности не прекращает существования со смертью тела. Душа продолжает жить.

— И вот эта вера, — твёрдо произнёс Понтер, — и представляет из себя проблему. Я думаю над этим с тех пор, как ты впервые мне про это рассказала, но меня — как это говорится? — меня осенило здесь, у мемориала, перед этой стеной имён.

— Да? — сказала Мэри.

— Они *мертвы*. Их нет. Они более не существуют. — Он протянул руку и коснулся имени, которое не мог прочитать. — Человек, которого звали так. — Он коснулся другого имени. — И человек, которого звали так. — Он коснулся третьего. — И человек, которого звали так. *Их больше нет*. Вот очевидный урок, который преподаёт эта стена. Никто не может прийти сюда, чтобы говорить с мёртвыми, потому что мёртвые *мертвы*. Никто не может прийти сюда, чтобы попросить у мёртвого прощения, потому что мёртвые *мертвы*. Никто не может прийти сюда, чтобы мёртвый мог его коснуться, потому что мёртвые *мертвы*. Эти имена, эти вырезанные в камне символы — это *всё*, что от них осталось. Это очевидное послание стены людям, урок, который они должны выучить. Пока вы, люди, думаете, что жизнь — лишь пролог, что за ней последует что-то ещё, что обиженные здесь будут вознаграждены где-то там и потом, вы так и и не начнёте ценить жизнь и так и будете посылать свою молодёжь на смерть.

Мэри глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух, по-видимому, чтобы успокоиться. Потом кивком головы указала в сторону. Понтер повернулся посмотреть. Седовласый мужчина

оставлял у стены ещё одно письмо.

— Сможешь ему это сказать? — резко спросила Мэри. — Скажи ему, что он даром тратит время. Или вон той женщине — видишь, которая стоит на коленях, молится? Сможешь ей сказать? Избавить её от иллюзий? Вера в то, что те, которых они любят, где-то продолжают жить — это для них большое утешение.

Понтер покачал головой.

— Эта вера — *причина* того, что случилось. Единственный способ почтить память мёртвых — сделать так, чтобы никто больше не становился мёртвым преждевременно.

— Ну, хорошо, — в голосе Мэри послышался гнев. — Тогда иди. Иди скажи им.

Понтер повернулся и посмотрел на глексенов и их эбеновые отражения в стене. Его народ практически никогда не отнимает чужую жизнь, а народ Мэри делает это так часто и так много. Наверняка эта их вера в Бога как-то связана с их готовностью убивать.

Он шагнул вперёд, но…

Но сейчас, сию минуту, эти люди не выглядели злыми и кровожадными и готовыми убивать. Прямо сейчас на их лицах была печаль — такая невообразимая печаль…

Мэри всё ещё злилась на него.

— Давай, — говорила она, маша рукой. — Чего встал? Иди скажи им.

Понтер подумал о том, какая печаль снедала его, когда умерла Класт. И всё же…

И всё же эти люди — странные, невозможные глексены — находили утешение в своей вере. Он смотрел на фигуры людей у стены, которых агенты заставляли держаться в отдалении. Нет, нет, он не скажет скорбящим людям, что их любимые ушли без возврата. В конце концов, не эти люди отправили их умирать.

Понтер повернулся к Мэри.

— Я понимаю, что вера даёт утешение, но… — Он мотнул головой. — Но как разорвать этот цикл? Бог делает убийство лёгким, Бог даёт утешение после. Как не дать этому повторяться снова и снова?

— Я не знаю, — сказала Мэри.

— Вы должны сделать *что-то*, — сказал Понтер.

— Я молюсь, — ответила Мэри.

Понтер поглядел на неё, потом на скорбящих людей, потом снова повернулся к Мэри, взял её за руку, глядя в землю, не в силах смотреть ни на неё, ни на тысячи имён.

— Если бы была хоть малейшая вероятность, что это поможет, — тихо сказал он, — я бы молился вместе с тобой.

Глава 23

— Потрясающе, — сказал Журард Селган. — Потрясающе.

— Что? — в голосе Понтера слышалось раздражение.

— Ваше поведение у монумента в память о погибших в юго-восточном Галасое глексенах.

— И что же в нём такого потрясающего? — спросил Понтер. Его голос был резок, словно у человека, который пытается говорить в то время, как ему отдирают бинт от раны.

— Это ведь был не первый раз, когда ваши убеждения — наши *общие убеждения — вошли в конфликт с убеждениями глексенов. Не так ли?*

— Разумеется.

— В самом деле, — продолжал Селган, — подобные конфликты должны были возникать ещё в ходе вашего первого визита.

— Возможно.

— Вы не приведёте пример? — попросил Селган.

Понтер сложил руки на груди.

— Ну хорошо, — сказал он зловеще, будто имея в виду «ты сам напросился». — Я упоминал об этом

в самом начале: среди глексенов бытует странное убеждение в том, что вселенная существует ограниченное время. Они ошибочно интерпретируют красное смещение как свидетельство расширения вселенной; они не понимают, что масса может зависеть от времени. Больше того, они считают, что фоновое космическое излучение микроволнового диапазона — это эхо того, что они называют «большим взрывом», породившим вселенную.

— Похоже, им нравятся всякие взрывающиеся штуки, — заметил Селган.

— Без сомнения. Но, конечно же, однородность фонового излучения объясняется многократным поглощением и переизлучением электронов, захваченных сжимающими плазму магнитными вихревыми волокнами.

— Уверен, что так оно и есть, — сказал Селган, признавая, что Понтеру лучше знать о таких вещах.

— Так оно и есть, — повторил Понтер. — Но я не спорил с ними на этот счёт. Во время моего первого визита Мэри сказала: «не думаю, что ты многих сможешь убедить в том, что большого взрыва не было». И я ей ответил, что ничего страшного; я сказал: «Ваша потребность в убеж-

дении других в своей правоте, я полагаю, тоже уходит корнями в религию; я же доволен уже тем, что сам знаю, что прав, даже если другие об этом не знают».

— О, — сказал Селган. — И вы в самом деле так чувствуете?

— Да. Для глексенов знание — это битва! Война за территорию! Знаете, у них, чтобы получить звание, эквивалентное нашему «учёный», нужно защитить *диссертацию. Именно так это и называется: защитить! Но быть учёным — это не значит оборонять свою точку зрения от всех проходящих, это значит быть гибким и открытым и ценить истину независимо от того, кто её обнаружил.*

— Согласен, — сказал Селган. Он немного помолчал, потом продолжил: — Но вы не особенно много времени тратили на то, чтобы выяснить, нет ли в верованиях глексенов в жизнь после смерти какого-нибудь рационального зерна.,

— Это не так. Я дал Мэри массу возможностей продемонстрировать мне доказательства их утверждений.

— В смысле, до того эпизода с мемориалом?

— Да. Но у неё ничего нет!

— И вы, как в случае с финитной космологией,

просто бросили это дело, удовлетворившись тем, что вам-то известна истина?

— Да. То есть…

Селган вскинул бровь.

— То есть?

— То есть, да, конечно, я спорил с ней относительно веры в послежизнь. Но это другое.

— Не такое, как вопросы космологии? Почему?

— Потому что от этого слишком многое зависит.

— Разве от вопросов космологии не зависит судьба всей вселенной?

— Я хочу сказать, это не какой-то абстрактный вопрос. Это было… это есть *— корень всего.*

— Почему?

— Потому что… потому что… хрящ, я не знаю почему. Просто это казалось до ужаса важным. В конце концов, по этой причине они сражаются во всех этих войнах.

— Понимаю. Но я также понимаю, что это основа всех их верований; это нечто такое, с чем — и вы должны были это прекрасно понимать — не так просто расстаться.

— Полагаю, что так.

— И, несмотря на это, вы продолжали настаивать.

— Ну… да.

— Почему?

Понтер пожал плечами.

— Хотите услышать мою догадку? — спросил Селган.

Понтер пожал плечами ещё раз.

— Вы не оставляли эту тему, потому что сами хотели выяснить, нет ли за этими верованиями чего-то рационального. Возможно, Мэре и другие глексены просто скрывают от вас правду. Возможно, есть какие-то доказательства, которые она вам откроет, если вы продолжите спрашивать.

— Не можут быть доказательств для того, что не существует, — сказал Понтер.

— Разумеется, — ответил Селган. — Но вы пытались или убедить их в своей правоте, или заставить их *убедить в их правоте* вас.

Понтер покачал головой.

— Это было безнадёжно, — сказал он. — Эта их идея о душе просто смешна.

— Душе? — переспросил Селган.

— Нематериальной часть чьей-то сущности, которая, как они полагают, бессмертна.

— Ах. И вы говорите, что эта идея смешна?

— Конечно.

— Но они, разумеется, имеет право её придерживаться, не так ли?

— Полагаю, что так.

— Точно так же, как и своих странных космологических построений?

— Наверное.

— И всё же мимо концепции загробной жизни вы спокойно пройти не смогли, не так ли? Даже после того, как вы покинули мемориальную стену, вы пытались прояснить этот вопрос. Пытались?

Понтер смотрел в сторону.

* * *

Когда опасность закрытия портала миновала, по крайней мере, на какое-то время — не закроют же его неандертальцы, когда дюжина их наиболее ценных граждан находится по эту сторону — Джок Кригер решил вернуться к своим прерванным исследованиям.

На своём черном «BMW» он оправился из Сибриз в Речной кампус Рочестерского университета, расположенный на берегу реки Дженези. Когда он занимался обустройством «Синерджи Груп» в городе, ему достаточно было сделать несколько звонков, чтобы обеспечить своей команде

приоритетный доступ к фондам университетской библиотеки. Джок припарковал машину на Уилмот-Лот и вошёл в здание из коричневого кирпича, в котором располагалась научно-техническая библиотека им. Карлсона, названная в честь Честера Ф. Карлсона, изобретателя ксерографии. Журнальный зал, как было известно Джоку, располагался на втором этаже. Он предъявил университетскую VIP-карту библиотекарю, маленькой плотной негритянке в красной косынке. Он сказал ей, что ему нужно, и она уковыляла во тьму хранилища. Джок, чтобы не терять время, вытащил наладонник и просмотрел публикации сегодняшних «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост».

Минут через пять библиотекарша вернулась с заказанными Джоком тремя старыми журналами: одним номером «Earth and Planetary Science Letters» и двумя номерами «Нейчур», в которых, как выяснилось в результате поисков по Сети, публиковались статьи по быстрой смене магнитной полярности за авторством Коу et al.

Джок нашёл незанятую кабинку и устроился в ней. Первым делом он достал из кейса свой «HP CapShare» — ручной сканер на батарейках. Он провёл сканером по страницам с интересу-

ющими его статьями, получив изображения с разрешением 200 точек на дюйм, достаточным для автоматического распознавания. Джок улыбнулся портрету Честера Карлсона, висящему на стене неподалёку от его кабинки — он пришёл бы в восторг от этой компактной машинки.

После этого Кригер приступил к чтению статей. В оригинальной статье, той, что в «Earth and Planetary Science Letters», самым интересным оказалось признание самими авторами того, что полученные результаты противоречат житейской логике, которая подсказывала, что коллапс магнитного поля должен занимать тысячи лет. Однако похоже, что такая уверенность базировалась не столько на установленных научных фактах, сколько на общем ощущении того, что магнитное поле Земли — вещь тяжеловесная и инертная и поэтому просто не может взять и перевернуться с ног на голову.

Однако Коу и Превó обнаружили свидетельства чрезвычайно быстрого коллапса. Их исследование касалось лавовых потоков на горе Стинс-Маунтин в южном Орегоне, где в эпоху реверсирования магнитного поля произошло пятьдесят шесть извержений, каждое из которых стало как бы стоп-кадром события. Хотя им не

удалось измерить интервал между двумя последовательными извержениями, им было известно, сколько времени требовалось лаве после каждого извержения, чтобы остыть до точки Кюри, когда намагничивание образовавшейся горной породы застывает в положении, соответствующем текущей ориентации и напряжённости геомагнитного поля. В статье высказывалось предположение, что поле исчезло всего за несколько недель, а не постепенно в течение тысяч лет.

Джок прочитал статью в «Нейчур» тех же авторов и критическую статью некоего Рональда Т. Меррилла, которая, похоже, сводилась к тому, что сам Меррилл называл «принципом наименьшего удивления», который догматически утверждал, что проще посчитать, что Коул и Прево ошиблись, чем допустить, что они сделали замечательное открытие, даже если найти изъян в их исследовании и не удаётся.

Джок Кригер откинулся на спинку библиотечного кресла. Похоже, что Понтер говорил правду тому канадскому правительственному геологу.

А это означает, осознал Джок, что времени терять нельзя.

Глава 24

Палеоантропологическое общество собирается каждый год, попеременно совмещая свои собрания с собраниями Ассоциации американских археологов или Американской ассоциации физической антропологии. В этом году была очередь археологов, и собрание проходило в отеле «Краун-плаза» на Франклин-сквер.

Формат был очень простой: непрерывная цепочка выступлений, состоящих из пятнадцатиминутных презентаций. Лишь изредка выделялось время для вопросов: Джон Йеллен, президент общества, требовал соблюдения регламента с пунктуальностью Филеаса Фогга[40].

По окончании первого дня заседаний многие палеоантропологии собрались в баре отеля.

— Я уверена, что они будут рады возможности пообщаться с тобой в неформальной обстановке, — сказала Мэри Понтеру в коридоре, ведущем к бару. — Может, зайдём?

Рядом с ними стоял агент ФБР, один из тех, что тенью сопровождали их в течение всего путе-

---

[40] Примечания: 40
Персонаж книги Жюля Верна «Вокруг света за восемьдесят дней».

шествия.

Понтер раздул ноздри.

— В том помещении курят.

Мэри кивнула.

— Слава богу, в большинстве юрисдикций курить теперь можно только в барах — а в Оттаве и кое-где ещё даже в барах уже нельзя.

Понтер нахмурился.

— Жаль, что это собрание происходит не в Оттаве.

— Я понимаю. Если ты не можешь этого вытерпеть, мы туда не пойдём.

Понтер подумал.

— За то время, что я здесь, мне в голову приходило множество идей изобретений, по большей части совершенствующих существующие глексенские технологии. Но я подозреваю, что самым полезным из них станут специальные носовые фильтры, которые избавят мой народ от необходимости постоянно обонять здешние запахи.

Мэри кивнула.

— Я и сама не люблю табачный запах. И всё же…

— Думаю, я как-нибудь переживу, — сказал Понтер.

Мэри обернулась к агенту ФБР.

— Карлос, может, выпьете что-нибудь?

— Я на службе, мэм, — сухо ответил он. — Но вы с посланником Боддетом вольны делать, что хотите.

Мэри вошла в бар первой. В помещении с покрытыми деревянными панелями стенами царил полумрак. Примерно с дюжину учёных сидели на табуретах возле барной стойки, и три меньших группы кучковались вокруг столиков. Укреплённый под самым потолком телевизор показывал одну из серий «Сайнфелда». Мэри её сразу узнала: та, где Джерри оказывается ненавистником дантистов. Она уже готова была шагнуть вперёд, как почувствовала руку Понтера у себя на плече.

— Разве это не символ твоего народа? — спросил он.

Мэри проследила за направлением его другой руки: там на стене висела светящаяся реклама «молсон-канэйдиэн»[41]. Понтер не мог прочитать слов, но узнал большой красный кленовый лист.

— Ага, — сказала Мэри. — Здесь Канада более всего знаменита своим пивом. Это такой напиток из продуктов брожения зерна.

Понтер подмигнул.

---

[41] Примечания: 41
Марка канадского светлого пива.

— Ты им, должно быть, очень гордишься.

Мэри подвела его к одной из меньших групп, сидящих вокруг круглого стола.

— Карлос, ты не возражаешь? — спросила она у эфбээровца.

— Я присяду вон там, хорошо? — сказал тот. — Сегодня я уже наслушался про окаменелости больше, чем достаточно. — Он подошёл к бару и сел на табурет, но развернулся лицом к залу, а не к бармену.

Мэри повернулась к столу.

— Разрешите присоединиться?

Трое сидящих за столом людей — двое мужчин и женщина — были поглощены оживлённой беседой, но, взглянув на них, тут же узнали Понтера.

— Господи, да конечно! — воскликнул один из мужчин. У стола стоял один пустой стул; он быстро притащил ещё один от соседнего.

— Чем обязаны таким удовольствием? — спросил второй мужчина, когда Мэри и Понтер уселись.

Мэри подумала, не сказать ли часть правды: за этим столиком и поблизости от него никто не курил, а стулья стояли таким образом, что вокруг стола больше не оставалось места — она

не хотела, чтобы Понтера окружила толпа. Но вторую часть правда она озвучивать не собиралась, а она состояла в том, что Норман Тьерри, напыщенный самопровозглашённый эксперт по неандертальской ДНК из UCLA, сидел на другом конце помещения. Он наверняка помирал от желания познакомиться с Понтером, но теперь ему этого не удастся.

Однако в конце концов Мэри решила просто пропустить вопрос мимо ушей.

— Это Генри Бегущий Олень, — сказала она, указывая на мужчину-индейца лет сорока. — Работает в Университета Брауна.

— Работал, — поправил её Генри. — Перебираюсь в Чикагский.

— Вот как? — сказала Мэри. — А это, — она указала на светлокожую женщину лет тридцати пяти, — Анджела Бромли из Американского музея естественной истории в Нью-Йорке.

Ангела протянула правую руку.

— Очень рада познакомиться, доктор Боддет.

— Понтер, — сказал Понтер, который уже догадался, что в этом обществе не принято обращаться к человеку по имени, пока он не предложит этого сам.

— А это мой муж Дитер, — сказала Анджела.

— Здравствуйте, — сказали Мэри и Понтер одновременно. Потом Мэри продолжила: — Вы тоже антрополог?

— Нет-нет-нет, — сказал Дитер. — Алюминиевый сайдинг.

Понтер взглянул на него, наклонив голову.

— Вы это хорошо скрываете.

Мэри рассмеялась, глядя на сбитые с толку лица остальных.

— Вы привыкнете к его чувству юмора.

Дитер поднялся на ноги.

— Давайте я вас чем-нибудь угощу. Мэри — что будете пить? Вино?

— Белое вино, спасибо.

— Понтер?

Понтер задумался, явно не зная, чего попросить. Мэри склонилась к нему.

— В барах всегда есть «кока-кола», — сказала она.

— «Кока-кола»! — радостно воскликнул Понтер. — Да, конечно.

Дитер ушёл. Мэри взяла несколько печенюшек из деревянной плошки в центре стола.

— Итак, — сказала Анджела, обращаясь к Понтеру, — надеюсь, вы не возражаете против пары вопросов. Вы поставили то, чем мы занимаемся,

с ног на голову.

— Я не специально, — сказал Понтер.

— Разумеется, — усмехнулась Анджела. — Но всё, что мы слышим о вашем мире, противоречит тому, что мы, как нам казалось, знаем.

— К примеру? — сказал Понтер.

— Ну, скажем, говорят, что ваш народ не занимается сельским хозяйством.

— Это так, — сказала Понтер.

— Мы всегда считали, что сельское хозяйство — необходимая предпосылка для развитой цивилизации, — Анджела отхлебнула из своего стакана.

— Почему? — спросил Понтер.

— Ну-у… — сказала Анджела, — видите ли, мы считали, что только сельское хозяйство может обеспечить надёжный источник пищи, который позволил бы людям заняться другими делами: стать учителями, строителями, чиновниками и так далее.

Понтер медленно покачал головой, словно ошеломлённый услышанным.

— В нашем мире есть люди, которые решили жить простой жизнью, как жили наши предки. Как по-вашему, сколько времени у одного такого лица… — Мэри знала, что в языке Понтера имеет-

ся гендерно-нейтральное местоимение третьего лица; вероятно, это его Хак попытался таким образом перевести, — …уходит на то, чтобы прокормить себя и тех, кто от него зависит?

Ангела слегка пожала плечами.

— Думаю, немало.

— Напротив, — сказал Понтер. — Совсем немного, если количество зависимых лиц невелико. Заботы о пропитании занимают примерно девять процентов времени. — Он остановился, то ли подсчитывая в уме, то ли дожидаясь, пока Хак произведёт пересчёт. — Где-то шестьдесят часов в месяц.

— Шестьдесят часов в *месяц,* — повторила Анджела. — Это будет — Боже, всего пятнадцать часов в неделю!

— Неделя — это семь дней? — спросил Понтер, глядя на Мэри. Та кивнула. — Да, всё верно, — подтвердил Понтер. — Остальное время может быть посвящено другим занятиям. У нас с самого начала было много свободного времени.

— Понтер прав, — сказал Генри Бегущий Олень. — Пятнадцать часов в неделю — это средняя занятость представителей племён охотников и собирателей и на нашей Земле в наше время.

— Правда? — удивилась Анждела, отставляя

стакан.

Генри кивнул.

— Сельское хозяйство было первым людским занятием, в котором результат был пропорционален затраченным усилиям. Если вы пашете поле восемьдесят часов в неделю, то вспашете вдвое больше, чем если бы пахали сорок. В охоте и собирательстве всё не так: если вы станете охотиться полный день, то перебьёте всю дичь на своей территории. В этом деле трудовой героизм контрпродуктивен.

Вернулся Дитер; он поставил стаканы перед Мэри и Понтером и сел на своё место.

— Но как можно жить осёдло без сельского хозяйства? — спросила Анджела.

Генри нахмурился.

— Вы что-то совсем не то говорите. Люди начали жить осёдло задолго до сельского хозяйства, ещё будучи охотниками и собирателями.

— Но… да нет же, я ж ещё со школы помню…

— А в вашей школе много было учителей-индейцев? — ледяным тоном спросил Генри Бегущий Олень.

— Не было совсем, но…

Генри взглянул на Понтера, потом на Мэри.

— Белые редко в этом разбираются, но, тем не

менее, это так. Охотники и собиратели живут осёдло. Чтобы жить с земли таким образом, её нужно знать досконально: какие растения где растут, куда животные ходят на водопой, где птицы гнездятся и когда откладывают яйца. Нужна целая жизнь, чтобы изучить свою территорию по-настоящему. Переехать в другое место означает просто выбросить весь этот приобретённый тяжким трудом опыт.

Мэри вскинула бровь.

— Но земледельцы тоже вынуждены пускать корни… во всех смыслах.

Генри не оценил игры слов.

— На самом деле это земледельцы ведут кочевую жизнь, если рассматривать жизнь многих поколений. Охотники и собиратели ограничивают размер своих семей; чем больше лишних ртов, тем больше приходится работать взрослым. Но земледельцам большая семья выгодна: каждый ребёнок — это лишняя пара рук на поле, и чем больше у тебя детей, тем меньше тебе приходится работать самому.

Понтер слушал с явным интересом; его транслятор несколько раз издавал тихий гудок, но в целом он, похоже, не испытывал затруднений.

— Звучит логично, — согласилась Анджела не

без сомнения в голосе.

— Ещё бы, — сказал Генри. — Но когда отпрыски земледельца подрастают, они должны уходить на новые места и заводить собственные хозяйства. Спросите фермера, где жил его прапрадед, и он наверняка назовёт какое-то далёкое место; спросите охотника-собирателя, и он ответит «здесь».

Мэри вспомнила о собственных родителях, живущих в Калгари; дедушек и бабушек из Англии, Ирландии и Уэльса — чёрт, а ведь она не имеет ни малейшего понятия, где жили её прадедушки и прабабушки, не говоря уж про прапрадедушек…

— Территорию, с которой кормишься, так просто не бросишь, продолжал Генри. — Вот почему охотники-собиратели так уважают своих стариков.

Мэри тут же вспомнила, как Понтер посчитал глупостью то, что она подкрашивает волосы.

— Расскажите поподробнее, — попросила она Генри.

Генри отхлебнул из своей кружки.

— Земледельцы ценят молодость, потому что занятие земледелием требует грубой силы. Но охота и собирательство требуют знаний. Чем больше лет ты можешь вспомнить, тем легче подмечаешь закономерности, тем лучше знаешь

свою территорию.

— Мы *очень* уважаем своих старших, — сказал Понтер. — Их мудрость не заменить ничем.

Мэри кивнула.

— На самом деле, мы знали об этой особенности неандертальцев, — сказала она. — На основании ископаемых свидетельств. Я только не могла понять, почему.

— Я специализируюсь по австралопитекам, — сказала Анджела. — Какие свидетельства вы имеете в виду?

— У экземпляра, найденного в Ла-Шапель-о-Сен, был паралич и артрит, и сломанная челюсть, и не было большинства зубов. Очевидно, о нём заботились в течение многих лет; в таком состоянии он не мог бы выжить сам. Вероятно, даже еду кто-то для него жевал. Но ему было сорок, когда он умер — глубокий старик по стандартам тех лет, когда большинство людей умирало, едва перевалив за двадцать. Каким кладезем знаний об охотничьей территории своего племени он должен был казаться соплеменникам! Десятилетия опыта! То же самое и с находкой в Шанидарской пещере в Ираке. Бедолаге тоже было за сорок, и он был в ещё худшей форме, чем лашапельский: слепой на левый глаз и без правой руки.

Генри насвистел несколько нот. Мэри понадобилась секунда, чтобы узнать их: главная тема из «Человека за шесть миллионов[42]». Она улыбнулась и продолжила:

— За ним тоже ухаживали, и не из жалости, а потому что настолько старый человек — это настоящий клад охотничьих знаний.

— Может, и так, — не сдавалась Анджела, — но всё же именно земледельцы строили города и развивали технологии. В Европе, в Египте — в местах, где люди пахали землю, города существуют уже тысячи лет.

Генри Бегущий Олень взглянул на Понтера, словно в поисках поддержки. Понтер лишь склонил голову, отдавая ему слово.

— Вы считаете, что у европейцев были технологии — металлургия и всё такое — а у индейцев их не было из-за какого-то их внутреннего превосходства? — спросил Генри. — Вы так думаете?

---

[42] Примечания: 42
См. примечание [30].

[30] Примечания: 30
Крылатая фраза из американского сериала 1970-х годов «The Six Million Dollar Man» об астронавте, ставшем после страшной аварии киборгом — многие части его тела были заменены супертехнологичными протезами и имплантами стоимостью шесть миллионов долларов, благодаря которым он приобрёл суперсилу, суперскорость, суперзрение и прочие сверхспособности и стал работать на правительственное разведывательное агентство.

— Нет-нет, — ответила несчастная Анджела. — Нет, конечно. Но…

— Европейцам их технологии достались исключительно в силу удачного стечения обстоятельств. — Руды поверхностного залегания, кремень для каменных орудий. Никогда не пытались оббивать гранит, который только и можно найти в здешних местах? Наконечники стрел из него получаются преотвратнейшие.

Мэри надеялась, что Анджела не станет развивать тему дальше, но тщетно.

— У европейцев были не только инструменты. Они оказались достаточно умны, чтобы одомашнить животных, чтобы те работали за них. У индейцев вообще не было домашних животных.

— Индейцы никого не одомашнили, потому что им некого было одомашнивать, — сказал Генри. — На всей нашей планете лишь четырнадцать видов крупных травоядных, пригодных для одомашнивания, и лишь один из них — северный олень — встречается в Северной Америке, да и то на крайнем севере. Пять видов чисто евразийского происхождения: овцы, козы, коровы, кони и свиньи. Ещё пять, как, например, верблюды — распространены ограничено и географически изолированы. Вы не можете одомашнивать аме-

риканскую мегафауну: лося, медведя, вапити, бизона, пуму. Их темперамент просто не подходит для одомашнивания. Вы можете поймать их живьём, но не можете вырастить в неволе, и они не станут носить седока, что бы вы с ними ни делали. — Тон Генри становился всё холоднее. — Европейцы получили то, что имели не благодаря превосходящему интеллекту. По сути, наоборот, можно утверждать, что мы, аборигены Северной Америки, продемонстрировали больше ума и смекалки, выживая здесь *без* металлов и пригодных для одомашнивания животных.

— Но ведь среди аборигенов… ну, то есть, индейцев были и земледельцы, — сказала Анджела.

— Были, а как же. Но что они выращивали? По большей части кукурузу — потому что она здесь была. А у кукурузы очень низкое содержание белка по сравнению со злаковыми, которые все происходят из Евразии.

Анджела посмотрела на Понтера.

— Но… неандертальцы: ведь они появились в Европе, а не в Америке.

Генри кивнул.

— И у них были великолепные каменные орудия — мустьерская каменная индустрия.

— Однако они не одомашнивали животных,

хотя, как вы говорите, в Европе пригодных для этого животных было полно. И они ничего не выращивали.

— Алло! — сказал Генри. — Земля вызывает Анджелу! *Никто* не одомашнивал животных, когда на Земле жили неандертальцы. И никто ничего не выращивал — ни предки Понтера, ни наши с вами. Это началось много позже, когда неандертальцы уже вымерли — по крайней мере, в нашей версии истории. Кто знает, что бы они делали, если бы не вымерли?

— Я, — ответил Понтер.

Мэри рассмеялась.

— Хорошо, — сказал Генри. — Тогда рассказывайте. Ваш народ так и не изобрёл земледелия, правильно?

— Правильно, — ответил Понтер. Генри кивнул.

— Наверно, это и к лучшему. Земледелие тянет за собой много плохих вещей.

— Например? — Мэри постаралась, чтобы сейчас, когда Генри малость успокоился, в её вопросе прозвучало бы простое любопытство, а не желание возразить.

— Ну, — сказал Генри, — я уже намекнул на перенаселение. Негативное влияние на природу

тоже очевидно: леса вырубаются, чтобы на их месте устроить поля. Плюс, разумеется, болезни, которые мы получили от одомашненных животных.

Мэри увидела, как Понтер кивнул. Про это он слышал ещё в Садбери от Рубена Монтего.

Дитер, который для торговца сайдингом оказался весьма сообразителен, кивнул.

— И ведь бывают не только телесные болезни, ещё и культурные. Взять, к примеру, рабство: прямое следствие нужды земледельцев в рабочей силе.

Мэри взглянула на Понтера, чувствуя себя очень неуютно. Это было второе упоминание о рабстве за время их пребывания в Вашингтоне. Мэри знала, что когда-нибудь ей придётся объяснить…

— Всё верно, — сказал Генри. — Бóльшая часть рабов трудилась на плантациях. И даже если вы не практикуете рабство в узком смысле, сельское хозяйство порождает массу похожих явлений: издольничество, пеонаж и так далее. Не говоря уж о классовом расслоении, феодализме, частной собственности на землю и прочем; всё это прямое следствие сельского хозяйства.

Анджела поерзала на стуле.

— Но даже если говорить только об охоте, археологические свидетельства говорят, что наши предки в этом деле были гораздо лучше неандертальцев, — сказала она.

Пока речь шла о земледелии и феодализме, Понтер выглядел несколько потерянно, но последнее заявление Анджелы он явно отлично понял.

— Каким образом? — спросил он.

— Ну, — сказала Анджела, — приёмы охоты ваших предков не выглядят особо эффективными.

Понтер нахмурился.

— В каком смысле?

— Неандертальцы убивали по одному животному за раз. — Очевидно, произнеся эти слова, Анджела сразу поняла, что совершает ошибку. Бровь Понтера взлетела вверх.

— А как охотились ваши предки?

Анджеле явно было неловко.

— Ну, они… в общем, они загоняли целое стадо животных на обрыв и… вынуждали их прыгать, и таким образом убивали сотни животных за раз.

Золотистые глаза Понтера округлились.

— Но это… это так… расточительно, — сказал он. — Очевидно ведь, что даже большая группа людей не сможет съесть всё это мясо. И потом, такой способ охоты выглядит каким-то… трус-

ливым.

— Я… никогда не смотрела на это под таким углом, — Анджела покраснела. — Ну, то есть, мы считаем безрассудством подвергать себя ненужному риску, так что…

— Вы прыгаете с самолётов, — сказала Понтер. — Ныряете с утёсов. Превратили драки в организованный спорт. Я видел по телевизору.

— Не *каждый* занимается такими вещами, — мягко напомнила ему Мэри.

— Ладно, — согласился Понтер, — но вдобавок к рискованным видам спорта широко распространены и другие виды безрассудного поведения. — Он обвёл рукой бар. — Курение табака, питьё алкоголя, причём, насколько я могу понять, — он кивнул в сторону Генри, — и то и другое является продуктом сельского хозяйства. Несомненно, эти занятия являются «ненужным риском». Как вы можете убивать животных таким трусливым способом, и при этом так рисковать своим… О! Подождите. Понимаю. Кажется, понимаю.

— Что? — спросила Мэри.

— Да, что? — спросил Генри.

— Сейчас, сейчас, — ответил Понтер, явно преследуя ускользающую мысль. Через несколько мгновений он кивнул, видимо, поймав то, за чем

гнался. — Вы, глексены, пьёте алкоголь, курите и занимаетесь опасными видами спорта для того, чтобы продемонстрировать свои избыточные возможности. Вы будто говорите окружающим: смотрите, сейчас, во времена изобилия, я существенно снижаю свою эффективность, и всё равно функционирую удовлетворительно. Тем самым вы даёте понять потенциальному партнёру по размножению, что сейчас вы не на пике своих возможностей, но что в трудные времена вы сможете оставаться хорошим добытчиком за счёт мобилизации внутренних резервов.

— Правда? — сказала Мэри. — Очень интересная трактовка.

— И такое поведение мне понятно, потому что мы, в сущности, занимаемся тем же самым — только по-другому. Когда мы охотимся…

Мэри осенило в одно мгновение.

— Во время охоты, — прервала она Понтера, — вы *не* выбираете лёгких путей. Вы не загоняете животных на скалу, не бросаете в них копья с безопасного расстояния, как делали мои предки, но не твои, по крайней мере, на этой версии Земли. Нет, ваш народ предпочитает сойтись с животным вплотную, победить его один на один, и вогнать в него копьё собственной рукой. Да,

думаю, по большому счёту это то же самое, что и курение и пьянство — смотри, дорогая, я добыл ужин голыми руками, так что если дела пойдут плохо, я стану охотиться более эффективным способом, и нам всё равно не придётся голодать.

— Точно так, — сказал Понтер.

Мэри кивнула.

— В этом есть своя логика. — Она указала на худого человека, сидящего на другом конце бара. — Эрик Тринкаус, вон тот, обнаружил, что многие ископаемые скелеты неандертальцев демонстрируют повреждения, типологически схожие с травмами ковбоев на родео, когда конь сбрасывает их на землю, что подразумевает схватку врукопашную.

— О да, так и есть, — закивал Понтер. — Меня самого пару раз мамонт кинул так, что…

— *Кто?* — прервал его Генри.

— Мамонт во время охоты…

— *Мамонт?* — в полном изумлении воскликнула Анджела.

Мэри ухмыльнулась.

— Я гляжу, мы ещё долго не разойдёмся. Давайте-ка теперь я всех угощу…

Глава 25

— Прошу прощения, посол Прат, — сказал молодой служитель, входя в комнату отдыха в здании Объединённых Наций. — Вам пришёл диппакет из Садбери.

Тукана Прат оглядела десять выдающихся неандертальцев, которые расселись в креслах у огромного окна или разлеглись на полу. Она вздохнула.

— Дождались, — сказала она им по-неандертальски, потом через посредство компаньона поблагодарила служителя и взяла у него кожаный футляр с оттиснутым на нём канадским гербом.

Внутри была бусина памяти. Тукана открыла крышку своего компаньона и вставила бусину. Она приказала компаньону проиграть сообщение через внешние динамики, чтобы его могли услышать все присутствующие.

— Посол Тукана Прат, — произнёс рассерженный голос советника Бедроса, — тому, что вы совершили, не может быть оправдания. Я — то есть, мы, Верховный Серый совет — настаиваем

на том, чтобы вы и те, кого вам удалось одурачить, немедленно вернулись домой. Мы, — он помедлил, и Тукане показалось, что она расслышала, как он сглотнул, словно пытаясь успокоиться, — мы весьма обеспокоены их безопасностью. Их вклад в благосостояние общества не поддаётся исчислению. Вы и они обязаны вернуться в Салдак немедленно по получению этого сообщения.

Лонвес Троб покачал своей лысой головой.

— Самонадеянный молокосос…

— Я так понимаю, они не решатся закрыть портал, пока мы не вернёмся, — сказала Дерба Жонк, специалист по стволовым клеткам.

— В этом мы можем быть уверены, — улыбаясь, сказал Дор Фаррер, поэт.

Тукана кивнула.

— Я хочу ещё раз поблагодарить вас всех за то, что согласились явиться со мной сюда. Как я поняла, никто не собирается выполнять просьбу советника Бедроса?

— Шутите? — сказал Лонвес Троб, обращая к Тукане синие искусственные глаза. — У меня такой веселухи не было уж не помню сколько.

Тукана улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте согласуем расписание на завтра. Крек, вы завтра играете

в видеопрограмме «Доброе утро, Америка»; они оплатили перевозку ледового рога от портала, и да, они понимают, что его ни в коем случае нельзя размораживать. Жальск, завтра утром в Нью-Йорк для встречи с вами прибывает сборная США по кроссу, которая собирается выступать на какой-то «олимпиаде» — я пока не знаю, что это; вы с ними встречаетесь в спорткомплексе Нью-Йоркского университета. Дор, глексен по имени Ральф Вичинанца[43], чьё занятие называется «литературный агент», хочет встретиться с вами за полуденным приёмом пищи. Арбитр Харброн и учёный Клемелк, вы завтра днём читаете лекции в Колумбийской школе права. Борл, вы и представитель ООН примете участие в программе под названием «Позднее шоу с Дэвидом Леттерманом», она будет записываться завтра днём. Лонвес, мы с вами завтра вечером выступаем в Роуз-Центре Земли и космоса[44]. И, конечно же, нужно будет посетить массу встреч здесь, в здании Объединённых Наций.

Кобаст Гант, эксперт по искусственному интел-

---

[43] Примечания: 43

Литагент Роберта Сойера.

[44] Примечания: 44

Одно из зданий Американского музея естественной истории, посвящённое астрономии и космонавтике.

лекту, улыбнулся.

— Держу пари, мой приятель Понтер Боддет рад, что мы здесь. Теперь ему станет полегче — я же знаю, что он терпеть не может быть в центре внимания.

Тукана кивнула.

— Да, после того, что с ним случилось, отдых ему не помешает…

* * *

Понтер, Мэри и вездесущий эфбээровец покинули, наконец, отельный бар и пошли к лифтам. Они были одни: никто не ожидал прибытия лифта, а ночной портье за конторкой в отдалении углубился в чтение сегодняшней «USA Today», жуя при этом яблоко «гренни-смит», которые отель предоставлял бесплатно.

— Моя смена закончилась, мэм, — сказал Карлос. — Агент Бурштейн заступил на пост на вашем этаже, он будет присматривать за вами дальше.

— Спасибо, Карлос, — сказала Мэри.

Он кивнул и проговорил в свой коммуникатор:

— Лисица и Здоровяк едут наверх.

Мэри улыбнулась. Когда ей сказали, что ФБР присвоит им кодовые имена — и это было круто — она спросила, не может ли она выбрать

их сама.

Карлос сказал, снова обращаясь к ним:

— Доброй ночи, мэм. Доброй ночи, сэр.

Однако он, разумеется, не покинул отель. Лишь отступил на некоторое расстояние и стал дожидаться прихода лифта.

Мэри внезапно почувствовала, как кровь приливает к лицу, хотя и знала, что в холле на самом деле было прохладнее, чем в баре. И нет, это было не из-за того, что ей предстояло остаться с Понтером наедине в кабине лифта. Будь то незнакомец — другое дело, эта фобия, должно быть, будет теперь преследовать её до конца жизни. Но Понтер? Нет. Никогда.

И всё же Мэри ощущала тепло. Она обнаружила, что её взгляд забегал, глядя на что угодно, только не в золотистые зрачки Понтера. Она посмотрела на светящиеся указатели этажей, на которых находятся все пять лифтов; потом на объявление в рамке над кнопкой вызова, напоминающее о позднем завтраке в воскресенье; на инструкцию для пожарных.

Приехал один из лифтов, его дверцы разъехались, издав звук вроде барабанной дроби. Понтер галантно предложил Мэри войти первой, и Мэри вошла в кабину и помахала на прощание

Карлосу, который с серьёзным видом кивнул. Понтер вошёл вслед за ней и осмотрел панель управления. Он уже хорошо различал цифры — неандертальцы, может, и не изобрели алфавита, но их система счисления тоже была десятичной и включала специальный значок для нуля. Он протянул руку и нажал кнопку 12-го этажа, улыбнувшись, когда она осветилась.

Мэри хотела бы, чтобы её комната не располагалась бы на том же этаже. Она уже рассказывала Понтеру, почему здесь нет тринадцатого этажа. Но если бы он тут был, то она, наверное, предпочла бы жить на нём. Ей всё равно — она не суеверна. Хотя, подумала она, Понтер определённо сказал бы, что это не так. С его точки зрения и вера в Бога — суеверие.

Так вот, если бы она жила на другом этаже — на *любом* другом этаже — то их расставание получилось бы коротким и любезным. Просто помахать ручкой и услышать «Увидимся завтра» от того, на чей этаж лифт прибудет первым.

Угловатая светодиодная «8» над дверями потеряла сегмент, превратившись в «9».

Но сейчас, подумала Мэри, *простым «увидимся» не обойдёшься.*

Она почувствовала, как лифт остановился, и

двери разъехались в стороны. За ними ожидал агент Бурштейн. Мэри кивнула ему. Она втайне надеялась, что он пойдёт за ними по коридору, но он, похоже, посчитал разумным остаться возле лифтов.

Итак, Понтер и Мэри шли по коридору, минуя нишу с льдогенератором, а потом комнату за комнатой, пока…

— Ну, — сказала Мэри ощущая, как забу́хало сердце, и полезла в сумочку за ключ-карточкой, — это моя.

Потом посмотрела на Понтера. А Понтер посмотрел на неё. Он никогда не доставал ключ заранее — он вспоминал о нём в самый последний момент, пришелец из мира, в котором немногие двери имеют замки, да и те открываются по сигналу с компаньона.

Понтер молчал.

— Ну так, — неловко продолжила она, — тогда спокойной ночи?

Понтер, по-прежнему молча, протянул руку и взял у неё ключ-карту. Он прижал её к замку и дождался, пока замигает светодиод. Потом он повернул ручку и широко распахнул дверь.

Мэри обнаружила, что смотрит ему через плечо, проверяя, пуст ли коридор. Конечно, там был

неизменный эфбээровец. Перед ним тоже, конечно, было неловко, но, по крайней мере, это не один из палеоантропологов.

Рука Понтера тем временем медленно и плавно заскользила по руке Мэри к её плечу. Потом она так же мягко скользнула по её щеке, убирая за ухо прядь волос.

А потом это, наконец, случилось.

Его лицо приблизилось к её лицу, его губы коснулись её губ, и Мэри ощутила, как по телу растекается волна удовольствия. Его руки теперь обхватывали её, и она обхватила его, и…

Мэри не могла сказать определённо, кто кого вёл, но они, боком, словно в танце, не размыкая объятий вошли в номер, и Понтер захлопнул дверь движением ноги.

Потом Понтер резко присел и подхватил Мэри на руки, а потом понёс её, словно младенца, мимо двери в ванную к королевских размеров кровати и осторожно уложил на покрывало.

Сердце Мэри заколотилось ещё сильнее. Так оно не билось уже двадцать лет, с того первого раза с Донни, когда её родители уехали на выходные.

Понтер секунду помедлил; его руки вопросительно согнуты в локтях, будто давая ей

последнюю возможность всё отменить. Мэри едва заметно улыбнулась и потянулась к нему, обхватила за мускулистую шею и потянула к себе на кровать.

На мгновение Мэри представила себе сцену вроде тех, что она много раз видела в кино, но ни разу не испытывала в реальной жизни: как одежда магическим образом сползает с их тел по мере того, как они, сцепившись, катаются по простыням.

Но так, конечно, не бывает. Мэри вдруг осознала, что Понтер не имеет ни малейшего понятия о том, как расстёгиваются пуговицы и совершенно в них запутался, хотя ей и нравилось, как костяшки его пальцев упираются ей в грудь.

Мэри надеялась, что она сама справится лучше — во время покушения Хак объяснил ей, как расстёгиваются застёжки на неандертальской одежде. Правда, в прошлый раз она это делала при свете дня. Сейчас же они с Понтером были практически впотьмах. Никто из них не включил свет, когда они входили в номер; комната освещалась лишь светом, проникающим с улицы через окна, тяжёлые коричневые занавеси на которых не были задёрнуты.

Они перекатились так, чтобы Мэри оказалась

наверху. Она подтянулась и уселась Понтеру на грудь, а потом нащупала верхнюю пуговицу блузки. Она расстегнулась без усилий. Мэри взглянула вниз и разглядела на фоне выглядывающего из-под блузки бледного треугольника своей кожи маленькое золотое распятие — то, которое она купила взамен отданного Понтеру.

Она расстегнула вторую пуговицу, и блузка распахнулась ещё шире, открывая верхнюю часть простого белого лифчика.

Мэри взглянула на Понтера, пытаясь прочитать выражение его лица, но он смотрел на её грудь, и выступающее надбровье не давало рассмотреть глаза. Смотрит он с удовольствием, или в смятении? Она понятия не имела, насколько грудасты обычно неандертальские женщины, но если судить по Тукане Прат, у них на теле много волос, тогда как на груди Мэри волос нет вообще.

А потом, в полутьме, она услышала, как Понтер произнёс своим собственным голосом:

— Ты так прекрасна.

И Мэри ощутила, как беспокойство и неуверенность утекают из её тела. Она расстегнула оставшиеся пуговицы, а потом потянулась руками за спину и расцепила застёжку лифчика. Он соскользнул с её грудей, и руки Понтера скольз-

нули вверх по её животу, дотянулись, накрывая их, взвешивая в ладонях. А потом он потянул её вниз, и его широкий рот нашёл её левую грудь, и Мэри ахнула, когда вся она уместилась у него во рту, а его язык начал её поглаживать и ласкать.

А потом он переместился к правой груди, и его язык прочертил влажную полосу по ложбинке между ними, и она почувствовала, как он зажал губами правый сосок и мягко за него потянул, и Мэри ощутила, как волны электричества пробегают вверх-вниз вдоль позвоночника.

Несмотря на то, что Понтер всё ещё был полностью одет, она ощутила бёдрами его эрекцию. Ей вдруг страшно захотелось увидеть её; она уже видела его голым, когда они находились на карантине в доме Рубена Монтего, но только в спокойном состоянии. Она приподнялась на руках — её сосок выскользнул у него из губ — и сдвинулась ниже по его торсу так, чтобы руки оказались на уровне пояса. Однако тут же пришла в замешательство — она понятия не имела, как расстёгиваются его штаны. Медицинский пояс Понтер сбросил, как только они вошли в комнату, но на штанах не было никаких застёжек, хотя ткань на нужном месте выразительно оттопыривалась.

Понтер рассмеялся, протянул руку и сделал что-то со своими штанами, отчего они внезапно перестали плотно облегать пояс. Он выгнул спину и стянул их на бёдра и…

И стало ясно, что нижнего белья неандертальцы не носят.

Он был массивный — длинный и толстый. Необрезанный, хотя головка высовывалась далеко за пределы крайней плоти. Мэри медленно провела рукой вдоль всей его длины, чувствуя, как он подрагивает в такт ударам сердца.

Потом она слезла с него и помогла полностью освободиться от штанов. Его ступни были заключены в приделанные к штанинам клапаны, стянутые ремешками в двух местах, но он быстро от них избавился. Теперь он был обнажён ниже пояса — а Мэри выше. Она свесила ноги с кровати, встала, быстро сбросила туфли, расстегнула юбку и дала ей упасть на пол. Понтер не отводил взгляда от её тела, и она видела, как его глаза округлились. Она взглянула вниз и рассмеялась: на ней были простые бежевые трусики, и при тусклом освещении казалось, что у неё там всё ровно и гладко. Она запустила большие пальцы под резинку и стянула их на пол, открыв…

Она слышала, что сейчас было модно удалять

почти все лобковые волосы; однажды она слышала, как Говард Стерн[45] называл то, что при этом оставляют, «взлётной полосой». Мэри не делала ничего такого, только немного подбривала по краям, когда брила ноги, и она вдруг осознала, что Понтер впервые видит густые волосы на теле глексенской женщины. Он улыбнулся, явно обрадованный открытием, и скатился с кровати, встав рядом с ней. Потом особым образом коснулся своей рубахи, и она расползлась по швам, как на Брюсе Бэннере[46], и упала на застеленный ковром пол.

И теперь они стояли в метре друг от друга, оба полностью голые, за исключением компаньона Понтера и повязки у него на плече, там, куда попала пуля. Понтер шагнул вперёд и снова обхватил Мэри руками, и они опять повалились на кровать.

Мэри хотела ощутить его внутри себя — но не прямо сейчас, не так быстро. У них много времени, и усталость, побуждавшая поначалу Мэри сказать «спокойной ночи», испарилась без

---

[45] Примечания: 45

Американский теле- и радиоведущий, юморист и писатель.

[46] Примечания: 46

Персонаж комиксов, человек, превращающийся в чудовищного монстра Халка в несколько раз больше него размером.

следа. Но, однако, как неандертальцы занимаются любовью? Что если что-то для них табу, а что-то они находят отвратительным? Она решила отдать инициативу Понтеру, но тот также медлил, предположительно, по той же самой причине, и в конце концов Мэри обнаружила, что делает нечто, чего она никогда раньше сама не начинала — ведёт языком вниз по мускулистому волосатому торсу Понтера через рельефные бугры его пресса. После секундной паузы, давая Понтеру возможность остановить её, если он захочет, она открыла рот и скользнула им по его пенису.

Понтер испустил довольный вздох. Мэри уже делала такое с Кольмом, но всегда без особого энтузиазма, зная, что это нравится ему, но сама не испытывая от процесса никакого удовольствия. Однако в этот раз она пожирала Понтера горячо и страстно, наслаждаясь ритмичным подрагиванием его массивного органа и солоноватым вкусом его кожи. Но она не хотела довести его таким образом до оргазма, а если он возбуждён хотя бы вполовину так, как она, то до этого было уже недалеко. Поэтому Мэри одним долгим медленным движением выпустила его пенис изо рта, посмотрела на него и улыбнулась. Он уложил

её на спину и ответил тем же, его язык сразу нащупал её клитор и начал его ласкать быстрыми движениями. Она тихонько застонала — только потому, что специально старалась стонать громко. Понтер попеременно то быстро двигал языком вверх-вниз, то покусывал её половые губы.

Мэри испытывала наслаждение от каждой секунды, но не хотела от этого кончить, не в первый раз с ним. Она хотела ощутить его *внутри* себя. Понтер, похоже, думал о том же самом, потому что поднял голову и посмотрел на неё — его борода влажно поблёскивала в полумраке.

Она ожидала, что он просто надвинется на неё и войдёт в неё в процессе, но вместо этого он внезапно перевернул её на живот. Мэри снова ахнула, в этот раз от неожиданности. Она никогда раньше не пробовала анальный секс и не была уверена, что хочет пробовать его сейчас. Но руки Понтера вдруг скользнули по её ягодицам, поднырнули под неё и резко потянули вверх, так что она оказалась на четвереньках, а потом его длинный пенис вошёл в её вагину сзади. Мэри крякнула, принимая его в себя, но была в то же время обрадована, что он не стал исследовать неосвоенные территории. Его руки заскользили дальше и накрыли её груди, а он тем временем

ритмично задвигался взад-вперёд. Мэри пару раз пробовала раньше по-собачьи, но Кольму явно недоставало длины, чтобы доставить ей удовольствие в такой позиции. Однако Понтер…

Понтер был великолепен!..

Представляя себе этот момент — и одновременно каждый раз пытаясь прогнать эти фантазии прочь — она всегда видела их делающими это в миссионерской позиции — его рот лобзает её губы в то время, как пенис бьётся в неё, словно перфоратор. Однако…

Однако эта позиция не просто так зовётся миссионерской; даже на этой Земле её предпочитают далеко не все.

Понтер, очевидно, думал о том же самом. Он говорил тихо, и Хак переводил его слова так же тихо. Однако от осознания того, что компаньон воспринимает происходящее во всей его полноте, у Мэри всё сжалось внутри. Она никогда не занималась сексом в присутствии кого-то третьего и дважды сумела переубедить Кольма, когда он заговаривал о том, чтобы заснять процесс на видео.

— У вас это так делают? — тихо произнёс Хак от имени Понтера.

Мэри попыталась выбросить мысль о Хаке из

головы и ответила:

— Обычно мы это делаем лицом к лицу.

— О, — сказала Понтер, и Мэри почувствовала, как он выходит из неё. Она подумала, что он собирается просто перевернуть её на спину, но он встал рядом с кроватью и протянул к ней руку. Мэри недоумённо взяла его за руку, и он поднял с кровати и её — его твёрдый пенис упёрся в её мягкий живот. Он опустил руки, взял обе её ягодицы в свои широченные ладони и приподнял её над полом. Ноги Мэри будто сами собой разошлись и обхватили его вокруг пояса, и он опустил её прямо на свой пенис и практически без усилий начал двигать её вверх-вниз. Их губы соединились в поцелуе, её сердце стучало, его грудь вздымалась, и Мэри, задрожав всем телом и уже не в силах сдерживать стон, кончила, а Понтер тем временем ещё более ускорил ритм своих толчков, и Мэри немного отстранилась от него и глядела в его лицо, в его прекрасные золотистые глаза, которые он не отводил от неё, на его сотрясаемое оргазмом тело. И, наконец, они без сил повалились на кровать, она прижимала к себе его, а он — её.

Глава 26

Ни Мэри, не Понтер не позаботились о том, чтобы задёрнуть тяжёлые занавеси на окнах номера, так что когда взошло солнце, Мэри проснулась и увидела, что Понтер проснулся тоже.

— Доброе утро, — сказала она, глядя на него. Он, однако, уже некоторое время не спал, и когда он повернулся к ней лицом, из его глубоких глазниц вытекали слёзы.

— Что случилось? — спросила Мэри, осторожно утирая ему слёзы.

— Ничего, — сказала Понтер.

Мэри делано нахмурилась.

— Чёрта с два ничего, — сказала она. — Рассказывай.

— Прости, — сказал Понтер. — Вчера…

Мэри ощутила, как её сердце куда-то проваливается. Она считала, что вчера всё было просто великолепно. Неужели ему не понравилось?

— И что же вчера?

— Прости, — повторил он. — Это был первый раз с женщиной с тех пор, как…

Брови Мэри взлетели вверх — её осенило.

— С тех пор, как умерла Класт, — тихо закончила она.

Понтер кивнул.

— Мне её так не хватало, — пожаловался он.

Мэри положила руку ему на грудь, ощутила, как она поднимается и опускается в такт дыханию.

— Как бы я хотела с ней познакомиться, — сказала она.

— Прости меня, — сказала Понтер. — Ты была рядом, а Класт — нет. Я не должен был…

— Нет-нет-нет, — сказала Мэри. — Всё в порядке. Всё хорошо. Я тебя… — Она едва успела остановить себя. — Я тебя не виню за то, что ты так к ней привязан.

Она крепче обхватила его торс, крепче прижалась к нему. Нет, она не могла винить его за мысли о бывшей жене; в конце концов, она умерла не так уж давно, и…

И внезапно Мэри подумала о том, кто *не* пришёл ей на ум с тех пор, как Понтер подхватил её на руки в коридоре, о безликом призраке из её прошлого, который *не* встал между ней и Понтером. Но эта мысль ушла так же быстро, как и появилась, и так, одной рукой обхватывая Понтера и чувствуя его руку у себя на спине, она снова заснула, ни о чём не беспокоясь.

* * *

— Так вы имели с глексенской женщиной интимные отношения? — переспросил Селган, по-видимому, пытаясь скрыть своё удивление.

Понтер кивнул.

— Но…

— Что? — вскинулся Понтер.

— Но она… она глексенка. — Селдон помолчал, потом пожал плечами. — Она принадлежит к другому виду.

— Она человек, *— твёрдо сказал Понтер.*

— Но…

— Больше никаких «но»! — сказал Понтер. — Она человек. Они все *— люди, все живущие в том мире.*

— Как скажете. И всё же…

— Вы их не знаете, — сказал Понтер. — Вы не встречались ни с кем из них. Они люди. Они — это мы.

— Вы говорите так, будто оправдываетесь, — заметил Селган.

Понтер покачал головой.

— Нет. Вы, возможно, правы относительно других вещей, но здесь вы ошибаетесь. У меня нет никаких сомнений. Мэре Воган, Лу Бенуа, Рубен

Монтего, Элен Ганье и все другие, с кем я там общался — человеческие существа. Вы придёте к пониманию этого; весь наш народ это когда-нибудь поймёт.

— И всё же вы плакали.

— Как я и сказал Мэре: я вспоминал Класт.

— Вы не чувствовали себя виноватым?

— В чём?

— Двое не были Одним в тот день.

Понтер задумался.

— Да, пожалуй, это так. То есть, я об этом ни разу не задумался. В мире глексенов мужчины живут с женщинами весь месяц, и...

— А когда ты в Бестобе, живи, как бестобцы?

Понтер пожал плечами.

— Именно.

— Как по-вашему, ваш партнёр думает так же, как и вы?

— О, Адекор не стал бы возражать. Наоборот, он бы обрадовался. Он хотел, чтобы я нашёл себе новую женщину, и, в общем...

— В общем, что?

— Лучше глексенка в неурочное время, чем Даклар Болбай, когда Двое становятся Одним. Я думаю, таково его мнение по этому вопросу.

* * *

Наконец, Мэри и Понтер выбрались из номера. Они пропустили три утренних доклада, но это было не страшно — Мэри ещё в Нью-Йорке скачала pdf-ку с тезисами и потому знала, что все они посвящены Homo erectus и попыткам восстановить Homo ergaster в качестве отдельного вида. Для этих древних форм человека никогда не удавалось получить образцы ДНК, так что Мэри они интересовали мало.

В коридоре к ним подошёл человек из ФБР.

— Посланник Боддет, — сказал он. — Это прислали для вас «ФедЭксом» из Садбери.

Он протянул Понтеру диппакет. Понтер взял его, открыл футляр и извлёк из него бусину памяти.

— Прости, я должен сразу её прослушать, — сказал он Мэри. Та улыбнулась.

— Я определённо не хочу слушать, как на тебя будут орать. Пойду посмотрю поразглядываю стенды.

Понтер улыбнулся и вернулся в номер. Эфбээровец остался на страже в коридоре, а Мэри пошла к лифтам.

Пришёл лифт. Мэри спустилась вниз, на га-

лерею над холлом, где была устроена выставка стендов Ассоциации американских археологов. Собственно, их конференция начнётся лишь завтра, и они с Понтером на неё не останутся, но несколько участников уже выставили свои стенды. Мэри начала осматривать двойной стенд, посвящённый керамике хопи[47].

Когда некоторое время спустя Понтер так и не явился, она забеспокоилась и поднялась обратно на двенадцатый этаж.

Эфбээровец всё ещё дежурил в коридоре.

— Вы ищете посланника Боддета, мэм?

Мэри кивнула.

— Он в своей комнате, — сказал агент.

Мэри подошла к двери его номера и постучала. Через секунду дверь открылась.

— Мэре! — сказал Понтер.

— Привет, — ответила она. — Можно войти?

— Да-да, конечно.

Чемодан Понтера странной трапециевидной формы, который он привёз из своего мира, лежал открытым на кровати.

— Что ты делаешь? — спросила Мэри.

---

[47] Примечания: 47

Индейский народ на северо-западе Аризоны, один из так называемых народов пуэбло — конгломерата доколумбовых земледельческих культур на юго-западе США.

— Собираюсь.

— Тебя всё-таки отзывают? Ты же говорил, что не вернёшься. — Она нахмурилась. Конечно, теперь, когда ещё двенадцать неандертальцев находятся в Нью-Йорке, ему уже не нужно оставаться здесь, чтобы портал не закрыли, но вообще-то после того, что случилось вчера вечером…

— Нет, — сказал Понтер. — Нет, меня никто не принуждает. Бусина памяти была от моей дочери, Жасмель Кет.

— О Боже, с ней всё в порядке?

— С ней всё хорошо. Она дала согласие стать партнёршей Триона, молодого человека, с которым встречается.

Мэри вскинула брови.

— Ты хочешь сказать, что твоя дочь выходит замуж?

— Да, пожалуй, можно сказать и так. Я должен вернуться домой, чтобы принять участие в церемонии.

— Когда это будет?

— Через пять дней.

— Вау, — сказала Мэри. — У вас времени не теряют.

— На самом деле Жасмель и так подзатянула.

Зачатие поколения 149 назначат уже очень скоро. Жасмель всё ещё не нашла себе партнёршу, но это дело не такое спешное.

— Ты видел этого… Триона?

— Да, несколько раз. Очень приличный молодой человек.

— Гмм, Понтер, ты уверен, что это не какой-нибудь трюк? Ну, чтобы выманить тебя отсюда?

— Это не трюк. Послание на самом деле от Жасмель, а она никогда не станет мне лгать.

— Ну, тогда нам надо побыстрее доставить тебя в Садбери, — сказала Мэри.

— Спасибо. — Понтер на мгновение замолчал, будто раздумывая, потом сказал: — А ты не хочешь… не хотела бы пойти со мной на церемонию вступления в союз? По обычаю должны присутствовать родители, но…

Но мать Жасмель Кет умерла. Мэри улыбнулась.

— С превеликим удовольствием, — сказала она. — Но… мы можем остаться на презентацию моей работы? Это сегодня в четырнадцать тридцать. Не хочу пользоваться военными метафорами, но мне бы очень хотелось взорвать эту бомбу.

— Прости? — сказал Понтер.

— Она наделает много шума.

— Ах, — до Понтера, наконец, дошло. — Да, конечно, мы останемся на твою презентацию.

* * *

Работа Мэри и в самом деле была хитом конференции — ведь она, в конце концов, ставила точку в одном из самых длительных дебатов, имевших место в антропологии, провозгласив Homo neanderthalensis отдельным биологическим видом. При обычных обстоятельствах она должна бы была опубликовать предварительное сообщение, но её работа была включена в программу конференции в последнюю минуту, а её названия — «Неандертальская ядерная ДНК и разрешение таксономического вопроса» — было достаточно, чтобы конференц-зал оказался заполнен до отказа.

И, разумеется, споры в зале начались сразу, как только она положила на проектор прозрачку с кариотипом Понтера. В конце концов Мэри была даже рада, что им с Понтером необходимо было уезжать сразу же, как только отведённые ей пятнадцать минут истекли. Понтер, увидев, сколько времени в программе отводится на одно выступление, поразил Мэри замечанием: «Тот

парень, который рисовал банки с супом, гордился бы тобой».

Перед выходом из отеля Мэри позвонила Джоку Кригеру в «Синерджи Груп». Джока порадовало, что у них с Понтером всё хорошо, а известие о том, что у неё появилась возможность посетить неандертальский мир, привело его в восторг. У него, однако, была одна просьба:

— Я хочу, чтобы вы там провели один простой эксперимент.

— Да? — ответила Мэри.

— Раздобудьте компас — обычный магнитный компас, и когда вы окажетесь в другом мире, сориентируйтесь по сторонам света каким-нибудь иным способом и убедитесь, что вы стоите лицом к северу. Найдите Полярную звезду, если это будет ночь, или заметьте, где встаёт или садится солнце, если это будет днём. Понятно? А потом посмотрите, куда будет показывать окрашенная часть стрелки компаса.

— Она должна показывать на север, — сказала Мэри. — Разве не так?

— Вот что бывает, когда пропускают собрания персонала, — сказал Джок. — Неандертальцы утверждают, что в их мире уже произошла смена полярности магнитного поля Земли, которая

только-только начинается у нас. Я хочу, чтобы вы узнали, правда ли это.

— Зачем они стали бы врать о чём-то вроде этого?

— Я уверен, что не стали бы. Но они могли ошибиться. Помните, у них нет спутников, а мы изучаем магнитное поле Земли в основном с орбиты.

— Ладно, — сказала Мэри.

Она замолчала, и Джок воспринял это как знак к окончанию разговора.

— Ну, значит, договорились. Удачной поездки!

Она положила трубку. В этот момент в комнату вошёл Понтер и увидел, что она готова отправляться.

— Я договорилась, что пригоню взятую напрокат машину обратно в Рочестер — это нам почти по дороге, — сказала Мэри. — Там мы пересядем на мою машину и поедем в Садбери, только…

— Да?

— Только я по дороге хотела бы заехать в Торонто, — сказала Мэри. — На самом деле это тоже по дороге, к тому же, ты ведь не можешь вести машину.

— Хорошо, — сказал Понтер.

Но Мэри почему-то чувствовала, что должна

сказать ему больше.

— Мне надо сделать в Торонто… пару дел.

Понтер глядел на неё озадаченно, не понимая, зачем она оправдывается.

— Как у вас говорят: «Нет проблем», — сказал он.

* * *

Мэри и Понтер прибыли в Йоркский университет. Скрыть Понтера от окружающих не было никакой возможности. Зимой на него можно бы было натянуть лыжную шапочку до самых бровей и надеть лыжные очки, но в этот осенний день в таком наряде он бы бросался в глаза так же, как и в своём натуральном виде. Кроме того — Мэри передёрнуло — она вовсе не хотела видеть Понтера в чём-то, хоть отдалённо напоминающем балаклаву; она ни за что на свете не хотела смешивать эти два образа у себя в голове.

Они припарковались на стоянке для гостей и пошли через кампус пешком.

— Мне здесь не нужна охрана? — спросил Понтер.

— В Канаде носить оружие запрещено, — сказала Мэри. — Не то чтобы никто его не носил, но… — Она пожала плечами. — Здесь многое

не так, как в Америке. Последнее политическое убийство в Канаде было в 1970 году, и оно было связано с попыткой отделения Квебека. Я не думаю, что тебе стоит беспокоиться больше, чем любой другой канадской знаменитости. Я прочитала в «Стар», что в город приехали снимать фильм Джулия Робертс и Джордж Клуни. Поверь, они гораздо привлекательнее для зевак, чем ты или я.

— Отлично, — сказал Понтер. Они миновали приземистое здание «Йорк Лэйнс»[48] и направились к…

Это было неизбежно. Мэри знала это с самого начала: по-другому от гостевой парковки не пройти. Они с Понтером приближались к месту, где две смыкаются две бетонные подпорные стены, к месту, где…

Мэри протянула руку, нащупала Понтерову массивную ладонь и переплела свои пальцы с его. Она ничего не сказала, даже не взглянула на стену; она смотрела прямо перед собой.

Понтер, однако, смотрел по сторонам. Мэри никогда не рассказывала ему, где конкретно произошло изнасилование, но она заметила, как он

---

[48] Примечания: 48
Гипермаркет на территории университетского кампуса.

отмечает укромные места, разросшиеся деревья и расстояние до ближайшего фонарного столба. Если он и догадался, то ничего не сказал, и Мэри была благодарна за надёжную тяжесть его руки.

Они шли дальше. Солнце играло в прятки среди пышных белых облаков. Кампус кишел молодёжью: некоторые всё ещё в шортах, большинство в джинсах, редкие студенты-юристы — в костюмах и при галстуках.

— Этот гораздо больше, чем Лаврентийский, — сказал Понтер, вертя головой в разные стороны. Лаврентийский университет в городе Садбери, поблизости от которого Понтер появился в этом мире, был местом, где Мэри выполнила анализ ДНК, показавший, что Понтер действительно неандерталец.

— О да, — сказала она. — И это лишь один из двух — ну, реально трёх[49] — университетов в Торонто. Если хочешь увидеть действительно гигантский, я тебе как-нибудь покажу Университет Торонто.

В то время, как Понтер оглядывался по сторо-

[49] Примечания: 49

Помимо двух крупных университетов — Йоркского и Университета Торонто — в городе существует значительно меньший университет OCAD (Ontario College of Art and Design), специализирующийся в области искусств и дизайна.

нам, люди оглядывались на него. Одна женщина даже поздоровалась с Мэри, как давняя подруга, хотя Мэри не могла даже вспомнить её имени, и они сотни раз проходили мимо, не замечая друг друга. Однако теперь она воспользовалась возможностью рассмотреть Понтера вблизи, пока пожимает Мэри руку.

Наконец, они отвязались от неё и пошли дальше.

— Вот здание, в котором я работаю, — сказала Мэри, показывая на него. — Оно называется Фаркуарсон-билдинг.

Понтер продолжал с интересом оглядываться вокруг.

— Из всех мест, где я был в вашем мире, мне кажется, университетские кампусы приятнее всего. Здесь так просторно и много зелени.

Мэри задумалась.

— Здесь и правда неплохая жизнь, — согласилась она. — Во многих отношениях более цивилизованная, чем в реальном мире.

Они вошли в Фаркуарсон-билдинг и поднялись по лестнице на второй этаж. Войдя в коридор, Мэри заметила на дальнем его конце знакомую фигуру.

— Корнелиус! — позвала она.

Человек обернулся и прищурился — по-видимому, зрение у него было не такое острое, как у Мэри. Но через секунду он её узнал.

— Привет, Мэри, — крикнул он и пошёл к ним.

— Не беспокойтесь, — крикнула ему Мэри. — Я просто забежала в гости.

— Ты ему не нравишься? — тихо спросил Понтер.

— Не в этом дело, — усмехнулась Мэри. — Просто ему достались мои преподавательские часы на то время, что я работаю в «Синерджи Груп».

Когда Корнелиус подошёл ближе и разглядел, с кем заявилась Мэри, он так и вытаращился на Понтера, однако быстро опомнился.

— Доктор Боддет, — сказал он и слегка поклонился.

Мэри подумала, не сказать ли ему, что вот, мол, далеко не всех больших шишек величают профессорами, но потом решила промолчать; Корнелиус и так относится к этому слишком болезненно.

— Здравствуйте, — ответил Понтер.

— Понтер, это Корнелиус Раскин. — Как всегда в таких случаях, Мэри сделала неестественно длинную паузу между именем и фамилией, чтобы Понтер смог их различить. — Он Ph.D. — это наша высшая учёная степень — в области моле-

кулярной биологии.

— Рад с вами познакомиться, профессор Раскин, — сказал Понтер.

Мэри не стала его поправлять — он так старался соблюдать все принятые у людей формальности, что безусловно заслуживал пятёрки по этому предмету. Но если Корнелиус и заметил оговорку, то не подал виду, всё ещё под впечатлением от неожиданной встречи.

— Спасибо, — сказал он. — Что вас сюда привело?

— Машина Мэре, — ответил Понтер.

— Мы возвращаемся в Садбери, — пояснила Мэри. — Дочь Понтера выходит замуж, и он должен присутствовать на церемонии.

— Поздравляю, — сказал Корнелиус.

— Вы не видели Дарию Клейн? — спросила Мэри. — Или Грэма Смайта?

— Смайта я сегодня не видел, — ответил Корнелиус, — а Дария в вашей старой лаборатории.

— А Кейсер?

— Должно быть, у себя в кабинете. Хотя я не уверен.

— О'кей, — сказала Мэри. — Ладно, я хотела забрать пару вещей. Ещё увидимся.

— Будьте здоровы, — сказал Корнелиус. — До

свидания, доктор Боддет.

— Здравого дня, — ответил Понтер и пошёл вслед за Мэри. Они подошли к двери, и Мэри постучала.

— Кто там? — спросил женский голос из-за двери.

Мэри приоткрыла дверь.

— Мэри! — изумлённо воскликнула женщина.

— Привет, Кейсер, — сказала Мэри, широко улыбаясь. Она распахнула дверь так, чтобы было видно Понтера. Карие глаза Кейсер стали круглыми.

— Профессор Кейсер Ремтулла, — сказала Мэри. — Познакомьтесь с моим другом Понтером Боддетом. — Она повернулась к Понтеру. — Кейсер возглавляет факультет генетики Йоркского университета.

— Потрясающе, — сказала Кейсер, пожимая Понтеру руку. — Просто потрясающе.

Мэри хотела было сказать «Да, он такой», но решила оставить эту мысль при себе. Они поболтали с Кейсер несколько минут о факультетских новостях, а потом Кейсер засобиралась на занятия, и Мэри с Понтером двинулись дальше по коридору. Подойдя к двери в окном в ней, Мэри постучалась, и они вошли.

— Есть кто дома? — спросила Мэри у согнувшейся над столом женской фигуры, стоявшей спиной к ним.

Женщина обернулась.

— Профессор Воган! — радостно воскликнула она. — Как я рада вас видеть! И… Боже мой! Это…?

— Дария Клейн, это Понтер Боддет.

— Вау, — сказала Дария, а потом повторила, словно одного раза ей показалось недостаточно. — Вау!

— Дария работает над диссертацией, защитив которую, она получит степень Ph.D. Она специализируется на том же, что и я — на извлечении ДНК из древних образцов.

Мэри поболтала несколько минут с Дарией, пока Понтер, который, будучи учёным, очень интересовался глексенскими технологиями, с любопытством оглядывал лабораторию. Наконец, Мэри сказала:

— Ну ладно, нам пора двигаться. Я только хотела забрать несколько образцов, которые здесь оставляла.

Она пересекла помещение и подошла к холодильнику для хранения биологических образцов, отметив, что к карикатурам Сидни Харриса и

Гэри Ларсена, которые она налепила на дверцу собственноручно, теперь добавились новые. Она открыла металлическую дверцу и ощутила ударивший в лицо морозный воздух.

Внутри было две дюжины контейнеров различного размера. На некоторых были напечатанные на принтере этикетки; на других — полоски грунтовочной ленты, надписанные несмываемым маркером. Мэри не видела образцов, за которыми пришла; пока её не было, их уже наверняка задвинули к самой задней стенке. Она начала передвигать контейнеры, достала два крупных, обозначенных как «Кожа сибирского мамонта» и «Инуитская плацента», и поставила их на стол рядом с холодильником, чтобы они не загораживали обзор.

У Мэри тревожно забилось сердце.

Она снова начала рыться среди замороженных образцов, чтобы убедиться, что ничего не пропустила.

Но она не ошиблась.

Два контейнера, которые она обозначила как «Воган 666», два контейнера, содержавшие физические улики совершённого изнасилования, пропали.

Глава 27

— Дария! — крикнула Мэри. Понтер склонился к ней, явно недоумевая о причинах её расстройства. Но Мэри проигнорировала его и позвала Дарию снова.

Аспирантка с озабоченным видом кинулась к ней.

— Что случилось? — спросила она со смятением в голосе, подразумевающем «Что я натворила?»

Мэри отступила от холодильника так, чтобы Дария могла заглянуть внутрь, и устремила на него обвиняющий перст.

— Я оставляла здесь два контейнера с образцами, — сказала Мэри. — Где они?

Дария покачала головой.

— Я ничего не брала. Я вообще этот холодильник не открывала с тех пор, как вы уехали в Рочестер.

— Это точно? — спросила Мэри, пытаясь прогнать панику из своего голоса. — Два контейнера для образцов, оба матовые, оба подписанные красным маркером — «2 августа», — эту дату она будет помнить до конца жизни, — и «Воган 666».

— А, да, — сказала Дария, — я как-то их видела, когда работала по Рамзесу. Но я их не трогала.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Да, абсолютно. А что случилось?

Мэри пропустила вопрос мимо ушей.

— Кто имеет доступ к холодильнику? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Я, — сказала Дария, — Грэм и остальные аспиранты, преподаватели, профессор Ремтулла. И, наверное, уборщики — все, у кого есть ключ.

Уборщики! Мэри видела уборщика в коридоре первого этажа непосредственно перед…

Перед тем, как на неё напали.

И — *Боже, как я могла быть такой дурой?* — не нужно быть профессором генетики, чтобы понять, что нечто, помеченное именем жертвы, числом Зверя и датой изнасилования — это то, что тебе нужно.

— Это было что-то важное? — спросила Дария. — Материалы по странствующему голубю?

Мэри выхватила из холодильника ещё один контейнер.

— Вот *это* вот — долбаный странствующий голубь! — заорала она, с грохотом опуская контейнер на стол.

Транслятор Понтера пискнул.

— Мэре… — тихо произнёс он.

Мэри сделала глубокий вздох и медленно выпустила воздух. Её всю била дрожь.

— Профессор Воган, — сказала Дария. — Я клянусь, я не…

— Я знаю, — сказала Мэри уже более спокойным голосом. — Я знаю. Она посмотрела на Понтера, лицо которого выражало чрезвычайное беспокойство, и на Дарию, которая была откровенно напугана. — Простите меня, Дария. Просто… Просто это были уникальные образцы. Незаменимые. — Она чуть пожала плечами, всё ещё злясь на себя, но пытаясь не подавать вида. — Я не должна была оставлять их здесь.

— Что это было? — спросила Дария — любопытство в ней пересилило страх.

— Ничего, — ответила Мэри, качая головой и направляясь и двери, даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, идёт ли Понтер за ней. — Вообще ничего.

* * *

Понтер нагнал Мэри в коридоре и тронул за плечо.

— Мэре…

Мэри остановилась и на секунду прикрыла

глаза.

— Я скажу тебе, — проговорила она, — но не сейчас.

— Тогда давай уйдём отсюда, — сказал Понтер. Они с Мэри двинулись к лестнице. По дороге вниз им встретился уборщик в синем комбинезоне, шагающий вверх через две ступеньки, и Мэри показалось, что сердце сейчас выпрыгнет у неё из груди. Но нет, нет, то был Франко — она его знала довольно хорошо, и Франко был итальянцем. С карими глазами.

— О, профессор Воган! — сказал он. — Я думал, вы уехали на весь год!

— Так и есть, — ответила Мэри, пытаясь совладать с голосом. — Просто заехала в гости.

— Ну, тогда всего хорошего, — сказал Франко и пошёл дальше.

Мэри выдохнула и продолжила спуск. Она вышла из здания; Понтер следовал за ней по пятам. Они пошли к машине Мэри, но в этот раз она сделала большой крюк, чтобы не идти мимо сходящихся стен, у которых произошло нападение. Наконец, они добрались до парковки.

Сели в машину. Внутри было жарко как в аду. Обычно летом Мэри оставляла стёкла самую малость приспущенными — а на дворе всё ещё

было лето, осень официально начнётся только 21 сентября — но в этот раз забыла, слишком много всего всколыхнулось у неё в голове от возвращения в Торонто.

Понтер моментально вспотел — он терпеть не мог жару. Мэри завела машину. Она нажала кнопку опускания стёкол и включила кондиционер на полную мощность. Через минуту он начал изрыгать холодный воздух.

Так они и сидели в машине, стоящей на парковке с включённым двигателем, пока Понтер не спросил:

— Итак?

Мэри снова подняла стёкла, боясь, что их услышит кто-нибудь, проходя мимо.

— Ты знаешь, что меня изнасиловали, — сказала она.

Понтер кивнул и легонько коснулся её руки.

— Я не сообщила о преступлении, — сказала Мэри.

— Без компаньонов и архивов алиби, — сказал Понтер, — в этом не было особого смысла. Ты говорила, что в вашем мире многие преступления остаются нераскрытыми.

— Да, но… — у Мэри перехватило горло, и она замолчала, пытаясь совладать с чувствами. — Но

я не подумала о последствиях. На этой неделе в кампусе снова кого-то изнасиловали. Возле Фаркуарсон-билдинг — того здания, где мы были.

Глаза Понтера расширились.

— И ты считаешь, что это был тот же самый?

— Невозможно сказать с уверенностью, но…

Она не договорила, но Понтер определённо понял её мысль. Если бы она сообщила об изнасиловании, возможно, преступника схватили бы прежде, чем он надругался бы над кем-то ещё.

— Ты не могла предвидеть, что всё так случится, — сказал Понтер.

— Очень даже могла, — резко ответила Мэри.

— Ты знаешь, кто вторая жертва?

— Нет. Нет, об этом не сообщают. А что?

— Ты должна освободиться от этого бремени — а это возможно лишь путём прощения.

Мэри почувствовала, как затвердела её спина.

— Я бы не смогла смотреть ей в глаза, — сказала он. — После того, чему я позволила случиться…

— То была не твоя вина, — сказал Понтер.

— Я *собиралась* сделать то, что должна была, — сказала Мэри. — За этим я и приехала сюда, в кампус. Я хотела передать улики в полицию.

— Они были в пропавших контейнерах?

Мэри кивнула. В машине к этому времени

уже стало совсем холодно, но она не выключала кондиционер. Она должна страдать, она этого заслужила.

Не дождавшись от Мэри продолжения, Понтер сказал:

— Если ты не можешь попросить прощения у других жертв, тогда ты должна простить сама себя.

Мэри немного подумала над этим, а потом, ни слова не говоря, переключилась на заднюю передачу и начала выезжать с парковочного места.

— Куда мы едем? — спросил Понтер. — К тебе домой?

— Не совсем, — сказала Мэри, разворачивая машину и направляя её к выезду с парковки.

* * *

Мэри вошла в деревянную исповедальню, встала коленями на специальную подушечку и перекрестилась. Маленькое окошко в стене, отделяющей её от священника, открылось, и она увидела профиль отца Калдикотта, вырисовывающийся на фоне деревянных планок.

— Простите меня, отче, — сказала Мэри, — ибо я согрешила.

У Калдикотта был лёгкий ирландский акцент,

хоть он и прожил в Канаде уже сорок лет. — Как давно ты последний раз исповедалась, дочь моя?

— В январе. Восемь месяцев.

— Расскажи мне о твоём прегрешении. — Его тон остался нейтральным, не содержал ни упрёка, ни осуждения.

Мэри открыла рот, но слова не шли. Через некоторое время священник подбодрил её:

— Дитя моё…?

Мэри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Я… меня изнасиловали.

Некоторое время Калдикотт молчал, по-видимому, раздумывая о том, как повести дальнейший разговор.

— Ты сказала «изнасиловали». На тебя напали?

— Да, отче.

— И ты не давала согласия?

— Нет, отче.

— Тогда, дочь моя, на тебе нет греха.

Мэри почувствовала, как что-то сжимается у неё в груди.

— Я знаю, отче. Не в этом мой грех.

— Ах, — сказал Калдикотт, словно ему всё стало ясно. — Ты… ты забеременела? Ты сделала аборт, дочь моя?

— Нет. Нет, я не забеременела.

Калдикотт подождал, не продолжит ли Мэри говорить, но она молчала, и он заговорил сам:

— Это случилось благодаря противозачаточному средству? Наверное, в подобных обстоятельствах…

Мэри действительно глотала таблетки, но с этим она примирилась давным-давно. И всё-таки ей не хотелось лгать священнику, так что она очень осторожно подбирала слова:

— Это не тот грех, в котором я хочу исповедаться, — тихо произнесла она. Потом снова вздохнула, собираясь с силами. — Мой грех в том, что я не сообщила о преступлении в полицию.

Мэри услышала, как скрипнула под Калдикоттом скамья.

— Господь знает о нём, — сказал он. — И Господь покарает того, кто сделал это с тобой.

Мэри закрыла глаза.

— Насильник напал снова. По крайней мере, я подозреваю, что это был тот же самый человек.

— О, — сказал Калдикотт.

«О»? подумала Мэри. *«О» и всё? Неужели это и всё, что он может…*

Но отец Калдикотт продолжал:

— Ты сожалеешь о том, что не заявила в по-

лицию?

Этот вопрос был, вероятно, неизбежен; раскаяние было частью пути к отпущению. И всё же голос Мэри дрогнул, когда она ответила:

— Да.

— Почему ты не заявила, дочь моя?

Мэри задумалась. Она могла бы сказать, что просто была слишком занята — и это была бы почти правда. Изнасилование произошло вечером накануне отъезда в Садбери. Но она приняла решение до того, как Рубен Монтего ей позвонил в поисках специалиста по неандертальской ДНК.

— Я была напугана, — сказала она. — Я… рассталась с мужем. Я боялась того, что они со мной сделают, что будут говорить про меня, про мои моральные устои, если дело дойдёт до суда.

— Однако кто-то другой пострадал из-за твоего… твоего бездействия, сказал Калдикотт.

Слова священника напомнили ей о лекции по искусственному интеллекту, которую она прослушала несколько месяцев назад. Лектор из лаборатории робототехники Массачусетского технологического говорил об азимовских законах робототехники, первый из которых звучал как-то вроде «Робот не может навредить человеку или позволить, чтобы из-за его бездействия человеку

был нанесён вред». И Мэри пришло в голову, что мир мог бы быть гораздо лучше, если бы люди тоже жили по этим законам.

И всё же…

И всё же как много принципов, которыми она руководствовалась в жизни, *призывают* к бездействию. Большинство из десяти заповедей приказывают тебе *не* делать того или этого.

Грех Мэри состоял в преступном небрежении. И всё-таки Калдикотт, скорее всего, скажет, что это грех простительный, не смертный, но…

Но что-то внутри Мэри в самом деле *умерло* в день, когда это случилось. И она была уверена, что то же самое произошло и с новой жертвой чудовища, кем бы она ни была.

— Да, — сказала, наконец, Мэри, тихо, почти неслышно. — Кто-то пострадал из-за того, что я ничего не делала.

Она заметила, как силуэт Калдикотта сдвинулся.

— Я мог бы наложить епитимью молитвы и чтения Библии во искупление, но… — голос священника затих, явно предлагая Мэри закончить мысль.

И Мэри кивнула, наконец, готовая озвучить решение, к которому уже пришла.

— Но единственным правильным решением будет пойти в полицию и рассказать им всё, что я знаю.

— Ты сможешь найти в себе силы для такого шага? — спросил Калдикотт.

— Я постараюсь, отче. Но улики, которые я сохранила после изнасилования… они пропали.

— Тем не менее у тебя есть информация, которая может помочь. Но если ты хочешь иную епитимью…

Мэри снова закрыла глаза и помотала головой.

— Нет. Нет, я пойду в полицию.

— В таком случае… — сказал Калдикотт. — Бог, Отец наш всемилостивейший, примирился с миром через смерть и воскресение Сына Своего и ниспослал Святой Дух во искупление грехов, — Мэри вытерла слёзы, а Калдикотт продолжал: — Чрез это церковное таинство да наградит тебя Бог покоем и прощением. Отпускаю тебе грехи твои…

И хотя самое трудное было ещё впереди, Мэри ощутила, как ослабевает давивший на неё груз.

— …во имя Отца…

Она пойдёт сегодня. Прямо сейчас.

— …и Сына…

Но она не пойдёт одна.

— …и Святого Духа.
Мэри перекрестилась.
— Аминь, — сказала она.

Глава 28

Понтер сидел на церковной скамье. Подойдя ближе, Мэри с удивлением обнаружила, что у него на коленях лежит книга, и Понтер листает её страницы.

— Понтер? — позвала она.

Он вскинул голову.

— Как прошло? — спросил он.

— Хорошо.

— Полегчало?

— Немного. Но мне всё ещё надо многое сделать.

— Сколько необходимо, — сказал Понтер. — Я помогу всем, чем смогу.

— Ты читаешь Библию? — потрясённо спросила Мэри, заглянув в его книгу.

— О, значит, я правильно догадался! — обрадовался Понтер. — Это и есть главный текст вашей религии?

— Да, — сказала Мэри. — Но… но я считала, что ты не умеешь читать по-английски.

— Я — нет. И Хак пока тоже. Но Хак может запомнить изображение каждой страницы, и когда

такая функция станет доступна, переведёт её для меня.

— Знаешь, я могу тебе достать говорящую Библию — либо устройство, которое умеет читать тексты, либо звукозапись, специально начитанную диктором. Есть великолепная серия Джеймса Эрла Джона…

— Я даже не знал, что есть такая возможность, — сказал Понтер.

— Я не знала, что ты хотел бы читать Библию. Я… как-то не думала, что тебе она будет хоть как-то интересна.

— Она важна для тебя, — сказал Понтер. — Значит, она важна и для меня.

Мэри улыбнулась.

— Как мне повезло, что тебя нашла, — сказала она.

Понтер попытался обратить всё в шутку.

— Меня легко заметить в толпе, — сказала он.

Всё ещё улыбаясь, Мэри кивнула.

— Действительно. — Она посмотрела на висящее над кафедрой распятие и снова перекрестилась. — Однако идём, надо двигаться.

— Куда теперь? — спросил Понтер.

Мэри глубоко вздохнула.

— В полицейский участок.

* * *

— «Она важна для тебя», — повторил Селган. — «Значит, она важна и для меня».

Понтер посмотрел на своего скульптора личности.

— Да, именно так я и сказал.

— И это правда было единственное, что побудило вас ознакомиться с данной книгой?

— Что вы имеете в виду?

— Разве не в этой книге содержатся якобы исторические свидетельства, о которых вы упоминали ранее? Разве не эта книга является их основным доказательством существования жизни после смерти?

— Я честное слово не знаю, — сказал Понтер. — Это довольно объёмистая книга — не слишком толстая, но символы в ней очень мелкие, а бумага самая тонкая из всего, что я видел. Её перевод займёт приличное время.

— И тем не менее вы решили её осмотреть.

— В помещении, где я ожидал Мэре, было несколько копий этой книги. По одной на каждое сидячее место, я полагаю.

— Вы слушали звуковую версию, как предлагала Мэре?

Понтер покачал головой.

— Но вы всё ещё хотите узнать, в чём состоят эти предполагаемые доказательства?

— Мне любопытно, да.

— Насколько любопытно? — спросил Селган. — Насколько это важно для вас?

Понтер пожал плечами.

— Вы обвиняли меня в узости кругозора. Но это не так. Если в этой нелепой теории есть хоть крупица правды, я хотел бы это знать.

— Зачем?

— Просто любопытно.

— И всё? — спросил Селган.

— Конечно, — ответил Понтер. — Конечно.

* * *

В полицейском участке сержант оглядел Понтера с ног до головы.

— Если кому-то из вас, неандертальцев, нужна работа, — сказал он, — то мы бы с радостью наняли сотню-другую.

Они находились в штаб-квартире 31-го участка на Норфинч-драйв, всего в паре кварталов от Йоркского университета.

Понтер смущённо улыбнулся, Мэри засмеялась. Полицейский и правда выглядел очень крепким,

пожалуй, крепче любого мужчины вида Homo sapiens, с которым Мэри была знакома, но в схватке с Понтером она бы не сомневалась, на кого делать ставки.

— Итак, мэм, чем могу помочь?

— На прошлой неделе в кампусе Йоркского было изнасилование, — сказала Мэри. — Об этом писали в «Экскалибуре», университетской газете, так что, я полагаю, что его зарегистрировали здесь у вас.

— Это отдел детектива Хоббса, — сказал сержант. Потом крикнул кому-то ещё: — Эй, Джонни, глянь там, Хоббс у себя?

Джонни крикнул в ответ, что у себя, и через некоторое время появился полицейский в штатском — рыжеволосый светлокожий мужчина лет тридцати.

— Чего надо? — спросил он, а потом, осознав, кто такой Понтер: — Вот это да!

Понтер изобразил улыбку.

— С вами хотят поговорить насчёт изнасилования в Йоркском на прошлой неделе.

Хоббс жестом пригласил их в пройти дальше по коридору.

— Сюда, — сказал он. Мэри с Понтером проследовали за ним в маленькую комнату для

допросов, освещённую флуоресцентными панелями под потолком. — Погодите секунду — сейчас найду дело. — Он вышел и тут же вернулся с большой папкой, которую положил на стол перед собой. Он уселся, и тут его глаза округлились. — Чёрт, — сказал он Понтеру, — скажите мне, что это были не вы. Иначе мне придётся звонить в Оттаву…

— Нет, — резко ответила Мэри. — Нет, это был не Понтер.

— Вам известно, кто это был? — спросил Хоббс.

— Нет, — сказала Мэри, — но…

— Да?

— Но меня тоже изнасиловали в кампусе. Возле того же самого здания биологического факультета.

— Когда?

— В пятницу, 2 августа. Где-то в 9:30 или 9:35.

— Вечера?

— Да.

— Расскажите подробнее.

Мэри попыталась призвать на помощь всю свою научную беспристрастность, но к концу рассказа у неё по щекам текли слёзы. По-видимому, в комнате для допросов это было обычное явление — откуда-то появилась упаковка бумажных

платков, и Хоббс пододвинул её к Мэри.

Она вытерла глаза и высморкалась. Хоббс сделал несколько пометок на лежащем перед ним листе бумаге.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам…

В этот момент в дверь постучали. Хоббс поднялся и открыл её. За дверью стоял полицейский в форме, который начала что-то говорить Хоббсу приглушённым голосом.

Внезапно, к удивлению Мэри, Понтер сгрёб папку с делом со стола и быстро пролистал все его страницы. Второй полицейский, видимо, подал Хоббсу знак, потому что тот резко развернулся к ним.

— Эй! — закричал он. — Вам нельзя это смотреть!

— Прошу прощения, — сказал Понтер. — Не беспокойтесь. Я не умею читать по-вашему.

Понтер протянул ему папку, и Хоббс выхватил её у него из рук.

— Какова вероятность, что вы поймаете преступника? — спросил Понтер.

Хоббс несколько секунд молчал.

— Честно? Я не знаю. У нас на руках два преступления, два изнасилования практически на одном и том же месте с разницей в неделю.

Мы свяжемся с полицией кампуса и попросим усилить бдительность. Кто знает? Может, нам повезёт.

Повезёт, подумала Мэри. Он имеет в виду, если насильник нападёт снова.

— Однако же… — продолжал Хоббс.

— Да?

— Если он студент или сотрудник, то наверняка читает университетскую газету.

— Вы не ждёте успеха, — подытожил без обиняков Понтер.

— Мы сделаем всё, что сможем, — ответил Хоббс.

Понтер кивнул.

* * *

Мэри и Понтер вернулись к машине. В этот раз она не забыла приспустить стёкла, но внутри всё равно было жарко. Она повернула ключ и включила кондиционер.

— Ну как? — спросила она.

— Что? — ответил Понтер.

— Ты пролистал дело. Нашёл что-нибудь интересное?

— Не могу сказать.

— Ты можешь как-нибудь показать мне то, что

видел Хак?

— Не здесь, — сказал Понтер. — Хак, разумеется, всё записывает — ему нарастили память, так что он пишет всё, что видит. Но пока мы не выгрузим записанное в мой архив алиби в Салдаке, просмотреть это невозможно. Хотя Хак может описать то, что видел, словами.

Мэри посмотрела на левое предплечье Понтера.

— Ну что, Хак, расскажешь? — спросила она.

Компаньон заговорил через внешний динамик.

— В папке было одиннадцать листов белой бумаги. Ширина и длина листов относятся как 0,77 к 1. Шесть из них выглядят как предварительно отпечатанные бланки с пустыми местами, в которые позднее было что-то вписано от руки. Я не эксперт в таких вопросах, но мне кажется, что это сделано тем же почерком, каким детектив Хоббс делал свои пометки, хотя цвет чернил другой.

— Но ты не можешь сказать, что написано на этих бланках? — спросила Мэри.

— Я могу лишь дать словесное описание. Вы читаете слева направо, верно? — Мэри кивнула. — Первое слово на первой странице начинается с символа, состоящего из вертикальной линии и

примыкающей к ней сверху горизонтальной. Второй символ выглядит как окружность. Третий…

— Сколько всего символов на всех страницах дела?

— Пятьдесят две тысячи четыреста двенадцать, — ответил Хак.

Мэри задумалась.

— Слишком много, чтобы читать по букве за раз, даже если мы научим тебя алфавиту. — Она пожала плечами. — Ладно, посмотрим, что там написано, когда окажемся в твоём мире. — Она взглянула на часы на приборном щитке. — В любом случае, до Садбери дорога неблизкая. Надо пошевеливаться.

Глава 29

Когда Мэри и Понтер спускались под землю в этой металлической клетке в прошлый раз, Мэри пыталась объяснить ему, что он действительно ей нравится, очень нравится, но что она сейчас не готова к началу отношений. Она рассказала Понтеру о том, что случилось в университетском кампусе — и он стал единственным, кто узнал об этом, не считая Кейши, консультанта из центра помощи жертвам изнасилований. Эмоции Понтера отражали то, что чувствовала сама Мэри: общее замешательство плюс глубокое возмущение по адресу насильника, кем бы он ни был. В тот раз Мэри думала, что теряет Понтера навсегда.

И вот снова этот долгий-предолгий спуск в шахту «Крейгтон» на уровень 6800 футов, и Мэри не может не вспоминать тот, прошлый раз, и, судя по повисшему между ними неловкому молчанию, Понтер сейчас занимался тем же самым.

Звучали предложения установить современный скоростной лифт, который спускался бы непосредственно в нейтринную обсерваторию, но технически это оказалось очень сложно.

Пробить новую шахту сквозь два километра габброидного гранита — нелёгкое дело, к тому же геологи «Инко» не были уверены, что скала это выдержит.

Были также разговоры о замене старого подъёмника «Инко» с открытой клетью на более удобный и современный — но предполагалось, что после замены он будет использоваться исключительно для связи с порталом. Однако шахта «Крейгтон» была работающим горнодобывающим предприятием, и «Инко», при всей своей готовности к сотрудничеству, должна была ежедневно перевозить на этом подъёмнике сотни горняков.

Вот и сейчас, в отличие от прошлого раза, когда Мэри с Понтером были в клети одни, вместе с ними спускались под землю шестеро шахтёров, направляющихся на уровень 5200 футов. Эта группа разделилась поровну на тех, кто вежливо уставился в металлический пол — здесь не было даже указателя этажей, на который можно пялиться в обычном лифте офисного здания — и тех, кто откровенно глазел на Понтера.

Подъёмник, громыхая, опускался в грубо вырубленную шахту и сейчас проходил уровень 4600 футов — цифры были намалёваны на стене

шахтного колодца. После исчерпания залежи этот уровень был превращён в питомник, где выращивались саженцы деревьев для проектов восстановления лесов вокруг Садбери.

Подъёмник, дёрнувшись, остановился на уровне, куда ехали шахтёры, двери с лязгом разъехались, выпуская их наружу. Мэри смотрела им вслед: раньше они показались бы ей здоровяками, но рядом с Понтером они выглядели довольно хило.

Понтер нажал кнопку звонка, давая знать оператору наверху, что шахтёры вышли. Клеть снова с лязгом пришла в движение. В сущности, здесь было слишком шумно для разговора: в прошлый раз им всю дорогу приходилось кричать, несмотря на деликатность обсуждаемых материй.

Наконец, клеть прибыла на уровень 6800 футов. Температура воздуха здесь всегда равнялась 41 °C, а атмосферное давление превышало наружное на тридцать процентов.

По крайней мере здесь транспортная ситуация несколько улучшилась по сравнению с прошлым разом. Чтобы добраться до помещений Нейтринной обсерватории, теперь не нужно преодолевать 1200-метровый горизонтальный штрек. Теперь их ожидал экипаж довольно мод-

ного вида: что-то вроде квадроцикла для езды по дюнам с нашлёпкой с логотипом обсерватории на капоте. Здесь же были припаркованы ещё два таких же экипажа, и ещё несколько, очевидно, находились в пути.

Понтер пригласил Мэри занять водительское место. Мэри подавила улыбку: этот большой парень знал массу разных вещей, но машину водить не умел. Понтер пристроился рядом с ней. Мэри понадобилась минута на то, чтобы ознакомиться с приборной панелью и прочитать многочисленные инструкции и предупреждения. В сущности, машинка выглядела не сложнее самоходной тележки для гольфа. Она повернула ключ — он был прикреплён к приборной панели цепочкой — и они покатили по туннелю, стараясь не наезжать на рельсы, по которым когда-то вагонетками вывозили вынутую породу. Пеший путь от подъёмника до обсерватории обычно занимал минут двадцать; машина довезла их за четыре.

Как ни странно, теперь, когда обсерватория стала вратами в иной мир, режим «чистой комнаты» больше не поддерживался. Раньше перед входом все были обязаны принять душ. Душевые кабинки оставались и сейчас для тех, кто считал, что за время пути с поверхности запачкался, но

Мэри и Понтер просто прошли мимо. Обе двери в пылесосную камеру, где раньше убирали пыль и грязь с одежды входящих, были широко открыты. Понтеру пришлось через неё протискиваться, Мэри прошла следом за ним.

Они миновали какую-то сложную насосную установку, в прошлом использовавшуюся для обслуживания ёмкости с тяжёлой водой, и вошли в пультовую, в которой теперь постоянно присутствовали двое солдат канадской армии при оружии.

— Здравствуйте, посланник Боддет, — сказал один из них, поднимаясь со стула, на котором сидел.

— Здравствуйте, — ответил Понтер без помощи транслятора; к этому времени он уже знал несколько сотен английских слов, хотя и далеко не все был способен правильно произнести.

— А вы — профессор Воган, не так ли? — спросил солдат; его звание наверняка было как-то обозначено на униформе, но Мэри понятия не имела, как его определить.

— Да, — ответила она.

— Я видел вас по телевизору, — сказал солдат. — Впервые на ту сторону, мэм?

Мэри кивнула.

— Я думаю, вас ознакомили с процедурой? Вы должны предъявить паспорт, и мы должны взять образец ДНК.

У Мэри, очень кстати, был паспорт[50]. Она получила его, чтобы поехать в Германию за образцом ДНК неандертальских останков из *Rheinisches Landesmuseum*, а потом продлила его — и почему канадский паспорт выдают всего на пять лет, а не на десять, как американский? Она выудила паспорт из сумочки и показала солдату. На фото в паспорте она выглядела старше, чем в жизни — оно было сделано до того, как она начала красить волосы.

Потом она открыла рот и позволила солдату провести ватной палочкой по внутренней поверхности щеки, что он сделал, по мнению Мэри, несколько грубовато — чтобы отслоить клетки эпителия в этом месте, нет необходимости прикладывать силу.

— Всё в порядке, мэм, — сказал солдат. — Удачного путешествия.

Мэри вслед за Понтером прошла к двери, веду-

---

[50] Примечания: 50

В США и Канаде паспортом называется только документ, необходимый для зарубежных поездок; внутренние паспорта отсутствуют, и у тех, кто не ездит за границу, паспортов нет. Для поездок в США на момент написания книги канадцам паспорт также не требовался — с 2007 он стал необходим при въезде в США воздушным транспортом.

щей на металлическую платформу, образующую крышу над бочкообразной каверной высотой с десятиэтажный дом, в которой когда-то располагался детектор Нейтринной обсерватории Садбери. Теперь уже не нужно было спускаться по лестнице в люк в полу, как в прошлый раз, когда она была здесь — отверстие в полу расширили, и в нём установили лифт — Понтер отметил, что это было сделано уже после того, как он второй раз явился в этот мир. Кабина лифта была прозрачна и сделана из акрила, её по спецзаказу изготовил «Поликаст» — компания-производитель панелей, из которых состояла ныне разобранная акриловая сфера, наполнявшаяся тяжёлой водой.

Лифт был лишь первой из запланированных для этого помещения модификаций. Если портал и вправду останется открытым на долгие годы, каверну заполнят десять этажей помещений различных служб, включая таможню, небольшой госпиталь и даже несколько гостиничных номеров. Сейчас, однако, у лифта было лишь две остановки: каменный пол каверны и, тремя этажами выше, помост, сооружённый на уровне входа в портал. Понтер и Мэри вышли на помосте — широкой деревянной платформе, на которой несли службу ещё двое солдат. Вдоль

одного из краёв платформы выстроились флагштоки с флагами ООН и трёх стран, совместно финансировавших Нейтринную обсерваторию: Канады, США и Великобритании.

А прямо перед ней был…

За ним действительно закрепилось название «портал», но благодаря деркеровой трубе это больше походило на туннель. Сердце Мэри забилось чаще: она могла видеть сквозь этот туннель — видеть неандертальский мир, и…

Боже мой, подумала Мэри. *Боже мой.*

В отверстии туннеля появиласть мускулистая фигура — кто-то из работающих на той стороне.

Ещё один неандерталец.

До сих пор Мэри видела только Понтера и немного Тукану. Она никак не могла осознать по-настоящему, что существуют миллионы других неандертальцев, но…

Но вот один из них, в дальнем конце туннеля.

Она сделала глубокий вдох, и, поскольку Понтер снова галантно предложил ей пройти первой, Мэри Воган, гражданка одной Земли, ступила на цилиндрический мост, ведущий на другую Землю.

Нижнюю часть деркеровой трубы теперь заполняла специальная вставка, образовавшая

ровный пол. Сквозь прозрачные стены трубы Мэри видела охватывающее её синее кольцо: собственно портал, дыру, разрыв.

Она дошла до этого разрыва и остановилась. Да, Понтер проходил через это в обоих направлениях, да и многие Homo sapiens уже посещали мир неандертальцев. Однако…

Мэри вдруг прошиб пот, и не только лишь из-за подземной жары.

Рука Понтера легла её на плечо. На одну ужасную секунду Мэри испугалась, что он собирается толкнуть её вперёд.

Но он, разумеется, не собирался этого делать.

— Дай себе время, — прошептал он по-английски. — Постой, пока не будешь готова.

Мэри кивнула. Потом сделала глубокий вдох и шагнула вперёд.

Ей показалось, что кольцо муравьёв поползло по всему её телу от груди к спине, когда она пересекала плоскость портала. Она двигалась медленно, но тут же ринулась вперёд, лишь бы прекратить это нервирующее ощущение.

И вот она здесь — в сантиметрах и в десятках тысяч лет от мира, который знала.

Она пошла по туннелю дальше, слыша звук тяжелых шагов Понтера за спиной. Наконец, она

шагнула наружу, в помещение, которое, как она знала, было вычислительной камерой квантового компьютера. В отличие от детекторной камеры нейтринной лаборатории, которую переоборудовали для иных целей, квантовый компьютер Понтера оставался полностью функционален; по сути, как поняла Мэри, без него портал тут же закрылся бы.

Она увидела перед собой четверых неандертальцев; все четверо — мужчины. На одном из них было поблёскивающее серебристое одеяние; остальные трое были одеты в рубахи без рукавов и такие же самые штаны с приделанной к ним обувью, в каких ходил Понтер. Их светлые волосы, тоже, как у Понтера, разделялись ровно посередине; все были невероятно мускулисты, все с короткими ногами, выгнутыми надбровьями и массивным носами-картофелинами.

Из-за спины послышался голос Понтера, говорящего по-неандертальски. Мэри чуть не подпрыгнула от неожиданности. Конечно, она она и раньше слышала, как Понтер говорит по-неандертальски полушёпотом в то время, как Хак громко переводит его слова, но до сих пор ей ни разу не приходилось слышать, как он разговаривает на своём языке в полный голос. Сказанное

им, по-видимому, было какой-то шуткой, потому что все четверо неандертальцев рассмеялись глубоким, лающим смехом.

Мэри отступила в сторону от выхода из туннеля, давая Понтеру пройти. И тут…

Разумеется, Понтер много рассказывал ей об Адекоре, и умом она понимала, что у Понтера есть любовник мужского пола, но…

Но, несмотря на своё либеральное воспитание и широту взглядов, несмотря на личное знакомство с несколькими геями у себя дома, на своей Земле, она почувствовала, как её желудок болезненно сжимается при виде того, как Понтер обнимает неандертальца, который, по-видимому, и был Адекором. Их объятие было долгим и страстным, а лицо Понтера прижималось к заросшей бородой щеке Адекора.

Мэри сразу поняла, что она чувствует, но с тех пор, как она испытывала такого рода эмоции в последний раз, прошли годы, даже десятки лет, и ей стало стыдно за себя. Она не испытывала отвращения от вида внешних проявлений однополой любви — да что там, в пятницу вечером в Торонто, переключая каналы, невозможно не наткнуться на гей-порно. Нет, это была…

Это действительно было стыдное чувство, и она

знала, что обязана справиться с ним как можно быстрее, если рассчитывает на долгосрочные отношения с Понтером.

Она *ревновала* его к Адекору.

Понтер выпустил Адекора из объятий, потом поднял правую руку, обратив к нему внутреннюю сторону предплечья. Адекор поднял руку в таком же жесте, и Мэри увидела, как на дисплеях их компаньонов вспыхнули какие-то символы; возможно, Понтер получал все сообщения от Адекора, которые тот ему отправил в его отсутствие.

Они опустили руки одновременно, но Понтер тут же направил свой компаньон на Мэри.

— *Пресап тах Мэре Вохнн дабаллета сохль,* — сказал он, и, поскольку слова были обращены не к ней, Хак не стал их переводить.

Адекор, улыбаясь, выступил вперёд. У него было доброе лицо, ещё шире, чем у Понтера — с салатницу размером. А его круглые глубоко сидящие глаза были изумительного зелёно-голубого оттенка. В целом он выглядел как пекарёнок

Пиллсбери[51] в стиле «Флинтстоунов»[52].

Понтер понизил голос до шёпота, и Хак перевёл с нормальной громкостью

— Мэре, это мой партнёр, учёный Адекор Халд.

— Превет, — сказал Адекор, и Мэри на мгновение смешалась, но быстро догадалась, что Адекор пытался сказать «Привет», но не смог произнести некоторые звуки. И всё же она была впечатлена и польщена тем, что он пытался учить английский.

— Привет, — сказала Мэри. — Я много о вас слышала.

Адекор слегка наклонил голову, очевидно, слушая перевод, сделанный для него его собственным компаньоном, через кохлеарные импланты, а потом повел себя совершенно по-людски — широко улыбнулся и сказал с сильным акцентом:

— Надеюсь, только хорошее.

Мэри не выдержала и тоже рассмеялась.

— О да, — сказала она.

— А это, — произнёс голос Хака, переводящего

---

[51] Примечания: 51

Рекламный персонаж одноимённой компании производителя зерновых продуктов и выпечки — человечек из теста в поварском колпаке и шейном платке.

[52] Примечания: 52

Американский мультсериал 1960-х, персонажи которого — пещерные люди, живущие в типичном американском стиле.

речь Понтера, — эксгибиционист.

Мэри опешила. Понтер говорил о парне, одетом в серебристое. Она не представляла, как может себя повести, если этот странный неандерталец сейчас распахнёт перед ней своё одеяние.

— Гмм, рада с вами познакомиться, — сказала она.

Незнакомец не догадался понизить голос до шёпота и предоставить компаньону переводить его слова в полный голос, так что Мэри с трудом разделяла его неандертальскую речь и английские слова, производимые компаньоном.

— Мне известно, — разобрала она, — что в вашем мире меня называли бы репортёром. Я посещаю интересные места и позволяю людям смотреть то, что передаёт мой компаньон.

— Все эксгибиционисты одеваются в серебристое, — пояснил Понтер. — Одежду такого цвета носят только они. Если ты видишь человека, одетого, как он, то знаешь, что на тебя сейчас смотрят тысячи людей.

— А-а! — воскликнула Мэри. — Эксгибиционист. Да, я помню, ты о них рассказывал.

Понтер представил двух других неандертальцев. Один оказался принудителем — по-видимому, что-то вроде полицейского, другим — до-

родный специалист по робототехнике по имени Дерн.

На мгновение феминистка в Мэри возмутилась тем, что в лаборатории квантовых вычислений не оказалось ни одной женщины, но, понятное дело, женщин здесь быть не могло: как ей было известно, шахта располагалась под Окраиной Салдака.

Понтер провёл Мэри через лабиринт торчащих из пола цилиндров, вверх по короткому лестничному пролёту и через дверь в пультовую. Мэри тут же замёрзла: неандертальцы не любили жару, хотя в натуральном состоянии так глубоко под землёй должно было быть так же жарко, как в том мире, из которого она явилась. Где-то, несомненно, работали кондиционеры; взглянув вниз, Мэри со смущением обнаружила, что её соски напряглись и чётко обозначились под тканью блузки.

— Как вы охлаждаете здесь воздух? — спросила она.

— Сверхпроводящие тепловые насосы, — ответил Понтер. — Работают, как установленный научный факт.

Мэри оглядела пультовую. Она удивилась, до чего *странно* выглядят здешние пульты управ-

ления. Она даже не думала, что внешний вид человеческих приборов и инструментов был продуктом случайного выбора промышленных дизайнеров, и что их «высокотехнологичный» дизайн — далеко не единственное возможное решение. Вместо полированного металла и строгой чёрно-белой гаммы большинства человеческих приборов здешние консоли управления были по большей части кораллово розовыми и не имели острых углов, а элементы управления нужно было вытягивать из поверхности, а не вжимать в неё. Не было ни светодиодных индикаторов, ни циферблатов, ни переключателей. Индикаторы были скорее отражающими, а не излучающими, а текстовые дисплеи изображали тёмно-синие символы на светло-сером фоне: поначалу она приняла их за наклейки с напечатанным на них текстом, и только потом заметила, что символы на них меняются.

Понтер быстро провёл её через пультовую, и они вышли к деконтаминационной установке. Прежде чем она успела понять, что происходит, Понтер расстегнул застёжки на плечах своей рубахи и стянул её с себя. Через секунду он снял с себя и штаны. Он запихал свою одежду в цилиндрическую корзину и вошёл в камеру. Пол в

камере оказался вращающимся: он поворачивал стоящего неподвижно Понтера, так что сначала Мэри видела его широкую спину и то, что под ней, а потом его столь же широкую грудь и всё, что было под *ней*. Она видела эмиттеры лазерных лучей на одной стороне камеры, и яркие точки на противоположной: лучи проходили сквозь тело Понтера, словно его и не было, по ходу уничтожая, насколько понимала Мэри, любые инородные биомолекулы.

Это заняло несколько минут — Понтер повернулся вокруг себя несколько раз, пока процесс не завершился. Мэри изо всех сил старалась не опускать взгляд. Понтер совершенно не стеснялся. В прошлый раз она видела его голым при тусклом освещении, но сейчас…

Сейчас он был ярко освещён, словно актёр в порнофильме. Почти всё его тело покрывал тонкий светлый волос, брюшные мышцы были крепкими и рельефными, мускулистая грудь была больше, чем у Мэри, а…

Она отвела взгляд; она знала, что не должна пялиться.

Наконец, с Понтером закончили. Он вышел из камеры и жестом пригласил в неё Мэри.

И внезапно сердце у Мэри подпрыгнуло. Да, ей

рассказали о подробностях процедуры деконтаминации, но…

Но ей не приходило в голову, что во время процедуры Понтер будет её видеть. Конечно, она могла просто попросить его отвернуться, но…

Она сделала глубокий вдох. Будучи в Риме, веди себя как римляне…

Она расстегнула блузку и засунула её в ту же корзину, что и Понтер. Она сняла с себя чёрные туфли и, после утвердительного кивка Понтера, также положила их в корзину. Потом сняла брюки и…

И осталась в кремовом лифчике и белых трусиках.

Если лазеры могут удалить бактерии и вирусы прямо из-под кожи, то нижнее бельё им наверняка не помешает, но…

Но её нижнее бельё, и вся остальная одежда, её сумочка, её чемодан должны быть подвергнуты акустической чистке и облучены интенсивным ультрафиолетовым излучением. Лазеры отлично справлялись с микробами, однако они были недостаточно мощны, чтобы избавиться от гораздо бóльших по размеру клещей, которые могут прятаться в складках ткани. Как сказал Понтер, после всеобъемлющей чистки все вещи будут им

возвращены.

Мэри потянулась за спину и расстегнула лифчик. Она вспомнила, что в колледже проходила карандашный тест[53], но те дни ушли безвозвратно. Её грудь обвисла. Мэри машинально скрестила руки на груди, но была вынуждена опустить их, чтобы снять трусики. Она не могла решить, будет ли приличнее повернуться лицом или спиной — в любом случае взгляду открывалось слишком много плоти не слишком презентабельного вида. В конце концов она развернулась и быстро стянула их, снова выпрямившись так быстро, как смогла.

Понтер по-прежнему смотрел на неё, ободряюще улыбаясь. Если при ярком свете она и показалась ему не такой привлекательной, как в полумраке гостиничного номера, он никак этого не показал.

Мэри положила трусики в корзину и вошла в камеру, которая начала своё унизительное вращение. Да, она сама смотрела на Понтера, но смотрела, восхищаясь — в конце концов, он мускулист и прочими достоинствами наделён весьма щедро.

---

[53] Примечания: 53

Неформальный тест, показывающий, нужно ли женщине носить бюстгальтер: если под грудью удерживается карандаш, то нужно.

Но она — женщина, стремительно приближающаяся к сорока, с двадцатью совершенно ненужными фунтами жира, чьи лобковые волосы просто кричат о том, что волосы у неё на голове крашеные. Господи, да разве может Понтер восхищаться такой бледной немочью?

Мэри закрыла глаза и стала ждать окончания процедуры. Она не чувствовала ничего: что бы лазеры ни творили у неё внутри, это было совершенно безболезненно.

Наконец, всё закончилось. Мэри вышла из кабинки на другую сторону деконтаминационного помещения, и Понтер отвёл её в ещё одну комнату, где они смогли одеться. Он указал на стену, заполненную рядами кубических шкафов с одеждой.

— Примерь из верхнего правого, — сказал он. — Они упорядочены по возрастанию размера; в том самый маленький.

Самый маленький, подумала Мэри и немного приободрилась. Похоже, в этом мире ей пришлось бы покупать одежду в детском отделе.

Мэри оделась так быстро, как смогла, и Понтер повёл её к лифту. Мэри ещё раз поразилась бросающимся в глаза различиям между технологиями глексенов и барастов. Кабина лифта была

круглой и управлялась парой педалей в полу. Понтер наступил на одну из них, и кабина начала подниматься. Как это удобно, когда у тебя заняты руки! Однажды Мэри уронила все свои покупки, включая картонку с яйцами, пытаясь нажать на кнопку своего этажа.

Посреди кабины имелись четыре вертикальных штанги, равномерно распределённые по её пространству. Поначалу Мэри приняла их на опорные балки, но она ошиблась. Как только кабина поехала вверх — по-видимому, ей предстояло преодолеть те же два километра, что и на её Земле — Понтер подошёл к одной из штанг и начал тереться об неё спиной. Это оказались приспособления для чесания — неплохой способ занять время.

Мэри, однако, удивилась круглой форме кабины. Разве такая форма не приводит к вращению кабины внутри шахты?

Понтер кивнул массивной головой.

— Как раз для этого, — перевёл Хак его слова. — Подъёмный механизм встроен в стенки кабины, а не располагается наверху, как в ваших лифтах. Направляющие, по которым движется кабина, немного отклоняются от вертикали и образуют очень растянутую спираль, завитую вокруг шах-

ты. В данном конкретном случае лифт начинает движение дверью на восток, но приезжает наверх, развернувшись на запад.

Мэри также имела возможность рассмотреть поближе то, чем освещалась кабина.

— Боже, — сказала она, присмотревшись, — это что, люциферин?

Стеклянная трубка, заполненная жидкостью, испускавшей зеленовато-голубоватый свет, опоясывала цилиндрическую кабину под самым потолком.

Хак загудел.

— Люциферин, — повторила Мэри. — Вещество, благодаря которому светятся светлячки.

— А, — сказал Понтер, — да, это похожая каталитическая реакция. Это у нас основной способ освещения помещений.

Мэри кивнула. Разумеется, неандертальцы, адаптированные к холодному климату, вряд ли были бы в восторге от ламп накаливания, которые излучают больше тепла, чем света. Люциферино-люциферазная реакция гораздо эффективнее и почти не производит тепла, только свет.

Лифт продолжал подъём; в зелёно-голубом освещении кожа Понтера приобрела серебри-

стый отлив, и золотисто-карие глаза казались почти жёлтыми. В крыше и полу кабины имелись вентиляционные отверстия, и из них ощутимо дуло; Мэри вздрогнула и обхватила себя руками.

— Прости, — сказал Понтер, заметив её реакцию.

— Ничего, — ответила Мэри. — Я знаю, что вам нравится холод.

— Не в этом дело, — сказал Понтер. — Просто в замкнутых помещениях накапливаются феромоны, а подъём занимает приличное время. Вентиляция для того, чтобы пассажиры не воздействовали друг на друга химически слишком сильно.

Мэри потрясённо покачала головой. Она ещё даже не выбралась из шахты, а уже была потрясена количеством различий. А ведь она знала, что направляется в другой мир. Она снова восхитилась Понтером, который впервые попал на её Землю без всякого предупреждения, но каким-то образом умудрился не сойти при этом с ума.

Наконец, лифт достиг поверхности, и двери кабины открылись. Даже это делалось непривычным для Мэри способом: дверь, которая в закрытом состоянии выглядела сплошной, открывалась, сминаясь гармошкой.

За дверью оказалось квадратное помещение метров пяти размером со стенами салатового цвета и низким потолком. Понтер подошёл к стеллажу у стены и вернулся с маленькой плоской коробочкой из чего-то, напоминающего синий картон. Он открыл её и достал что-то поблёскивающее металлом и пластиком.

— Верховный Серый совет признал, что у него нет иного выхода, кроме как разрешить людям вашего мира посещать наш, — сказал Понтер, — но, по словам Адекора, выдвинул одно условие. Ты должна носить вот это, — он показал её прибор, и она увидела, что это металлическая лента, в целом по виду очень похожая на Хака.

— Обычно компаньоны имплантируют, — объяснил Понтер. — Но мы понимаем, что нельзя требовать от человека подвергнуться хирургической операции ради краткого посещения нашего мира. Однако это лента не снимается. Её можно снять лишь здесь — встроенный в неё компьютер знает, где ты сейчас находишься, и позволит застёжке открыться только в этом помещении.

Мэри кивнула.

— Я понимаю. — Она протянула правую руку.

— Обычно компаньон носят на левой руке, — сказала Понтер, — если только носитель не

левша.

Мэри опустила правую руку и протянула левую. Понтер занялся установкой компаньона.

— Я давно собиралась тебя спросить, — сказала Мэри. — Ведь большинство неандертальцев — правши?

— Да, около девяноста процентов.

— Мы тоже пришли к такому выводу, изучая окаменелости.

Понтер удивлённо вскинул бровь.

— Как это возможно определить по окаменелостям? Я не слышал, чтобы у нас делались какие-то предположения о проценте левшей среди глексенов.

Мэри улыбнулась, обрадовавшись изобретательности своего народа.

— По ископаемым зубам.

— Как могут быть зубы связаны с леворукостью?

— Мы изучили восемьдесят зубов, принадлежавших двадцати разным неандертальцам. Видишь ли, мы догадались, что с вашими здоровенными челюстями вы наверняка пользовались ими как зажимами — чтобы удерживать край шкуры во время удаления с неё остатков тканей. Шкуры абразивны, они оставляют на зубах ма-

ленькие щербинки. У восемнадцати особей эти щербинки были скошены вправо, чего можно ожидать в случае, когда скребок держат правой рукой.

Лицо Понтера приняло выражение, которое, как Мэри уже знала, появляется у неандертальцев, на которых что-то произвело сильное впечатление: губы втянуты внутрь рта, а бровь приподнята в средней части.

— Отличное умозаключение, — сказал Понтер. — На самом деле мы до сих пор устраиваем праздники свежевания, на которых обрабатываем шкуры именно таким способом. Разумеется, есть и другие, механизированные способы, но такие празднества — традиция, социальный ритуал.

Понтер на секунду замолк, а потом продолжил:

— Кстати, о шкурах… — Он подошёл к противоположной стене помещения, вдоль которой на чём-то вроде плечиков, прикреплённых к горизонтальному брусу, висели меховые шубы. — Выбирай любую, — сказал он. — Маленькие размеры по-прежнему справа.

Мэри указала на одну; Понтер сделал что-то, что она не успела рассмотреть, и шуба оказалась у него в руках. Мэри не сразу поняла, как её на-

девать: застёжки у неё оказались где-то сбоку, а не на плечах, но Понтер помог ей облачиться. На секунду Мэри задумалась, не должна ли она отказаться: дома они накогда в жизни не носила натуральный мех. Но здесь, конечно, был совсем другой мир.

Это совершенно точно не был какой-то роскошный мех типа норки или соболя: он был грубым, а рыже-коричневый окрас — неоднородным.

— Что это за мех? — спросила Мэри, пока Понтер возился с застёжками.

— Мамонт, — ответил он.

Мэри округлила глаза. Пусть он не так красив, как норка, но мамонтовая шуба в её мире стоила бы неизмеримо больше.

Сам Понтер не стал надевать никакой верхней одежды, а просто пошёл к выходной двери. Эта оказалась почти привычной конструкции — она крепилась к единственной вертикальной трубе и могла вращаться вокруг неё, как на петлях. Понтер открыл её, и…

И вот они уже на поверхности.

И внезапно все странности словно испарились.

Это была Земля — Земля, которую она знала. Солнце, висящее низко над западным горизонтом, выглядело совершенно так же, как и всегда.

Небо было голубым. Деревья — сосны и берёзы, а также другие разновидности, которые она могла опознать.

— Холодно, — сказала она. Здесь и правда было градуса на четыре холоднее, чем в Садбери, оставшемся в другом мире.

Понтер улыбнулся.

— Отличная погода, — сказал он.

Внезапно внимание Мэри привлёк какой-то звук, и на какое-то мгновение она подумала, что это, должно быть, мамонт бежит отомстить за своего сородича. Но нет, конечно, это был не мамонт. Это была машина на воздушной подушке, примерно кубической формы, но с закруглёнными углами, летящая к ним над каменистой землёй. Звук, который слышала Мэри, был комбинацией шума дующих вниз вентиляторов, приподнимающих машину над землёй, и большого воздушного винта, дующего назад, как у лодок, которые плавают по Эверглейдс[54].

— Ага, — сказал Понтер, — транспортный куб, который я вызвал. — Мэри предположила, что он сделал это через посредство Хака, который не стал переводить его слова на английский. Странный

---

[54] Примечания: 54
Обширная область болот на юге Флориды, национальный парк.

экипаж опустился на землю прямо перед ними, и Мэри разглядела водителя, огромного мужчину на вид лет на двадцать старше Понтера.

Прозрачная сторона куба раскрылась, и водитель что-то сказал Понтеру. И снова его слова для Мэри не переводились, но она вообразила, что это был неандертальский эквивалент «Куда, командир?»

Понтер жестом пригласил Мэри садиться в машину.

— А теперь, — сказал он, — я покажу тебе мой мир.

Глава 30

— Это твой дом? — спросила Мэри.

Понтер кивнул. Они провели пару часов, посещая разного рода общественные здания, так что уже наступил поздний вечер.

Мэри была потрясена. Дом Понтера не был выстроен из кирпича или камня. По большей части он был деревянный. Конечно, Мэри видела много деревянных домов — хотя во многих частях Онтарио деревянные дома запрещены строительным кодексом — но она никогда не видела ничего подобного *этому*. Дом Понтера как будто был *выращен*. Как будто чрезвычайно толстому, но очень короткому древесному стволу позволили разрастись вокруг гигантской формы в виде кубов и цилиндров размером с комнату, а потом форму убрали и дополнительно расширили получившиеся полости, но так, чтобы не убить само дерево. Внешнюю поверхность дома по-прежнему покрывала тёмно-коричневая кора, а само дерево, по видимому, жило до сих пор, хотя листья на ветвях, растущих из его центральной, преобразованной части уже начали менять

цвет — наступала осень.

Но были выполнены и кое-какие плотницкие работы. Окна, к примеру, были идеально квадратные, по-видимому, прорубленные в древесине. А пристроенная сбоку веранда была сколочена из досок.

— Это… — Прилагательные сражались друг с другом в голове Мэри: причудливо, странно, великолепно, здорово… но победило всё же: — …прекрасно.

Понтер кивнул. Соплеменник Мэри сказал бы «спасибо» в ответ на комплимент вроде этого, но Мэри уже знала, что неандертальцы обычно не принимают на свой счёт похвалу чему-то, за что они не несут личной ответственности. Как-то давно она заметила, что одна из застёгивающихся на плечах рубашек Понтера выглядит очень привлекательно, и он озадаченно посмотрел на неё, будто удивляясь, зачем бы кто-то стал носить то, что *не выглядит* привлекательно.

Мэри указала на большой чёрный квадрат метров двадцати на земле рядом с домом.

— А это что? Посадочная площадка?

— Иногда. На самом деле это солнечный коллектор. Превращает солнечный свет в электричество.

Мэри улыбнулась.

— Полагаю, зимой вам приходится откидывать с него снег?

Но Понтер покачал головой.

— Нет. Автобус, который возит нас на работу, садится на него и сдувает весь снег.

Неприязнь к сгребанию снега была одной из причин, по которой Мэри после разрыва с Кольмом выбрала квартиру, а не дом. И она сомневалась, что в её мире TTC[55] согласилась бы посылать автобус с бульдозерным скребком к каждому дому в городе после каждого снегопада.

— Ну что же, — сказал Понтер, — давай войдём? — И зашагал к дому.

Дверь дома отворилась. Внутри стены не были ничем покрыты и представляли собой отполированное дерево, которым и являлись. Мэри в своей жизни видела много отделанных деревянными панелями помещений, но ни в одном из них древесные волокна не образовывали непрерывный узор, охватывающий всё помещение. Если бы она не видела этот дом снаружи, то ни за что бы не поняла, как можно достичь такого эффекта. В нескольких местах в стенах были выдолблены

---

[55] Примечания: 55

TTC — Toronto Transit Commission — компания-оператор общественного транспорта в Торонто.

небольшие ниши, в которых стояли статуэтки и какие-то непонятные безделушки.

Поначалу Мэри показалось, что пол покрыт какой-то зелёной тканью, но она быстро поняла, что на самом деле то был мох. Она, по-видимому, находилась в аналоге гостиной. Здесь была пара отдельно стоящих сидений очень странной формы, а у стен имелась пара диванов, по-видимому, составлявших с ней одно целое. Она не видела ничего, похожего на картины в рамах, но зато весь потолок занимала огромная фреска со множеством деталей, и…

И внезапно Мэри почувствовала, как у неё стынет кровь.

В доме был волк.

Мэри замерла; сердце бухало, как молот.

Волк сорвался с места и кинулся на Понтера.

— *Берегись!* — закричала Мэри.

Понтер повернулся и упал на один из диванов.

Волк вскочил на него, широко распахнул пасть и…

И Понтер засмеялся, когда волк начал облизывать ему лицо.

Понтер всё время повторял на разные лады одни и те же слова на своём языке. Хак их не переводил, но голос Понтера был весел и доб-

родушен.

Через секунду Понтер столкнул волка с себя и поднялся на ноги. Животное обратило своё внимание на Мэри.

— Мэре, — сказал Понтер, — это моя собака Пабо.

— Собака?! — воскликнула Мэри. Насколько она могла судить, животное выглядело совершенно как волк: дикий, хищный, кровожадный волк.

Пабо уселся рядом с Понтером и, задрав морду к потолку, испустил протяжный громкий вой.

— Пабо! — прикрикнул на него Понтер, а потом добавил неандертальское слово, означавшее, по-видимому, что-то вроде «Фу!». Он сконфужено улыбнулся Мэри. — Она ещё никогда не видела глексенов.

Понтер подвёл Пабо к Мэри. Мэри почувствовала, как деревенеет спина и пыталась подавить дрожь, пока зубастая зверюга весом, должно быть, под сотню фунтов обнюхивала её со всех сторон.

Понтер ещё немного поговорил с собакой с теми же самыми интонациями, с которыми и соплеменники Мэри говорят со своими домашними питомцами.

В этот момент в проходе, ведущем в соседнюю

комнату, показался Адекор.

— Превет, Мэре, — сказал он. — Понравилась экскурсия?

— Очень, — ответила она.

Понтер подошёл к Адекору и крепко его обнял. Мэри на мгновение отвела взгляд, а когда снова посмотрела на них, они уже просто стояли рядом, держась за руки.

Мэри снова ощутила укол ревности, однако…

Нет, нет. Конечно, в этом не было ничего неприличного. Разумеется, они вели себя так, как привыкли, не скрывая своих нежных чувств друг к другу.

И всё же…

И всё же, кто первый кинулся обниматься? Адекор? Или Понтер? Она не могла сказать. И за руки они взялись, когда она смотрела в сторону; она не видела, кто потянулся к кому. Может быть, Адекор заявляет о своих правах на территорию, специально демонстрируя Мэри, как Понтер его любит.

Пабо, по-видимому, убедившись, что Мэри никакое не чудовище, отошла от неё и вспрыгнула на один из диванов, растущих из стены в самом прямом смысле этого слова.

— Хочешь посмотреть другие комнаты? — спро-

сил её Понтер.

— Конечно! — ответила Мэри.

Он завёл её в зону — это была не вполне отдельная комната — игравшую, по-видимому, роль кухни. Мох на полу был закрыт сплошной стеклянной панелью. Мэри не узнала ни одного из бытовых приборов, но предположила, что маленький стеклянный куб — это что-то вроде микроволновой печи, а большое устройство, состоящее из двух одинаковых синих кубов, поставленных друг на друга — наверное, холодильник. Она высказала эту догадку, и Адекор рассмеялся.

— На самом деле это лазерная печь, — сказал он, указав на меньшее устройство. — В нём используется та же самая частотная ротация, что и в стерилизаторе, через который вы сегодня проходили, но здесь она применяется для того, чтобы равномерно прожарить мясо как внутри, так и снаружи. И мы больше не пользуемся холодильниками для хранения продуктов, хотя в прошлом они были широко распространены. Это вакуумный шкаф.

— А-а, — сказала Мэри. Она повернулась и на мгновение растерялась. Одну из стен целиком заполняли четыре плоских квадратных теле-

экрана, каждый из которых показывал какую-то сценку неандертальской жизни. Она с самого начала была немного обеспокоена оруэлловскими аспектами их общественного устройства, но и подумать не могла, что Понтер может лично принимать участие в слежке за соседями.

— Это визор, — объяснил Адекор, подходя к ним. — Таким образом мы наблюдаем за экс-гибиционистами. — Он шагнул к квартету телеэкранов и что-то в них переключил. Внезапно четыре отдельных квадрата слились в один, показывающий увеличенную картинку из нижнего правого угла. — Это мой любимый, — сказал Адекор. — Хавст всегда находит что-нибудь интересное. — Он на секунду всмотрелся в изображение. — А, это игра в *дайбатол*.

— Пойдёмте-ка отсюда, — сказал Понтер, жестом приглашая их обоих следовать за ним. По его тону можно было предположить, что если Адекор начинает смотреть *дайбатол*, то его уже трудно оттащить от визора.

Мэри пошла за ним, Адекор тоже. Соседняя комната явно была совмещённой спальней и ванной. В ней было большое окно, выходившее на ручей, и утопленная в пол неглубокая квадратная яма, заполненная квадратными подушками, образую-

щими обширную спальную поверхность. Сверху лежали несколько подушек в форме диска. На другом краю комнаты в полу имелось углубление круглой формы.

— Это ванна? — спросила Мэри.

Понтер кивнул.

— Можешь воспользоваться, если хочешь.

Мэри покачала головой.

— Может быть, позже.

Её взгляд снова упал на кровать, и в голове начала формироваться картинка с голыми телами Понтера и Адекора, сплетёнными в любовном акте.

— И это всё, — сказал Понтер. — Вот это наш дом.

— Пойдёмте обратно в гостиную, — сказал Адекор.

Они вернулись в гостиную следом за Понтером. Адекор согнал Пабо с дивана и улёгся на него. Понтер предложил Мэри расположиться на втором диване. Похоже, лежачее положение было более естественно для неандертальцев, чем для глексенов; без сомнения, так гораздо удобнее разглядывать потолочные фрески.

Мэри уселась на второй диван, думая, что Понтер сядет рядом с ней. Он, однако, подошёл к

дивану, на котором устроился Адекор и легонько побарабанил пальцами по его лбу. Адекор приподнялся; Мэри подумала, что сейчас он свесит ноги с дивана и сядет по-нормальному, но как только Понтер уселся, Адекор снова лёг, положив голову к нему на колени.

Мэри почувствовала, как что-то переворачивается у неё внутри. Впрочем, похоже, Понтер никогда не принимал у себя дома женщину, с которой состоял в романтических отношениях.

— Итак, — сказал Понтер, — что ты думаешь о нашем мире?

Мэри воспользовалась ситуацией, чтобы отвести от них взгляд, будто бы вспоминая то, что она сегодня увидела.

— Это было… — Она пожала плечами. — Иначе. — И тут же добавила, осознав, что это может показаться обидным. — Но здорово. Очень здорово. — Она на секунду замолчала. — Чисто.

Её собственный комментарий заставил её внутренне расхохотаться. *Чисто*. Американцы всегда так говорят о Торонто. *Какой у вас чистый город!*

Но по сравнению с тем, что Мэри увидела в Салдаке, Торонто был сущим свинарником. Она всегда была уверена, что большое количество людей, живущих в одном месте, не может не

производить опустошительного эффекта на окружающую среду, что это попросту невозможно с точки зрения экономики, но…

Но этот эффект производит не *большое* население. Скорее, этот эффект связан с постоянно растущим населением. Неандертальцы с их дискретным размножением, должно быть, поддерживают нулевой прирост уже целые столетия.

— Нам так нравится, — сказал Адекор, по-видимому, пытаясь поддержать разговор. — Собственно, поэтому так оно и есть.

Понтер погладил Адекора по голове.

— У их мира тоже есть своё очарование.

— Я так понимаю, ваши города гораздо больше? — сказал Адекор.

— О да, — сказала Мэри. — Во многих больше миллиона жителей. В Торонто, где живу я — почти три миллиона.

Адекор покачал головой — вернее, покатал ею по коленям Понтера.

— Поразительно, — сказал он.

— После ужина мы отвезём тебя в Центр, — сказал Понтер. — Там всё гораздо плотнее, и здания стоят всего в нескольких десятках шагов друг от друга.

— Церемония вступления в союз будет проис-

ходить там? — спросила Мэри.

— Нет, на полупути между Центром и Окраиной.

Неожиданная мысль вдруг пришла Мэри в голову.

— Я… мне ведь нечего надеть на торжество.

Понтер засмеялся.

— Не беспокойся. Никто ведь не знает, какая глексенская одежда праздничная, а какая — повседневная. Любая глексенская одежда непривычна для нас. — Понтер наклонил голову, глядя на Адекора. — Кстати, об одежде. Ты, кажется, завтра встречаешься с Флуксатанским консорциумом? Что собираешься надеть? — Хак, как ни странно, не исключил Мэри из этого разговора и продолжал переводить.

— Не знаю, — ответил Адекор.

— Как насчёт зелёного камзола? — предложил Понтер. — Мне нравится, как он подчёркивает твои бицепсы, и…

Внезапно Мэри почувствовала, что не может больше этого выдержать. Она вскочила на ноги и кинулась прямиком к двери.

— Простите, — сказала она, пытаясь совладать с дыханием и успокоиться. — Простите меня, прошу вас.

И она выскочила в окружившую дом тьму.

Глава 31

Понтер вышел вслед за Мэри и закрыл входную дверь. Мэри била дрожь. Понтеру вечерний воздух не доставлял никаких неудобств, но он явно осознавал, что происходит с Мэри. Он подошёл ближе, словно собираясь обхватить её своими массивными руками, но Мэри яростно двинула плечами, отвергая его прикосновение, и отвернулась от него и от дома.

— Что случилось? — спросил Понтер.

Мэри глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Ничего, — сказала она. Она понимала, что говорит, как взбалмошная истеричка, и ненавидела себя за это. Да в чём же дело? Ведь она знала, что у Понтера есть любовник-мужчина, но…

Но одно дело знать это как отвлечённый факт, и совсем другое — видеть это во плоти.

Мэри удивлялась самой себе. Она чувствовала ревность более жгучую, чем когда впервые увидела Кольма с новой пассией после того, как они расстались.

— Ничего, — повторила Мэри.

Понтер заговорил на своём языке голосом, в котором звучали растерянность и огорчение. Хак перевёл его слова более нейтральным тоном:

— Прости, если я чем-то тебя обидел.

Мери подняла голову и посмотрела в тёмное небо.

— Тут дело не в обиде, — сказала она. — Просто… — Она помолчала. — Просто мне надо кое к чему привыкнуть.

— Я знаю, что мой мир отличается от твоего. У меня дома слишком темно для тебя? Или слишком холодно?

— Нет, не в этом дело, — сказала Мэри, и медленно повернулась к нему лицом. — Это… Адекор.

Бровь Понтера влезла на надбровный валик.

— Он тебе не понравился?

Мэри замотала головой.

— Нет, нет. Не в этом дело. Он очень приятный человек. — Она снова вздохнула. — Проблема не в Адекоре. Проблема в вас с Адекором. В том, что я вижу вас вместе.

— Он мой партнёр, — сказал Понтер.

— В моём мире у человека только один партнёр. Мне безразлично, того же самого пола или противоположного. — Она хотела было добавить: «мне правда безразлично», но испугалась, это

произведёт обратный эффект. — И для нас быть… в общем, вместе, как ты и я… в то время, как ты вместе с ещё кем-то… — она умолкла, потом пожала плечами, — … это очень трудно. А я должна смотреть, как вы двое… любезничаете…

— Ох, — сказал Понтер, а потом, словно посчитав, что одного раза недостаточно, повторил: — Ох. — После это он затих на несколько секунд. — Я не знаю, что тебе на это сказать. Я люблю Адекора, а он любит меня.

Мэри хотела было спросить, какие чувства он испытывает к ней — но сейчас было неподходящее время: он может почувствовать отвращение к узости её взглядов.

— Кроме того, — сказал Понтер, — в семье не может быть неприязни. Ведь ты наверняка не чувствовала бы себя уязвлённой от моей любви к брату, или дочерям, или родителям.

Мэри задумалась над этим, а Понтер через секунду продолжил:

— Возможно, это прозвучит банально, но у нас говорят: любовь как кишечник, её всем хватит.

Мэри поневоле рассмеялась. Но смех получился вымученным, сквозь слёзы.

— Ты не касался меня с тех пор, как мы сюда приехали.

Понтер округлил глаза.

— Двое пока не становятся Одним.

Мэри какое-то время молчала.

— Мне… всем глексенским женщинам… да и мужчинам тоже — нам нужна любовь всё время, а не только четыре дня в месяц.

Понтер вделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

— Обычно…

Он умолк, и слово повисло между ними. Мэри ощутила, как ускорился ей пульс. Обычно каждый имеет двух партнёров, одного мужчину, другого — женщину. Неандертальские женщины не страдают от отсутствия ласки — но большую часть месяца получают её от партнёрши-женщины.

— Я знаю, — сказала Мэри. — Я знаю.

— Возможно, это была ошибка, — сказал Понтер, возможно, настолько же себе, насколько и Мэри, хотя Хак всё равно послушно перевёл его слова. — Возможно, мне не следовало приводить тебя сюда.

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, я хотела здесь побывать, и я рада, что побывала. — Она заглянула прямо в его золотистые глаза. — Когда в следующий раз Двое станут Одним? — спросила она.

— Через три дня, — ответил Понтер. — Но… — он замолчал, и Мэри моргнула. — Но, — продолжил он, — я не думаю, что кому-то будет плохо от того, что между нами будет немного нежности уже сейчас.

Он раскрыл свои медвежьи объятия, и, после секундного колебания, Мэри шагнула в них.

* * *

Мэри, разумеется, не могла остановиться у Понтера, поскольку Понтер жил на Окраине, местности, где жили исключительно мужчины. Адекор предложил идеальное решение: Мэри могла бы пожить у его партнёрши, Лурт Фрадло. В конце концов, Лурт была химиком в неантертальском понимании этого термина — тот, кто работает с молекулами. Мэри, в соответствии с этим определением, тоже была химиком, специализирующимся на дезоксирибонуиклеиновой кислоте.

Лурт согласилась без колебаний — а какой учёный из любого мира отказался бы от шанса принять у себя дома учёного из другого? Так что Понтер и Адекор вызвали транспортный куб, и Мэри поехала в Центр.

Водителем в этот раз оказалась женщина —

или, возможно, так устроил Хак: искусственный интеллект знал о пережитом Мэри изнасиловании столько же, сколько и Понтер. Во временный компаньон Мэри оказалась загружена база данных Хака, и Мэри воспользовалась этим фактом для того, чтобы поболтать с женщиной-водителем.

— Почему ваши машины имеют форму куба? — спросила Мэри. — Это не слишком аэродинамично.

— А какой же формы им быть? — спросила водительница. Её голос был почти таким же низким, как у Понтера, и резонировал, как у Майкла Белла, когда тот пел «Ol' Man River».

— Ну, в моём мире машины имеют закруглённую форму, и они… — в голове всплыли Monty Python, — …они тонкие на одном конце, потолще в середине и снова тонкие на другом.

У водительницы были чёрные волосы и кожа темнее, чем Мэри до сих пор видела у неандертальцев — цвета молочного шоколада. Она покачала головой.

— Как же штабелевать такие машины?

— *Штабелевать?* — повторила Мэри.

— Ну да. В смысле, когда ими не пользуются. Мы ставим их одну на другую, и размещаем шта-

беля вплотную друг к другу. Так они занимают меньше места.

Мэри подумала об огромных территориях своего мира, отведённых под парковки и стоянки.

— Но… как же вы доберётесь до вашей машины, если она окажется в самом низу штабеля?

— До *моей* машины?

— Да. До той, которая принадлежит вам.

— Все машины принадлежат городу, — сказала водительница. — Зачем мне собственная?

— Ну, я не знаю…

— Ведь их производство обходится дорого, по крайней мере, здесь у нас.

Мэри подумала о своих платежах по автокредиту.

— В моём мире тоже самое.

Она посмотрела на окружающую местность. Вдалеке летел другой транспортный куб во встречном направлении. Интересно, что бы подумал Генри Форд, если бы ему сказали, что через сто лет после начала производства «Модели Т»[56] половина территории городов будет

---

[56] Примечания: 56

Первая в мире модель автомобиля, производившаяся миллионными сериями и ставшая доступной широким слоям населения. Считается, что именно эта модель положила начало тотальной автомобилизации США.

использоваться для обеспечения передвижения или стоянки автомобилей, что дорожно-транспортные происшествия станут одной из главных причин смерти людей младше двадцати пяти, что автомобили будут загрязнять воздух больше, чем все фабрики, заводы и печи мира вместе взятые.

— Тогда зачем владеть машиной? — спросила водительница.

Мэри слегка пожала плечами.

— Мы любим владеть вещами.

— Мы тоже, — сказала она. — Но никто не пользуется машиной десять деци в день.

— А вы не боитесь, что тот, кто пользовался машиной перед вами, ну, скажем, запачкал её?

Водительница слегка наклонила ручку управления, объезжая группу деревьев впереди. А потом молча подняла левую руку, словно этот жест всё объяснял.

И, поняла Мэри, это было действительно так. Никто не станет разбрасывать мусор или портить общественный транспорт, зная, что полная видеозапись всего, что он делает, автоматически передаётся в архив алиби. Никто не может украсть машину или воспользоваться ей для совершения преступления. И компаньон наверняка следит за всем, что вы взяли с собой в машину,

так что вы вряд ли забудете в машине шляпу и вам не придётся потом разыскивать именно ту машину, в которой вы ехали.

Уже почти совсем стемнело. Мэри с удивлением обнаружила, что машина уже не пробирается через дикую местность, а едет по самому Центру Салдака. Уличное освещение практически отсутствовало; Мэри видела, что водительница смотрит не наружу сквозь прозрачную переднюю стену транспортного куба, а в квадратный инфракрасный монитор, вделанный в приборную панель прямо перед ней.

Машина опустилась на землю, и её боковая поверхность сложилась гармошкой, впустив внутрь зябкий ночной воздух.

— Приехали, — сказала водительница. — Вон тот дом, видите? — Она указала на причудливой формы строение, смутно виднеющееся метрах в пятнадцати.

Мэри поблагодарила её и вышла. Поначалу она собиралась пройти прямо к дому — ей было не по себе одной ночью на улице в этом странном мире. Но потом она остановилась и посмотрела на небо.

Звёзды сияли над головой во всём своём великолепии, и Млечный Путь был отчётливо виден.

Как его называл Понтер той ночью в Садбери? «Ночная Река», вот как.

А вон там Большой Ковш — Голова Мамонта. Мэри провела воображаемую линию через опорные звёзды и быстро нашла Полярную звезду, что означало, что она стоит лицом к северу. Она нашарила в сумочке компас, который взяла с собой по просьбе Джока Кригера, но было слишком темно, чтобы разглядеть стрелку. Так что, насмотревшись на небесное великолепие, Мэри подошла к дому Лурт и попросила компаньон поставить хозяев в известность о её приходе.

Мгновение спустя дверь открылась, и за ней показалась ещё одна женщина-неандерталка.

— Здравый день, — произнесла она — или, по крайней мере, так перевёл её слова компаньон.

— Здравствуйте, — сказала Мэри. — Ой, секундочку. — Из двери падало достаточно света; Мэри взглянула на стрелку компаса и почувствовала, как глаза у неё лезут на лоб. Окрашенный конец стрелки — синий конец, в отличие от металлически блестящего противоположного — указывал в направлении Полярной звезды, туда же, куда указывал бы по другую сторону портала. Несмотря на то, что сказал Джок, реверсия магнитного поля, похоже, ещё не происходила на этой версии

Земли.

* * *

Мэри отлично провела вечер в доме Лурт, познакомившись с маленьким сыном Адекора Дабом и остальными членами её семьи. Единственный по-настоящему неловкий момент случился, когда ей пришлось воспользоваться туалетом. Лурт показала ей, где он находится, но, увидев то, что находилось внутри, Мэри пришла в полнейшее замешательство. Наверное, с минуту она тупо его разглядывала, а потом вышла и подозвала Лурт.

— Прошу прощения, — сказала Мэри, — но… видите ли, это совершенно не похоже на туалеты в моём мире. Я совершенно не понимаю, как…

Лурт засмеялась.

— Простите! — сказала она. — Вот. Вы помещаете ноги вот в эти стремена, хватаетесь вот за эти кольца вот так…

Мэри осознала, что для того, чтобы это проделать, придётся полностью снять с себя штаны, однако на стене был крючок, по-видимому, специально, чтобы их на него вешать. На самом деле это оказалось довольно удобно, хотя она вскрикнула от неожиданности, когда влажная губкообразная штуковина сама по себе начала

её вытирать.

Мэри не заметила в туалете ничего, что можно бы было читать. У неё дома в Торонто на туалетном бачке всегда лежали последние номера «The Atlantic Monthly», «Canadian Geographic», «Utne Reader», «Музыки кантри» и «Мира кроссвордов». Впрочем, подумала она, неандертальцы с их чувствительным нюхом даже при идеально работающей канализации, наверное, стараются не задерживаться в туалете дольше необходимого.

Мэри спала в ту ночь на груде диванных подушек, сложенных на полу. Поначалу ей было неудобно: она привыкла к более однородной плоской поверхности, но Лурт показала ей, как разложить подушки в нужном порядке, чтобы они образовали опору для шеи и спины, развели колени и так далее. Несмотря на всю непривычность такой позы, Мэри чувствовала себя абсолютно вымотанной и моментально заснула.

На следующее утро Мэри пошла с Лурт к ней на работу. Здание, в котором она работала, в отличие от большинства зданий Центра, было полностью выстроено из камня — как объяснила Лурт, на случай пожара или взрыва, если какой-нибудь эксперимент пойдёт не так.

Лурт работала с шестью другими женщинами-

химичками, и Мэри уже приобрела привычку рассортировывать их по поколениям, хотя вместо того, чтобы называть их, как Понтер, «146-я», «145-я», «144-я», «143-я» и «142-я», по количеству десятилетий, прошедших от начала отсчёта поколений, она думала о них как о женщинах под тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят и семьдесят. И хотя неандертальские женщины старели не совсем так, как женщины Homo sapiens — надбровный валик, натягивая кожу, похоже, несколько препятствовал образованию морщин — Мэри без труда определяла, кто к какой группе принадлежит. В условиях, когда люди рождаются раз в десять лет, идея скрывать свой возраст, должно быть, никогда не приходила в голову неандертальским женщинам.

И всё же через некоторое время Мэри перестала воспринимать людей в лаборатории Лурт как неандертальцев и начала относиться к ним как к просто женщинам. Да, их внешность была необычна — женщины с комплекцией лайнбэйкера[57], женщины с волосами на лице — но они были, безусловно… нет, не *женственными*, подумала Мэри; это слово перегружено слишком

[57] Примечания: 57
Позиция игрока в американском футболе.

многими ожиданиями. Но это безусловно были *женщины*: вежливые, отзывчивые, разговорчивые и дружелюбные. Словом, с ними было приятно иметь дело.

Конечно, Мэри принадлежала к поколению — она надеялась, что к последнему такому поколению в её мире — при котором в науке трудилось гораздо больше мужчин, чем женщин. Она никогда не работала в коллективе, в котором женщины составляли бы большинство — хотя в Йоркский университет подошёл достаточно близко — не говоря уж о том, чтобы состоять из одних женщин. Возможно, в таких обстоятельствах обстановка на рабочем месте напоминала бы здешнюю и в её мире. Мэри выросла в Онтарио, в котором по историческим причинам было две отдельные финансируемые правительством системы школьного образования: публичная — в американском, а не британском смысле[58], и католическая. Поскольку религиозное образование разрешено только в религиозных учебных заведениях, многие родители-католики посылали детей учиться в католические школы, но роди-

[58] Примечания: 58

В Англии название public school закрепилось за привилегированными частными школами, в США так называют обычные общеобразовательные школы.

тели Мэри — по большей части по настоянию её отца — сделали выбор в пользу публичной системы. Когда ей исполнилось четырнадцать, начались разговоры о переводе её в католическую школу для девочек — Мэри тогда не успевала по математике, и маме сказали, что отсутствие в классе мальчиков могло бы ей помочь. Но в конце концов родители решили оставить её в публичной школе, потому что, как сказал папа, ей всё равно когда-нибудь придётся иметь дело с мужчинами, так что лучше привыкать к ним уже сейчас. Поэтому свои последние школьные годы Мэри провела в старшей школе в Ист-Йорке, а не в школе Святой Терезы по соседству. И хотя несмотря на совместное обучение она преодолела свои трудности с математикой, она иногда задумывалась о преимуществах полностью женской школы. Некоторые из её лучших студенток в Йоркском университете вышли как раз из таких школ.

И, может быть, некоторые из этих преимуществ стоили того, чтобы распространить их и на взрослую жизнь, на рабочее место, позволив женщинам трудиться в окружении, свободном от мужчин и их эго.

Хотя неандертальская система измерения вре-

мени разумно делила сутки на десять равных частей, считая их началом время восхода солнца во время равноденствия, Мэри по-прежнему полагалась на показания своих часов, а не на загадочные символы на дисплее компаньона — в конце концов, несмотря на то, что она находилась в другом мире, часовой пояс здесь был тот же самый.

Для Мэри был привычен дневной ритм утренних и дневных перерывов на кофе и часового обеденного перерыва в середине дня, однако неандертальский метаболизм не позволял им оставаться без еды так долго. В рабочем дне неандертальца было два длинных перерыва, один примерно в 11, другой в три часа дня. Во время обоих поглощалось большое количество еды, включая сырое мясо — та же самая технология, что убивала инфекцию внутри человеческого тела, позволяла людям есть мясо, не подвергнутое термической обработке; мощные неандертальские челюсти отлично с ним справлялись. В отличие от желудка Мэри: она сидела со всеми за общим столом, но старалась не отводить взгляд от своей тарелки.

Она могла бы есть отдельно от других, но Лурт была свободна только в это время, а Мэри хоте-

лось с ней поговорить. Её очень интересовали неандертальские познания в генетике, и Лурт была готова ими с ней делиться.

За короткое время, проведённое с Лурт, Мэри узнала так много, что ей начало казаться, что теперь возможно всё — особенно когда мужчины не мешают.

Глава 32

За свою жизнь Мэри побывала примерно на дюжине свадебных церемоний — нескольких католических, одной еврейской, одной традиционной китайской и нескольких гражданских. Так что в общем и целом она думала, что представляет себе, чего ожидать от церемонии Жасмель.

Она ошибалась.

Конечно, она знала, что церемония не будет проходить в храме или каком другом месте поклонения — таких у неандертальцев попросту не было. Церемония проходила на природе под открытым небом.

Когда транспортный куб высадил Мэри, Понтер уже был там; они прибыли первыми, так что, пока никто не видит, позволили себе крепко обняться.

— Ага, — сказал Понтер, отпуская Мэри, — вот и они.

Было солнечно. Мэри обнаружила, что забыла солнцезащитные очки на другой стороне, и ей пришлось щуриться, чтобы разглядеть приближающуюся компанию. Она состояла из трёх

женщин — одна, как показалось Мэри, была возрастом под сорок, вторая — подросток, и с ними ребёнок лет восьми. Понтер посмотрел на Мэри, потом на приближающуюся женщину, потом снова на Мэри. Мэри пыталась прочитать выражение его лица; будь он её соплеменником, она бы решила, что он страшно смущён, как будто неожиданно осознал, что попал в очень неудобное положение.

Три женщины шли пешком, и они приближались с востока — со стороны Центра. У старшей и младшей в руках не было ничего, но средняя несла на спине большой рюкзак. Когда они подошли поближе, маленькая девочка вскрикнула «Папа!» и побежала к Понтеру, который сгрёб её в охапку.

Остальные две подходили медленно, и старшая женщина явно сдерживала шаг, держась рядом с младшей, которая не могла идти быстро из-за рюкзака.

Понтер выпустил восьмилетку из объятий и, держа её за руку, повернулся к Мэри.

— Мэре, это моя дочь Мега Бек. Мега, это мой друг Мэре.

Мега явно до сих пор не замечала никого, кроме папочки. Она оглядела Мэри с головы до ног.

— Ого, — сказала она, наконец. — Ты глексен, да?

Мэри улыбнулась.

— Ага, — сказала она; её временный компаньон перевёл её ответ.

— Ты придёшь ко мне в школу? — спросила Мега. — Я хочу показать тебя другим детям!

Мэри на секунду опешила; ей как-то не приходило в голову, что знакомством с ней можно хвастаться.

— Гмм, если у меня будет время, — сказала она.

Две другие женщины тем временем приблизились.

— Это моя старшая дочь, Жасмель Кет, — сказал Понтер, указывая на восемнадцатилетнюю девушку.

— Привет, — сказала Мэри. Она осмотрела девушку, но не смогла определить, насколько она привлекательна по неандертальским стандартам. Однако она унаследовала от отца золотистые глаза, на которых останавливался взгляд. — Я… — она решила не ставить Жасмель в затруднительное положение, называя имя, которое она не могла бы произнести. — Я — Мэре Воган.

— Здравствуйте, учёная Воган, — сказала Жаз-

мель, которая, должно быть, уже слышала о ней; иначе она бы вряд ли догадалась, как правильно отделить имя от фамилии. И следующая реплика Жасмель подтвердила эту догадку. — Это вы дали папе тот кусочек металла, — сказала она.

Мэри на мгновение растерялась, но потом догадалась, о чём она. Распятие.

— Да, — ответила Мэри.

— Я вас уже видела, — сказала Жасмель, — на мониторе, когда мы спасали папу. Но… — Она удивлённо покачала головой. — Я всё равно с трудом верила.

— Ну, — сказала Мэри, — теперь я здесь. Надеюсь, вы не против моего присутствия на церемонии?

Даже если она и была против, то не стала подводить отца:

— Нет, конечно, нет. Я очень рада, что вы здесь.

Понтер быстро заговорил, по-видимому, как показалось Мэри, тоже ощутив, что дочь скрывает неудовольствие и желая не дать ему выйти на поверхность:

— А это опекунша моей дочери — теперь уже бывшая. — Он взглянул на старшую женщину. — Я… э-э… не ждал, что ты придёшь.

Бровь неандерталки вскарабкалась на надбровный валик.

— Да уж наверное, — сказала она, взглянув на Мэри.

— Э-э… — сказал Понтер, — да, в общем, это Мэре Воган — женщина с той стороны, про которую я рассказывал. Мэре, это Даклар Болбай.

— О Господи, — сказала Мэри, и её компаньон издал гудок, не в состоянии перевести фразу.

— Да? — сказала Даклар, предлагая Мэри повторить попытку.

— Я… в смысле, рада познакомиться. Я много о вас слышала.

— И я о вас, — голос Даклар звучал ровно.

Мэри выдавила из себя улыбку и отвела взгляд.

— Даклар, — объяснил Понтер, — была партнёршей моей партнёрши, Класт, а потом опекуншей моих дочерей. — Он повернулся к Даклар и продолжил с нажимом: — Пока Жасмель не стала совершеннолетней, когда ей этой весной исполнилось 225 месяцев.

Мэри пыталась понять, что здесь происходит. Понтер, похоже, даёт понять, что раз Даклар более никак не связана с Жасмель, то она не должна быть здесь. Мэри вполне понимала, что её присут-

ствие для Понтера нежелательно. Даклар, в конце концов, пыталась добиться кастрации Адекора.

Неловкая ситуация была прервана появлением ещё двух неандертальцев — мужчины и женщины, оба лет пятидесяти на вид.

— Это родители Триона, — сказал Понтер, — Бол Дурбан, — он указал на мужчину, — и Явла Пол. Бол, Явла, это мой друг Мэре Воган.

— Не нужно представлений, — громогласно ответил Бол. — Я видел вас по визору.

Мэри постаралась подавить дрожь. Она иногда замечала поблёскивание серебристых одежд, но не предполагала, что является объектом внимания эксгибиционистов.

— Ты только посмотри на неё! — воскликнула Явла. — Кожа да кости! Там у вас хватает еды, в вашем мире?

Никогда и никогда не говорил про Мэри «кожа да кости» за всю её жизнь, и сейчас ей это даже понравилось.

— Да, — ответила она, слегка покраснев.

— Ну, сегодня вечером у нас банкет, — сказала Явла. — Конечно, за один раз декамесяцы небрежения не исправить, но у вас будет шанс начать!

Мэри вежливо улыбнулась.

Бол обернулся к своей партнёрше.

— Где носит твоего сына? — спросил он.

— Кто бы спрашивал, — ответила Явла полушутливым тоном. — Пунктуальность он явно унаследовал от тебя.

— Вон он идёт, — сказала Жасмель, по-прежнему с рюкзаком на спине.

Мэри взглянула туда, куда указывала Жасмель. Вдалеке виднелась человеческая фигура, ковыляющая в их направлении и несущая на плечах что-то большое. Было похоже, что он доберётся до них не раньше, чем через несколько минут. Мэри склонилась к Понтеру:

— Напомни мне, как зовут наречённого твоей дочери?

Понтер на секунду застыл, по-видимому, выслушивая Хака, который пытался сообразить, о чём спрашивает Мэри.

— О, — сказал он, наконец. — Трион Ругал.

— Не понимаю вашей системы имён, — сказала Мэри. — Вот, к примеру, «Воган» — это моя фамилия: у обоих моих родителей, моей сестры и моих братьев она такая же. — Она прикрыла глаза рукой от солнца и снова посмотрела на приближающегося парня.

Понтер также смотрел в том направлении, однако его глаза прикрывал от солнца надбровный

валик.

— Первое имя используется членами семьи и близкими друзьями, и выбирается матерью; вторым пользуются за пределами этого круга, и оно выбирается отцом. Теперь видишь логику? Отцы живут на периферии; матери — в центре. Мой отец выбрал для меня имя «Боддет», что означает «сказочно красивый», а моя мать — «Понтер», что значит «невероятно умный».

— Ты шутишь, — сказала Мэри.

Понтер расплылся в своей великанской улыбке.

— Шучу. Прости, мои имена и близко не стояли с твоим — «мать Бога». Если серьёзно, то «Понтер» означает «полнолуние», а «Боддет» — это название города в Эвсое, известного своими великими живописцами.

— А-а, — сказала Мэри. — Тогда… Боже мой!

— Ну, — сказал Понтер, всё ещё в шутливом настроении, — он точно не мой.

— Нет, посмотри! — Она показала на Триона.

— И что? — спросил Понтер.

— Он тащит оленью тушу!

— Ты заметила? — Понтер улыбался. — Это его охотничье подношение Жасмель. А у неё в рюкзаке — подарок собирательницы.

И правда, Жасмель только сейчас снимала рюкзак со спины. Должно быть, подумала Мэри, по традиции мужчина должен видеть, что она сама принесла своё добро. Когда Трион приблизился, Понтер пошёл ему навстречу и помог снять тушу оленя с плеч.

Желудок Мэри начал протестовать. Оленья шкура была вся в крови, на ней виднелось с полдюжины проникающих ран. А когда Трион нагнулся, она увидела, что его спина также покрыта запёкшейся оленьей кровью.

— Кто-нибудь будет руководить церемонией? — спросила Мэри.

Понтер сделал озадаченное лицо.

— Нет.

— У нас её ведёт судья или представитель церкви, — сказала Мэри.

— Клятва, которую дадут друг другу Трион и Жасмель, будет автоматически записана в архив алиби, — сказал Понтер.

Мэри кивнула. Ну конечно.

Освободившись от оленьей туши, Трион кинулся к своей невесте. Жасмель встретила его с распростёртыми объятиями, и они крепко обнялись и лизнули друг друга в лицо, довольно страстно. Мэри обнаружила, что рефлекторно

отвела глаза.

— Ну что же, — сказал Бол, отец Триона. — На то, чтобы зажарить этого оленя, уйдёт целый децидень. Пора браться за дело.

Молодые закончили обниматься. Мэри с отвращением отметила, что Жасмель запачкала руки оленьей кровью со спины Триона, но, заметив это, лишь рассмеялась.

И тут, без всякой преамбулы, церемония, по-видимому, началась.

— Ладно, — сказала Жасмель. — приступим. — Она повернулась к Триону. — Я обещаю держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним.

Мэри взглянула на Понтера. Мускулы его широких челюстей напряглись; он был явно растроган.

— Я обещаю, — продолжала Жасмель, — что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные.

Даклар, похоже, расчувствовалась не меньше Понтера. В конце концов, как поняла Мэри, Жасмель прожила с ней бок о бок всю свою жизнь.

Жасмель заговорила снова:

— Если ты когда-нибудь устанешь от меня, я

обещаю опустить тебя, не тая зла, и наилучшим образом позаботиться о благополучии наших детей.

Мэри потрясло это заявление. Насколько проще была бы её собственная жизнь, если бы они с Кольмом дали друг другу подобную клятву. Она взглянула на Понтера и…

О Господи!

Даклар подошла к нему и теперь стояла рядом и… Мэри не поверила своим глазам — они держались за руки!

По-видимому, теперь была очередь Триона.

— Я обещаю, — сказал он, — держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним.

Двое становятся Одним, подумала Мэри. Наверняка это случилось хотя бы раз в период между возвращением Понтера и его вторым появлением на её Земле. Она полагала, что он провёл это время в одиночестве, но…

— Я обещаю, — говорил Трион, — что твоё счастье и твоё благополучие будут для меня так же важны, как и мои собственные.

— Если когда-нибудь ты устанешь от меня, — продолжал он, — я обещаю отпустить тебя без страданий, и наилучшим образом позаботиться

о благополучии наших детей.

В обычных обстоятельствах Мэри порадовалась бы такой абсолютной симметричности брачной клятвы — ей пришлось немало поругаться с Кольмом из-за того, чтобы не произносить «и повиноваться» во время венчания. Но эта мысль оказалась совершенно подавлена шоком, который она испытала, увидев Понтера и Даклар, держащихся за руки — и это после того, что она сделала с Адекором!

Малышка Мега напугала Мэри, громко хлопнув в ладоши.

— Они соединились! — закричала она. В течение какого-то мгновения Мэри думала, что девочка имеет в виду Понтера и Даклар — но нет, нет, это было бы смешно.

Бол хлопнул себя по животу.

— Ну ладно, раз с этим покончено, — сказал он, — принимаемся за готовку!

Глава 33

— Да вы что, — сказал Селган, сокрушённо качая головой, — рехнулись?

— Даклар не должно было быть там! — ответил Понтер. — В церемонии вступления в союз участвуют только родители и двое детей, заключающих союз. Там нет места для однополых партнёров родителей.

— Но Даклар была табантом *ваших дочерей.*

— Не Жасмель, — возразил Понтер. — Жасмель достигла возраста совершеннолетия; Даклар больше не была её опекуном.

— Но вы привели с собой Мэри, — сказал Селган.

— Да. И я не собираюсь просить за это прощения — я был вправе привести кого-то вместо Класт. — Понтер нахмурился. — А Даклар не имела права там находиться.

Селган почесал лысину там, где редеющие волосы обнажили широкую полосу.

— Вы, физики, — сказал он, снова покачав головой, — ожидаете, что люди поведут себя предсказуемо, что они следуют каким-то неизменным правилам. Но это не так.

Понтер саркастически фыркнул.
— Да неужели?...

* * *

К ужасу Мэри, в разделке оленя по традиции должны были участвовать все. Бол и Явла, родители... «жениха», Мэри не смогла подобрать более подходящего термина — принесли острые металлические ножи, и Бол вспорол оленя от горла до хвоста. Мэри оказалась не готова к зрелищу такого количество крови, так что она извинилась и отошла в сторону.

Здесь было холодно, в этом неандертальском мире, и становилось ещё холоднее — солнце клонилось к закату.

Мэри стояла спиной к празднеству, но через некоторое время услышала шуршание шагов по первой осенней листве. Она была уверена, что это Понтер пришёл её утешить и... и объясниться. Но её сердце подпрыгнуло, когда послышался низкий голос Даклар.

— Похоже, вам не по себе от этой операции.

— Я никогда раньше ничего подобного не делала, — сказала она, поворачиваясь к ней. Она заметила, что Явла и Мега теперь занимались сбором дров для костра.

— Всё в порядке. У нас всё равно лишняя пара рук.

Сначала Мэри подумала, что Даклар говорит о своём присутствии, которое явно застало Понтера врасплох. Но потом она подумала, что Даклар, скорее, пытается уколоть её.

— Понтер пригласил меня, — сказала Мэри, сразу обругав себя за то, что кинулась оправдываться.

— Я так и поняла, — сказала Даклар.

Мэри, зная, что потом будет сожалеть о своей неспособности сдержаться, перешла в наступление:

— А вот я не понимаю, как вы можете быть такой из себя любезной после того, что сделали с Адекором.

Даклар ответила не сразу, и Мэри не удалось прочитать выражение её лица.

— Я смотрю, — сказала она, наконец, — наш Понтер о многом вам рассказывает.

Мэри не понравилось, как прозвучало «наш Понтер», но она промолчала. Через секунду Даклар продолжила:

— Что конкретно он вам рассказал?

— Что пока Понтер был в нашем мире, вы обвинили Адекора в его убийстве. Адекора! Которого

Понтер любит!

Даклар приподняла бровь.

— Он вам сказал, что стало основной уликой против Адекора?

Мэри знала, что Даклар — собирательница, а не охотница, но чувствовала, что её умело загоняют в ловушку. Она чуть качнула головой.

— Улик не было, — сказала она, — поскольку не было преступления.

— В тот раз не было, совершенно верно. Но в прошлом… — Даклар замолчала; её голос звучал самую малость надменно, самую малость снисходительно. — Я уверена, что Понтер не сказал вам, *кто* повредил ему челюсть.

Однако Мэри хотела показать ей, как близка она с этом мужчиной.

— Он рассказал мне *всё*. Я даже видела рентгеновские снимки.

— Тогда вы должны понять. Адекор уже пытался однажды убить Понтера, так что…

Внезапно Даклар замолкла, не договорив, и её глаза удивлённо округлились — должно быть, она заметила, как Мэри изменилась в лице.

— Вы не знали, что это был Адекор, не так ли? Понтер не настолько с вами откровенен?

Сердце Мэри бешено заколотилось. Она молча-

ла, боясь, что не справится с голосом.

— Значит, — сказала Даклар, — у меня *есть* для вас новая информация. Да, это Адекор Халд ударил Понтера по лицу. Я представила запись из его архива алиби Понтера качестве доказательства.

Мэри частенько ругалась с Кольмом — чего уж тут скрывать — но он ни разу не поднял на неё руку. Хотя она и знала, что такое не редкость, она и вообразить не могла, что стала бы жить с супругом, который её бьёт. Однако…

Однако это было всего лишь раз, и…

Нет, нет. Будь Понтер женщиной, она не простила бы Адекору даже одного раза, как…

Она ненавидела вспоминать об этом, терпеть не могла, когда это вдруг всплывало в памяти.

Как не смогла простить отца за то, что он единственный раз поднял руку на маму целую вечность назад.

Но Понтер — мужчина, физически равный Адекору, и…

И всё же ничто — *ничто* — не могло оправдать такое поведение. Ударить того, кого ты якобы любишь!

Мэри не знала, что ответить Даклар, и после долгой паузы неандерталка заговорила снова:

— Как видите, обвинение против Адекора *не*

было необоснованным. Да, я сожалею об этом сейчас, но…

Она замолкла. До сего момента Даклар не проявляла особой сдержанности в выражении своих мыслей, и Мэри стало интересно, о чём таком эта женщина решила умолчать. И тут её осенило.

— Но вас ослепила мысль о том, что Понтер для вас потерян.

Даклар не кивнула, и не покачала головой, но Мэри знала, что попала в яблочко.

— Тогда… — сказала Мэри. Она не имела ни малейшего понятия, что Понтер рассказывал Даклар, если вообще что-то рассказывал, о его отношениях с Мэри во время первого визита в её мир, и…

…и наверняка не имел возможности рассказать ей о том, насколько углубились эти отношения с тех пор, но…

Но Даклар — женщина. Пусть она весит двести фунтов и жмёт от груди вдвое больше, пусть щёки у неё покрыты мягким пушком.

Но всё же она женщина, самка рода Homo, и она наверняка видит ситуацию так же ясно, как и Мэри. Если Даклар не знала об интересе Понтера к Мэри до сего дня, она узнала о нём сейчас. Не только потому, что всё было до ужаса очевид-

но — Понтер привёл Мэри на свадьбу дочери в качестве замены её умершей матери — но и по тому, как Понтер смотрит на неё, как держится поблизости от неё. Его поза, его язык тела звучали для Даклар так же ясно, как и для Мэри.

— Действительно, «тогда», — сказала Даклар, повторяя последние слова Мэри.

Мэри глянула в сторону свадебного пикника. Понтер трудился над оленьей тушей с Жасмель, Трионом и Болом, но погладывал в их сторону. Будь он глексеном, Мэри, наверное, не смогла бы на таком расстоянии разглядеть выражение его лица, но на широком обличье Понтера всё было гораздо отчётливей и заметнее. Он определенно нервничал по поводу разговора, который Даклар затеяла с Мэри — и у него были дли этого все основания.

Она снова посмотрела на стоящую перед ней неандерталку, которая сложила руки на широкой, но не особенно выпуклой груди. Мэри уже заметила, что ни одна из виденных ей местных женщин не была в этом отношении одарена природой так, как, скажем, Луиза Бенуа. Возможно, в обществе, где мужчины и женщины большую часть времени живут раздельно, вторичные половые признаки не играют такой большой роли.

— Он мой соплеменник, — сказала Даклар.

И это правда, подумала Мэри, но…

Но.

Не глядя на Даклар в глаза и без единого слова Мэри Воган, женщина, канадка, Homo sapiens, пошла прочь в направлении группы людей, сдирающих рыжевато-коричневую шкуру с животного, которое один из них убил, по всей видимости, просто ткнув в него копьём.

* * *

Мэри не могла не признать, что еда была великолепна. Мясо — сочное и ароматное, овощи вкусные. Это немного напомнило ей поездку в Новую Зеландию на конференцию два года назад, когда всех делегатов пригласили на маорийское празднество ханги.

Но всё закончилось довольно быстро, и, к изумлению Мэри, Трион ушёл вместе со своим отцом. Мэри придвинулась ближе к Понтеру и тихонько спросила:

— Почему Трион и Жасмель снова расстаются?

Понтера, казалось, удивил этот вопрос.

— Но ведь до того, как Двое станут Одним, ещё два дня.

Мэри вспомнила дурные предчувствия, одо-

левавшие её, когда она давным-давно шла с Кольмом к алтарю. Будь у неё пара лишних дней, она бы могла передумать; неконсуммированный брак мог бы получить от Церкви настоящую, подлинную римско-католическую аннуляцию, а не ту поддельную, получением которой ей рано или поздно ещё предстоит заняться[59].

Но…

Два дня!

— Так… — начала Мэри, запнулась, и начала более уверенно: — Так ты не вернёшься в наш мир, пока здесь всё не закончится?

— Это очень важное время для… — его голос затих; интересно, подумала Мэри, он собирался сказать «для моей семьи» или «для нас»? — …для таких вещей. Ведь, по сути, меняется весь привычный мир…

Мэри сделала глубокий вдох.

— Значит, ты хочешь, чтобы я уехала одна?

Понтер тоже глубоко вдохнул, и…

— Папа! Папа! — К нему неслась малышка Мегамег.

Он присел так, чтобы их лица оказались на одном уровне.

---

[59] Примечания: 59

Ситуация описывается более подробно в третьей части трилогии, «Гибриды».

— Да, маленькая!

— Жасмель забирает меня домой.

Понтер обнял дочку.

— Я буду по тебе скучать, — сказал он.

— Я люблю тебя, папа.

— И я тоже тебя люблю, Мегамег.

Она прикрыла ладошками губы.

— Прости, — сказал Понтер. — Я тоже тебя люблю, Мега.

Девочка заулыбалась.

— Когда Двое станут Одним, мы снова пойдём на пикник с Даклар?

Сердце Мэри подпрыгнуло.

Понтер посмотрел на Мэри, потом торопливо наклонил голову так, что надбровье закрыло глаза.

— Мы посмотрим, — сказал он.

Жасмель и Даклар подошли ближе. Понтер выпрямился и повернулся к старшей дочери.

— Я уверен, что вы с Трионом будете очень счастливы.

И снова Мэри что-то показалось неправильным в построении этой фразы. В её мире в ней обязательно прозвучало бы слово «вместе», но Жасмель и Трион, даже вступив в союз, проведут бóльшую часть жизни порознь. На самом деле

Жасмель, по-видимому, ждёт предстоит ещё одна церемония, когда она выберет себе женщину-партнёра.

Мэри покачала головой. Возможно, ей и впрямь стоит отправиться домой.

— Пойдёмте, — сказала ей Даклар, — мы можем добраться до Центра на одном кубе. Я так понимаю, вы снова остановитесь у Лурт?

Взгляд Мэри на секунду задержался на Понтере. Но если даже невеста не будет спать с женихом этой ночью…

— Да, — ответила она.

— Хорошо, — сказала Даклар. — Тогда давайте двигаться. — Она шагнула к Понтеру и, после секундного колебания, они обнялись на прощание. Мэри смотрела в сторону.

* * *

Мэри и Даклар почти не разговаривали по дороге домой. Напротив, после нескольких минут неловкого молчания Даклар затеяла разговор с водителем. Мэри рассматривала виды за окном. В Онтарио в наши дни практически не осталось первобытных лесов, растущих без вмешательства человека, но здесь такие леса были повсюду.

Наконец, её высадили возле дома Лурт. Парт-

нёрша Лурт и она сама хотели знать всё о свадебной церемонии, и Мэри попыталась удовлетворить их любопытство. Маленький Даб вёл себя исключительно хорошо, сидя тихонько в углу — как потом объяснила Лурт, он был поглощён историей, которую читал ему компаньон.

Мэри знала, что ей нужно с кем-то посоветоваться, но — чёрт бы их побрал! — семейные отношения здесь были так сложны. Лурт Фрадло была партнёршей Адекора Халда, а Адекор Халд был партнёром Понтера Боддета. Однако, если Мэри правильно поняла, между Понтером и Лурт не было никакой особенной связи, так же, как…

Так же как не должно было быть никакой особенной связи между Понтером, чьей партнёршей была Класт Харбен, и Даклар Болбай, партнёршей Класт.

И всё же между ними определённо *была* связь. Понтер не упомянул её ни словом во время первого визита на её Землю, хотя часто говорил о том, как им оторванным и потерянным он себя чувствует, оказавшись вырванным из своего мира без видимых шансов вернуться. Он много раз упоминал Класт, которая к тому времени уже умерла, а также Жасмель, Мегамег и Адекора. Но не Даклар — по крайней мере, не в числе людей,

по которым тоскует.

Могли эти отношения начаться совсем недавно?

Но, если так, то стал бы Понтер покидать свой мир на столь долгое время?

Нет, погодите. Погодите. Время это не такое уж и долгое — меньше трёх недель; трёх недель, которые попадают как раз между двумя последовательными периодами, когда Двое становятся Одним. Он не мог бы в это время видеться с Даклар, даже если остался бы дома.

Мэри тряхнула головой. Ей нужен не просто совет — ей нужны ответы.

И Лурт, похоже, единственная, кто может их дать в то короткое время, что осталось до того, как Двоих снова станут Одним. Но ей нужно поговорить с Лурт наедине — а такой шанс будет только завтра, в её лаборатории.

* * *

Понтер лежал на одном из диванов, растущих из деревянных стен его дома, и пялился в роспись на потолке. Пабо растянулась рядом на моховом полу и спала.

Входная дверь открылась, и вошёл Адекор. Пабо проснулась и кинулась его встречать.

— Привет, старушка, — сказал Адекор и потянулся почесать ей за ухом.

— Привет, Адекор, — сказал Понтер, не поднимаясь.

— Привет, Понтер. Как прошла церемония?

— Давай посмотрим на это так, — ответил Понтер. — Что самое плохое, что могло там случиться?

Адекор задумался.

— Трион проткнул себе копьём ногу?

— Нет, нет. С Трионом всё хорошо, и сама церемония прошла здорово.

— Что тогда?

— Даклар Болбай заявилась.

— *Хрящ!* — выругался Адекор, устраиваясь на седлокресле. — Ситуация хуже не придумаешь.

— Ты знаешь, — сказал Понтер, — говорят, что это самцы территориальны, но…

— Что случилось?

— Я даже не знаю. Вроде Даклар и Мэри не ругались и не спорили…

— Но они обе знают друг о друге.

— Я и не пытался ни от кого ничего скрывать. — Голос Понтера звучал жалко, и он сам это чувствовал. — Ты же знаешь, что Даклар свалилась на меня, как снег на голову, и я тогда

даже не знал, увижу ли я ещё Мэре когда-нибудь. Но сейчас…

— Двое станут Одним послезавтра. У Жасмель для тебя времени не найдётся, я гарантирую. Помню наш с Лурт первый раз после заключения союза — мы почти не выходили на улицу.

— Я знаю, — сказал Понтер. — Я, конечно, повидаюсь с Мегой, но…

— Но тебе нужно решить, с кем ты хочешь провести остальное время и в чьём доме ты собираешься спать.

— Это нелепо, — сказал Понтер. — Я Даклар ничего не обещал.

— Мэре ты тоже ничего не обещал.

— Я знаю. Но я не могу её бросить, когда Двое станут Одним. — Понтер замолчал, надеясь, что Адекор не обидится на то, что он собирается сказать. — Поверь мне, я знаю, как одиноко может быть в эти дни.

— Может быть, ей стоит вернуться в свой мир? — сказал Адекор.

— Я не думаю, что ей это понравится.

— А сам ты с кем хочешь быть?

— С Мэре. Но…

— Да?

— Но у неё свой мир, а у меня — свой. Мы очень

непохожи.

— Прости мне моё нахальство, но где в этой картине место для меня?

Понтер поднялся и сел.

— Ты о чём? Ты — мой партнёр. И так будет всегда.

— Неужели?

— Разумеется. Я люблю тебя.

— А я — тебя. Но ты мне рассказывал об обычаях глексенов. Мэре не ищет партнёра, которого будет видеть несколько дней в месяц, и я сильно сомневаюсь, что она захочет обзавестись партнёршей.

— Да, наши обычаи, возможно, различаются, но…

— Это как мамонты и мастодонты, — сказал Адекор. — Они на вид очень похожи, но попробуй свести самца-мастодонта и мамонтиху, и увидишь, что будет.

— Я знаю, — сказал Понтер. — Я знаю.

— Я не вижу, как ты это всё сможешь устроить.

— Я знаю, но…

— Я могу сказать? — Голос Хака.

Понтер посмотрел на своё левое предплечье.

— Конечно.

— Вы знаете — я обычно не вмешиваюсь в такие

вопросы, — сказал компаньон. — Но имеется фактор, который вы не принимаете во внимание.

— Да?

Хак переключился на кохлеарные импланты Понтера.

— Возможно, ты не захочешь, чтобы другие это услышали.

— Чепуха, — сказал Понтер. — У меня нет секретов от Адекора.

— Очень хорошо, — сказал Хак, снова переключившись на внешний динамик. — Учёная Воган восстанавливается после тяжёлого потрясения. Её эмоции и поведение могут быть нетипичны.

Адекор с любопытством склонил голову на бок.

— Какое тяжёлое потрясение? В смысле, я знаю, что есть стряпню Понтера — то ещё испытание, но…

— Мэре изнасиловали, — сказал Понтер. — Там, в её мире. Непосредственно перед тем, как я там появился.

— Ох, — сказал Адекор, моментально посерьёзнев. — Что сделали с тем парнем?

— Ничего. Он скрылся.

— Как он мог скрыться?

Понтер поднял левую руку.

— Нет компаньонов — нет справедливости.

— Пустая кость! — выругался Адекор. — В каком мире им приходится жить.

Глава 34

На следующий день Мэри шла по коридору лабораторного здания. Она отступила к стене, давая проехать похожему на паука роботу, которые в неандертальском обществе выполняли всю чёрную работу. На мгновение она задумалась об экономике этого мира. Здесь был искусственный интеллект, были роботы. Но при этом были и водители такси; очевидно, автоматизировались не все виды деятельности, которые можно бы было автоматизировать.

Мэри пошла дальше и дошла до помещения, в котором работала Лурт.

— Не собираетесь сделать перерыв? — спросила она; она и сама терпеть не могла, когда её отвлекали посреди успешно продвигающейся работы.

Лурт взглянула на экран компаньона, видимо, посмотреть, который час.

— Можно, — сказала она.

— Отлично, — обрадовалась Мэри. — Не хотите немного прогуляться? Мне нужно с вами поговорить.

* * *

Мэри и Лурт вышли на улицу. Было ясно, и Лурт автоматически приняла позу, которую Мэри часто наблюдала у других неандертальцев — слегка наклонив голову вперёд, так, чтобы надбровный валик прикрывал глаза от солнечных лучей. Мэри для этой цели приходилось приставлять ко лбу ладонь. Хотя сейчас её тяготили совсем другие вопросы, её забытые дома на другой Земле «фостер-грантс» уже начинали её нервировать.

— У вас носят солнцезащитные очки? Такие тёмные стекла, которые задерживают часть солнечных лучей?

— Да, — сказала Лурт, — у нас такое есть, только мы это называем, — она говорила без паузы, но перевод на мгновение прервался, будто компаньон Мэри раздумывал, как перевести то, что сказала Лурт, — противоснежные щитки.

Мэри моментально сообразила. Надбровный валик хорошо прикрывает глаза от света, падающего сверху, когда же он отражается от снега, лежащего на земле, грубоко посаженные неандертальские глаза хоть и дают какую-то защиту, но дымчатые очки всё же будут удобнее.

— Можно раздобыть для меня пару?

— Зачем вам два таких устройства?

— Э-э… нет. Видите ли, мы его называем во множественном числе — ну, потому что в них же две линзы.

Лурт покачала головой и заметила добродушно:

— Тогда почему бы и штаны не называть «парой» — ведь ноги тоже две.

Мэри решила не углубляться в эту тему.

— Как бы то ни было, можно мне достать этот «противоснежный щиток»?

— Конечно. Вон там есть шлифовальная мастерская.

Мэри помедлила.

— У меня нет денег — нечем заплатить за них. В смысле, за него.

Лурт указала на левую руку Мэри, и она не сразу сообразила, что та имеет в виду её временный компаньон. Мэри подняла руку, чтобы Лурт его осмотрела. Лурт вытянула на устройстве несколько крошечных контрольных стерженьков, и изучила заплясавшие на экранчике символы.

— Как я и думала, — сказала Лурт. — Ваш компаньон привязан к счёту Понтера. Вы можете приобрести что пожелаете, и Понтеру пришлют счёт.

— Правда? Вау.

— Пойдёмте, мастерская шлифовщика там.

Лурт пересекла широкую полосу высокой травы, и Мэри поспешила следом. Она чувствовала себя немного виноватой за то, что собирается потратить деньги Понтера, особенно учитывая то, что она собиралась с Лурт обсудить, но у неё начиналась мигрень, и она не хотела вести столь деликатный разговор там, где его могли услышать её коллеги. Больше того: она уже начала потихоньку понимать неандертальский образ жизни. Она знала, что в помещении или на улице в безветренную погоду неандерталец многое может узнать о том, что думает и чувствует собеседник, просто вдыхая его феромоны. В таком невыгодном положении Мэри была бы словно голая. Но сегодня дул свежий ветер, и пока они с Лурт снаружи, Лурт будет знать только то, что Мэри скажет словами.

Они вошли в здание, на которое указывала Лурт. Это было довольно большое заведение, составленное из трёх сформованных деревьев, стоящих достаточно близко, чтобы их ветви сплелись наверху в единую крону.

Мэри удивилась тому, что оказалось внутри. Она ожидала увидеть этакий местный

«LensCrafters»[60], специализирующийся исключительно на очках магазин, но в этом бизнесе так много зависело от моды на оправы, а неандертальцы, в силу их консервативной натуры, вряд ли были ей подвержены. Кроме того, с их значительно меньшим населением слишком узкая специализация была вряд ли возможна. В шлифовальной мастерской занимались всеми видами оптики. Она была заполнена устройствами, в которых узнавались телескопы, микроскопы, камеры, проекторы, увеличительные стёкла, прожектора и многое другое. Мэри попыталась хорошенько запомнить увиденное — Лили, Кевин и Фрэнк наверняка забросают её вопросами, когда она вернётся в «Синерджи Груп».

Появилась пожилая неандерталка. Оттачивая навык, Мэри попыталась определить, к какому поколению она принадлежит. Она выглядела лет на семьдесят, что делало её… да, 142-й. При виде Мэри женщина сделала удивлённые глаза, но быстро взяла себя в руки.

— Здравый день, — сказала она.

— Здравый день, — ответила Лурт. — Это моя подруга Мэре.

---

[60] Примечания: 60
Крупнейшая в Северной Америке сеть магазинов оптики.

— Ну конечно, — сказала 142-я. — Из другой вселенной! Мой любимый эксгибиционист показывает вас с тех самых пор, как вы приехали.

Мэри вздрогнула.

— Мэре нужен противоснежный щиток, — сказала Лурт.

Женщина кивнула и ушла в другую часть мастерской. Она вернулась с парой тёмных линз — они были тёмно-синими, а не зелёными или янтарными, к каким привыкла Мэри — прикреплённых к широкой эластичной ленте, похожей на резинку от «Fruit of the Loom[61]».

— Примерьте это, — сказала она.

Мэри взяла у неё линзы, но не смогла сообразить, как их надевать. Лурт рассмеялась.

— Давайте покажу, — сказала она, беря устройство у Мэри и растягивая эластичную ленту так, чтобы в неё прошла голова. — Обычно лента оказывается здесь — она провела пальцами по борозде между своим выступающим надбровьем и лбом. — Тогда она не соскальзывает вниз.

И действительно, со лба Мэри лента норовила соскользнуть. Шлифовальщица, очевидно, увидев это, сказала:

---

[61] Примечания: 61
Американский производитель нижнего белья.

— Я принесу вам детский вариант, — и снова исчезла.

Мэри уговаривала себя не смущаться. У глексенов высокие головы, у неандертальцев — удлинённые. Женщина вернулась с другой парой, с лентой поуже. Такая вроде бы держалась крепко.

— Вы можете поднимать и опускать линзы, когда потребуется, — сказала женщина, показывая Мэри, как это делается.

— Спасибо. Гмм, что я должна сделать, чтобы…?

— Заплатить? — подсказала Лурт, улыбнувшись. — Просто выходите на улицу; как только вы покинете мастерскую, произойдёт списание со счёта.

Отличный способ борьбы с магазинными ворами, подумала Мэри.

— Спасибо, — сказала она, и они с Лурт вышли из мастерской. С линзами на глазах Мэри почувствовала себя комфортнее, хотя от синеватого оттенка на всём, что она видела, она стала как будто бы сильнее мёрзнуть. Зато теперь, наконец, Мэри была готова затронуть тему, которую хотела обсудить с Лурт.

— Я не в курсе относительно ваших правил протокола, — сказала Мэри. — Я не политик, не

дипломат и ли что-то вроде этого. И я совершенно точно не хотела бы обидеть вас или поставить в неловкое положение, но…

Они шли по ещё одной широкой травянистой полосе, вдоль которой через равные интервалы стояли скульптуры в натуральную величину — предположительно, знаменитых неандертальцев; все скульптуры изображали женщин.

— Я слушаю, — сказала Лурт.

— Ну, в общем, я интересуюсь отношениями Понтера с Даклар Болбай.

— Даклар — партнёрша партнёрши Понтера. Мы называем подобный тип отношений *тулагарк*. Понтер — *тулагаркап* Даклар, а Даклар — *тулагарлоб* Понтера.

— Это обычно… близкие отношения?

— Бывает, что да, но не обязательно. Понтер ведь и мой *тулагаркап* тоже — однополый партнёр моего разнополого партнёра, Адекора. Мы с Понтером знакомы довольно близко. Но так же часто эти отношения могут быть просто вежливо-нейтральными или даже враждебными.

— Понтер и Даклар, похоже… близки?

Лурт рассмеялась.

— Когда Понтер отсутствовал, Даклар обвинила моего Адекора в убийстве. Между Понтером и

Даклар не может быть никакой приязни.

— Я тоже так думала, — сказала Мэри. — Но она *есть*.

— Вы, должно быть, что-то не так поняли.

— Даклар сама мне об этом сказала.

Лурт вдруг остановилась, возможно, от удивления, возможно, пытаясь унюхать феромоны Мэри.

— О, — сказала она, наконец.

— Ага. И, в общем…

— Да?

Мэри помолчала, потом жестом предложила продолжить путь. Солнце зашло за облако.

— Вы не виделись с Адекором со времени, когда Двое становились Одним, не так ли?

Лурт кивнула.

— И не разговаривали с ним?

— Один раз. По поводу Даба.

— Но он ничего не рассказывал… о Понтере… и обо мне?

— Нет, — ответила Лурт.

— И вы не… не обязаны всем делиться с Адекором? Я не имею в виду имущество — информацию. Слухи. Сплетни.

— Нет, конечно же, нет. У нас даже есть поговорка: «Что случилось, когда Двое порознь, порознь

и остаётся».

Мэри улыбнулась.

— Тогда всё в порядке. Я в самом деле не хотела бы, чтобы об этом разговоре узнал Понтер, но… в общем, он мне нравится.

— У него прекрасный характер, — сказала Лурт.

Мэри подавила ухмылку. Понтер сам говорил, что он не считается красавцем по меркам своего народа, хотя Мэри на это было наплевать. Но слова Лурт напомнили ей о том, что обычно говорят о некрасивых людях в её мире.

— Так вот, — сказала Мэри, — он мне очень нравится. — Боже, ей будто снова четырнадцать.

— Да? — сказала Лурт.

— Но ему нравится Даклар. Они провели часть — по крайней мере, часть периода, когда в прошлый раз Двое становились Одним.

— Правда? — удивилась Лурт. — Поразительно. — Она отступила в сторону, давая пройти паре женщин, держащихся за руки. — Конечно, прошлый раз был ещё до восстановления контакта с вашим миром. У вас с Понтером был секс, когда он в первый раз к вам попал?

Мэри смешалась.

— Нет.

— А во второй? Двое не были Одним с тех пор, но, как я поняла, Понтер бóльшую часть этого времени провёл в вашем мире.

Мэри знала от Понтера, что разговоры на тему секса не являются в его мире табу. Несмотря на это, она почувствовала, что краснеет.

— Был, — сказала она.

— И как вам? — спросила Лурт.

Мэри на секунду задумалась, а потом, не уверенная, сможет ли транслятор правильно передать смысл, но не найдя другой подходящей характеристики, ответила:

— Горячо.

— Вы его любите?

— Я… я не знаю. Думаю, что люблю.

— У него нет партнёрши; уверена, что вы это знаете.

Мэри кивнула.

— Да.

— Я не знаю, как долго портал между нашими мирами останется открытым, — сказала Лурт. — Возможно, это навсегда, а возможно, он закроется завтра: хотя наши величайшие умы сейчас на той стороне, сам портал может оказаться нестабильным. Но пусть даже портал не закроется никогда: вы намерены как-то устраивать свою

жизнь с Понтером?

— Я не знаю. Я даже не знаю, возможно ли это в принципе.

— У вас есть дети?

— У меня? Нет.

— И партнёра у вас тоже нет?

Мэри сделала глубокий вдох и посмотрела на штабель из трёх поставленных друг на друга транспортных кубов, мимо которого они проходили.

— Ну-у… — сказала она, — это всё сложно. Я была замужем — состояла в союзе — с мужчиной по имени Кольм О'Кейси. Моя религия, — гудок компаньона, — моя система верований не позволяет разрывать этот союз. Мы с Кольмом не живём вместе уже много лет, но технически мы всё ещё состоим в союзе.

— «Живёте вместе»? — потрясённо повторила Лурт.

— В моём мире, — объяснила Мэри, — мужчина и женщина постоянно живут вместе.

— А как же его партнёр?

— Таких у нас нет. У нас в отношениях состоят лишь два человека.

— Невероятно, — сказала Лурт. — Я очень люблю Адекора, но определённо не хотела бы с ним

жить.

— Таковы обычаи моего народа, — сказал Мэри.

— Но не моего, — ответила Лурт. — Если вы собираетесь налаживать отношения с Понтером, то где вы планируете жить? В его мира или вашем? Вы же знаете, у него здесь дети, партнёр, любимая работа.

— Я знаю, — сказала Мэри; у неё защемило сердце. — Я знаю.

— Вы говорили обо всём этом с Понтером?

— Я собиралась, но… но потом я узнала о Даклар.

— Ситуация чрезвычайно сложная, — сказала Лурт. — Вы наверняка и сами это понимаете.

Мэри шумно выдохнула.

— Конечно. — Она помолчала. — Но Понтер не такой, как другие мужчины, которых я знаю. — Глупая аналогия всплыла в голове: Джейн Портер и Тарзан. Джейн потеряла голову из-за Тарзана, который действительно был не такой, как известные ей мужчины. Тарзан, которого младенцем подобрали и вырастили обезьяны после гибели его родителей, лорда и леди Грейсток, был уникальным, единственным в своём роде. Но по словам Понтера в этом мире живёт сто восемь-

десят пять миллионов человек, и, вероятно, все они были похожи на Понтера и так непохожи на грубых, жестоких, злых и мелочных мужчин из мира Мэри.

Однако Лурт после секундного раздумья кивнула.

— На мужчин, которых знаю я, Понтер тоже непохож. Понтер поразительно умён и по-настоящему добр. И…

— Да? — сказала Мэри.

В этот раз пауза была гораздо дольше.

— С Понтером в прошлом кое-что случилось. Он… был ранен…

Мэри легонько коснулась массивного предплечья Лурт.

— Я знаю о том, что произошло между Понтером и Адекором. Я знаю про его челюсть.

Мэри успела увидеть, как сросшаяся бровь Лурт взбегает на надбровный валик, прежде чем снова отвести взгляд.

— Понтер вам рассказал? — спросила Лурт.

— О своей травме — да; я видела рентгеновские снимки. Но не о том, кто это сделал. Об этом я узнала от Даклар.

Лурт произнесла слово, которое осталось без перевода, затем продолжила:

— Ну, тогда вы знаете, что Понтер целиком и полностью простил Адекора. Немногие люди на такое способны. — Она помолчала. — И, полагаю, исходя из его достойного восхищения поведения в прошлом, было бы неудивительно, если бы он простил и Даклар тоже.

— Так что же мне делать? — спросила Мэри.

— Я слышала, что ваш народ верит в своего рода посмертное существование, — сказала Лурт.

Мэри несколько опешила от внезапной перемены темы.

— Гмм, да.

— У нас такого нет; я уверена, Понтер вам об этом говорил. Возможно, если бы мы верили, что жизнь продолжится и после смерти, у нас была бы другая жизненная философия, так что давайте я вас познакомлю с базовыми принципами нашей жизни.

— Прошу вас, — сказала Мэри.

— Мы стремимся прожить свою жизнь так, чтобы в момент смерти испытывать как можно меньше сожалений. Вы ведь 145-я, не так ли?

— Э-э… мне тридцать пять… лет, конечно.

— Ага. Значит, вы прожили примерно половину вашей жизни. Спросите себя: через… через ещё тридцать пять лет, как вы выражаетесь, ко-

гда ваша жизнь подойдёт к концу, будете ли вы сожалеть о том, что не попытались установить с Понтером долгосрочные отношения?

— Да, полагаю, что буду.

— Выслушайте мой вопрос внимательно, подруга Мэре. Я ведь не спрашиваю, будете ли вы сожалеть об этом, если попытка будет успешна. Я спрашиваю, будете ли вы сожалеть о том, что не попытались, даже если у вас ничего не выйдет.

Мэри сощурилась, хотя её глазам было вполне комфортно за синими линзами.

— Не уверена, что понимаю, что вы имеете в виду.

— Я делаю свой вклад в области химии, — сказала Лурт. — Сейчас. Но это не было моим первым выбором. Я хотела сочинять истории, литературные произведения.

— Правда?

— Ага. Но у меня не вышло. Мои истории не читали, а прочитав — не хвалили. И мне пришлось найти другой способ делать вклад: у меня были способности к математике и науке, и я стала химиком. Но я не жалею о том, что попробовала сочинять истории и потерпела неудачу. Конечно, я предпочла бы достичь успеха, но я знаю, что перед смертью мне было бы грустнее, если бы я

вообще не попробовала, чем когда я попробовала и была вынуждена признать неудачу. Так что я пыталась — и у меня не вышло. Но я рада тому, что теперь я знаю это. — Лурт помолчала. — Так вот: понятное дело, что вы были бы счастливее всего в случае, если бы ваши отношения с Понтером сложились. Но будете ли вы счастливее, подруга Мэре, зная, что вы попытались и не смогли наладить отношения с Понтером, или зная, что вы так и не сделали такой попытки?

Мэри задумалась. Несколько минут они шли молча. Наконец, Мэри сказала:

— Я должна попробовать. Иначе я буду себя ненавидеть всю оставшуюся жизнь.

— Тогда, — сказала Лурт, — ваш путь известен.

Глава 35

До того, как Двое станут одним, всё ещё оставался целый день, однако Понтер и Мэри встретились в павильоне архива алиби. Понтер провёл её в южное крыло, и теперь они стояли перед стеной, покрытой маленьким углублениями, каждое из которых содержало куб из реструктурированного гранита размером примерно с волейбольный мяч. Мэри уже научилась различать неандертальские цифры. Куб, на который Понтер направлял свой компаньон, был отмечен номером 16321. Больше он никак не был отмечен, однако, как и у соседних кубов, в центре одной из его граней горел синий огонёк.

Мэри потрясённо покачала головой.

— Вся твоя жизнь записана здесь?

— Да, — ответил Понтер.

— Всё-всё?

— Всё, кроме моей работы в лаборатории компьютерных вычислений — сигнал компаньона не проходит через тысячу саженей скальной породы. Да, и всё моё первое путешествие в ваш мир тоже пропало.

— А второе?

— Нет, второе начало загружаться из Хака как только архив снова поймал его сигнал — когда мы поднялись на поверхность. Всё оно теперь хранится здесь.

Мэри не была уверена, какие чувства она испытывает по этому поводу. Она, безусловно, не была образцом доброй католички строгих правил, но ведь там был целый порнофильм…

— Удивительно, — сказала Мэри. Лили, Кевин и Франк из «Синерджи Груп» убили бы за то, чтобы оказаться здесь. Она осмотрела гранитный куб. — Эти записи можно редактировать?

— Зачем такое может понадобиться? — удивился Понтер. Но сразу же отвёл взгляд. — Прости. Глупый вопрос.

Мэри покачала головой. Несмотря на цель их прихода сюда Мэри подумала не об изнасиловании.

— На самом деле, — сказала она, — я подумала про свой первый брак.

И тут она ощутила, что у неё горят щёки. Никогда раньше она не говорила о нём как о своём *первом* браке.

— Ладно, — сказала она. — Давай делать то, зачем пришли.

Понтер кивнул. Они подошли к стоящему в зале столу, и Понтер заговорил с сидящей за ним пожилой женщиной:

— Я хочу получить доступ к собственному архиву алиби.

— Удостоверьте личность, — сказала женщина. Понтер провёл предплечьем над сканирующей пластиной на столе. Женщина взглянула на монитор перед собой.

— Понтер Боддет? — сказала она. — Я думала, вы умерли.

— Смешно, — сказал Понтер. — У вас такие весёлые шутки.

Женщина ухмыльнулась.

— Пройдёмте со мной, — сказала она. Втроём они вернулись к алиби-кубу Понтера. Понтер направил Хака на синий огонёк.

— Я, Понтер Боддет, желаю получить доступ к моему собственному архиву алиби по причине личного характера. Дата, время.

Огонёк стал жёлтым.

Пожилая женщина подняла свой компаньон.

— Я, Мабла Дабдалб, Хранитель Алиби, сим подтверждаю, что личность Понтера Боддета была удостоверена в моём присутствии. Дата, время. — Огонёк стал красным, и раздался гудок.

— Готово, — сказала Дабдалб. — Можете воспользоваться седьмой комнатой.

— Спасибо, — сказал Понтер. — Здравого дня.

— Вам того же, — ответила женщина, торопливо возвращаясь к своему столу.

Понтер отвёл Мэри в просмотровую комнату. Впервые она по-настоящему осознала, как Понтер, должно быть, чувствовал себя в её мире. Ей казалось, что все синие глазки в этом огромном павильоне смотрят на неё, разглядывают, наблюдают. Она старалась не суетиться под их взглядами.

Понтер вошёл в комнату, где была небольшая жёлтая панель управления, вделанная в стену, и два похожих на сёдла сиденья, которые так любили неандертальцы, вероятно, из-за ширины их бёдер. Понтер прошёл к панели управления и начал вытягивать стерженьки, управляющие устройством. Мэри заглядывала ему через плечо.

— Почему вы не пользуетесь кнопками? — спросила она.

— Кнопками? — переспросил Понтер.

— Ну, это такие механические переключатели, которые нужно нажимать.

— А-а. В некоторых устройствах они используются. Но нечасто. Кнопку можно нажать слу-

чайно, к примеру, если споткнёшься и упадёшь. Контрольный стержень нужно вытягивать — случайно его не переключишь. Мы считаем их более безопасными.

Мэри на секунду вспомнился эпизод «Звёздного пути», где не кто-нибудь, а сам Спок случайно нажал какие-то кнопки, когда опёрся на пульт, пытаясь подняться на ноги, и из-за этого «Энтерпрайз» заметили ромуланцы.

— Разумно, — согласилась она.

Понтер продолжал возиться к управлением.

— Ну вот, — сказал он. — Готово.

Мэри чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда посреди комнаты повисла большая прозрачная сфера. Она начала разделяться на меньшие сферы, каждая несколько иного цвета, снова и снова, пока Мэри не обнаружила, что смотрит на трёхмерное изображение комнаты для допросов в полицейском участке в Торонто. Там был детектив Хоббс, он стоял спиной, с кем-то разговаривая. И сама Мэри, которая здесь выглядела более полной, чем ей могло бы понравиться, и Понтер. Рука Понтера протянулась над столом, схватила оставленную Хоббсом папку и быстро пролистала её. Изображения страниц дела промелькнули слишком быстро, чтобы Мэри

могла что-нибудь разобрать, но Понтер вернулся к началу записи и проиграл её медленнее. К изумлению Мэри, изображение было совершенно чётким, движущиеся объекты не размазывались; она легко могла читать сменяющие друг друга страницы, хотя для этого пришлось наклонить голову под неудобным углом.

— Ну как? — спросил Понтер.

— Секунду… — сказала Мэри, ища что-нибудь, чего она ещё не знала. — Нет, здесь ничего. Прокрути до следующей страницы, пожалуйста. Вот! Останови! Так, посмотрим…

Внезапно у Мэри скрутило желудок.

— Боже мой, — сказала она. — Боже мой…

— Что такое? — спросил Понтер.

Мэри пошатнулась. Она отошла от изображения, наткнулась на седлокресло и опёрлась о него.

— Вторая жертва… — сказала Мэри.

— Да? Да?

— Это была Кейсер Ремтулла.

— Кто?

— Моя начальница. Моя подруга. Глава факультета генетики.

— Мне очень жаль, — сказал Понтер.

Мэри закрыла глаза.

— Мне тоже, — сказала она. — Если б я только…

— Мэре, — сказал Понтер, положив руку ей на плечо, — что было, то было. С прошлым уже ничего не поделаешь. Но наверняка что-то можно сделать с будущем.

Она посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Прочитай до конца. Там может быть полезная информация.

Мэри заставила себя успокоиться, вернулась к голограмме и стала читать дальше, несмотря на жжение в глазах, пока…

— Да! — воскликнула она. — Да, да!

— Что там?

— Полиция Торонто, — сказала Мэри. — У них есть вещественные доказательства нападения на Кейсер. Полный комплект. — Она замолчала. — Может быть, они всё же поймают этого ублюдка.

Однако Понтер нахмурился.

— Принудитель Хоббс сомневался в этом.

— Я знаю, но… — Мэри вздохнула. — Нет, пожалуй, ты прав. — Она ещё немного помолчала. — Я не знаю, как смогу смотреть Кейсер в глаза.

Мэри не хотела поднимать тему возвращения домой — совершенно не хотела. Но увидеть Кейсер она могла только вернувшись назад, и теперь

эта тема словно повисла в воздухе между ними.

— Она простит тебя, — сказал Понтер. — Прощение — это христианская добродетель.

— Кейсер — не христианка, она мусульманка. — Мэри насупилась, злясь на себя за своё невежество. Как в исламе относятся к прощению? Но нет, нет. Это не имеет значения. Если бы ситуация была обратной, смогла бы Мэри простить Кейсер?

— Что мы будем делать? — спросила Мэри.

— С насильником? Всё, что можем, и когда только сможем.

— Нет-нет, я не про насильника. Я про завтра. Двое станут Одним.

— Ах, — сказал Понтер. — Да.

— Я так понимаю, Жасмель будет с Трионом?

Понтер ухмыльнулся.

— Это уж точно.

— И ты только что виделся с Мегамег.

— Мне её всегда не хватает — но я понял твою мысль.

— И остаётся только…

Понтер вздохнул.

— Остаётся Даклар.

— Что ты собираешься делать?

Понтер задумался.

— Я уже нарушил традицию, заявившись в Центр на день раньше. Думаю, хуже уже не будет, если я сегодня повидаюсь с Даклар.

Сердце Мэри подпрыгнуло.

— Один?

— Да, — ответил Понтер. — Один.

* * *

Понтер стоял перед дверью кабинета Даклар, пытаясь собрать волю в кулак. Он чувствовал себя так, будто снова оказался в мире глексенов: каждая женщина, мимо которой он проходил, смотрела на него, как на пришельца.

Каковым он, собственно, и являлся — до завтрашнего дня. Но это дело не могло ждать. И всё же, несмотря на то, что за время пути от павильона архива алиби он много раз прокрутил в голове предстоящий разговор, он всё ещё не знал, как его начать. Может быть…

Внезапно дверь в кабинет Даклар сложилась и отъехала в сторону.

— Понтер! — воскликнула она. — Я тебя учуяла!

Она развела руки, приглашая его обняться, и он принял приглашение. Однако она, должно быть, почувствовала его скованность.

— В чём дело? — спросила она. — Что не так?

— Я могу войти? — спросил Понтер.

— Да, конечно. — Она отступила вглубь кабинета — полукруглой формы, занимающего половину выдолбленного изнутри древесного ствола. Понтер последовал за ней и закрыл за собой дверь.

— Меня не будет здесь, в этом мире, когда Двое станут Одним.

Даклар округлила глаза.

— Тебя вызывают обратно на другую Землю? Там что-то случилось?

Понтер знал, что там всегда случается очень много всего, но покачал головой.

— Нет.

— Но Понтер, ведь дочери захотят с тобой увидеться.

— Жасмель не захочет видеть никого, кроме Триона.

— А Мега?

Понтер кивнул.

— Она не обрадуется, это да.

— А… я?

Понтер на мгновение прикрыл глаза.

— Мне жаль, Даклар. Мне очень жаль.

— Это *она*, так ведь? — сказала Даклар. — Эта

глексенская женщина?

— У неё есть имя. — Как Понтер жалел, что не смог её защитить, когда было нужно, что не может даже правильно произнести её имя. — Её зовут Мэре.

Даклар заметила его слабое место.

— Ты только послушай себя! Ты же даже имя её выговорить не можешь. Понтер, у вас двоих *никогда* ничего не выйдет. Вы из разных миров — она не одна из нас.

Понтер пожал плечами.

— Я знаю, но…

Даклар шумно вздохнула.

— Но ты намерен попытаться. Хрящ, Понтер, вы, мужчины, не перестаёте меня удивлять. Вы тычете им *во всё подряд*.

И Понтер словно перенёсся на 229 месяцев в прошлое, в то время, когда они с Адекором были студентами Научной Академии, когда он затеял тот дурацкий спор, когда разозлил Адекора настолько, что тот ударил Понтера кулаком в лицо. Он давным-давно простил Адекора, но лишь сейчас понял, почувствовал, как можно разозлиться до такой степени, что насилие кажется единственной альтернативой.

Он развернулся и бросился вон из кабинета,

ища, чего бы такого сломать.

Глава 36

Мэри и Понтер вернулись в лабораторию квантовых вычислений. Там их ожидал представительный мужчина 143 поколения, которого Понтер тут же узнал.

— Гуса Каск, — сказал он с удивлением в голосе. — Для меня честь быть знакомым с вами.

— Спасибо, — ответил Гуса. — Я слышал о том отвратительном происшествии на другой Земле — в вас выстрелили из какого-то метательного оружия, не так ли?

Понтер кивнул.

— Так вот, Лонвес Троб связался со мной и предложил идею, как можно предотвращать подобные происшествия. Его предложение было интересно, но я решил пойти другим путём. — Он взял со стола длинный плоский металлический предмет. — Это генератор силового поля, — сказал он. — Он обнаруживает любой приближающийся снаряд, как только тот попадает в зону действия сенсорного поля компаньона и за несколько нанотактов выставляет на его пути электросиловой барьер. Барьер размером всего около трёх

саженей и существует в течение четверти такта — иное потребовало бы слишком мощного источника энергии. Но он абсолютно жёсткий и абсолютно непроницаемый. Если кто-то выстрелит в вас тем металлическим снарядом, барьер отклонит его. Точно также он отклонит удар копья или ножа, быстрый удар кулаком и тому подобное. То, что движется медленнее, чем предустановленное пороговое значение, не вызывает срабатывания, так что он не будет мешать вам касаться других людей, а им — касаться вас. Но следующий глексен, который захочет убить вас, должен будет воспользоваться менее прямолинейным методом.

— Вау, — сказала Мэри. — Это поразительно.

Гуса пожал плечами.

— Это наука. — Он повернулся к Понтеру. — Он пристёгивается к предплечью с противоположной стороны от компаньона, видите? — Понтер поднял левую руку, и Гуса закрепил прибор. — А этот оптоволоконный кабель подключается к внешнему интерфейсу компаньона — вот так.

Мэри была совершенно потрясена.

— Это словно персональная подушка безопасности, — сказала она. Заметив выражение лица Гусы, она добавила: — Я не хочу сказать, что

принцип действия тот же: подушка безопасности — это устройство, которое надувается почти мгновенно при столкновении автомобилей на высокой скорости. Но предназначение то же самое — моментально развёртываемая преграда. — Она покачала головой. — Вы сделали бы себе состояние, продавая такие штуки на нашей Земле.

Но Гуса тоже покачал головой.

— Для нашего народа такое устройство — лишь решение частной проблемы, состоящей в том, что ваши люди стреляют в нас из своего оружия. Для вас же это лишь паллиатив. Настоящим решением было бы не защищаться от оружия, а избавиться от него.

Мэри улыбнулась.

— Хотела бы я увидеть ваши дебаты с Чарлтоном Хестоном[62].

— Это замечательно, — сказал Понтер. — Вы уверены, что оно работает? — Он увидел выражение лица Гусы и быстро добавил: — Да, глупый вопрос. Прошу прощения.

---

[62] Примечания: 62

Чарлтон Хестон (1923–2008) — американский киноактёр и, позднее, политический деятель, на момент написания книги — председатель Национальной стрелковой ассоциации США, объединяющей сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия.

— Я уже отослал одиннадцать штук тем нашим, что сейчас на той стороне, — сказал Гуса и на секунду замолк. — Обычно желают безопасного путешествия. Этот прибор сделает его безопасным. Так что от себя я пожелаю просто приятной поездки.

* * *

Мэри и Понтер прошли по туннелю, пересекающему границу между мирами. На другой стороне лейтенант Дональдсон, тот самый офицер канадской армии, которого Понтер уже видел ранее, приветствовал их.

— С возвращением, посланник Боддет. С возвращением, профессор Воган.

— Спасибо, — ответил Понтер.

— Мы не знали точно, когда вы вернётесь и вернётесь ли вообще, — сказал Дональдсон. — Дайте нам, пожалуйста, немного времени, чтобы организовать охрану. Куда вы направитесь? Торонто? Рочестер? ООН?

Понтер взглянул на Мэри.

— Мы ещё не решили, — сказал он.

— Нам придётся разработать маршрут, чтобы вы всюду находились под защитой. В штаб-квартире полиции Садбери сейчас работает офицер

связи из службы безопасности…

— Нет, — сказал Понтер.

— Э-э… простите? — не понял Дональдсон.

Понтер потянулся к одному из карманов своего медицинского пояса и достал оттуда свой канадский паспорт.

— Разве это не даёт мне права на въезд в страну? — спросил он.

— Даёт, конечно, но…

— Разве я не гражданин Канады?

— Гражданин, сэр. Я сам смотрел церемонию по телевизору.

— А разве граждане не имеют права ходить и ездить, куда захочется, без вооружённого сопровождения?

— Обычно да, сэр, но сейчас…

— Так вот, это теперь обычно, — сказал Понтер, — что люди из нашего мира путешествуют в ваш, и наоборот.

— Но ведь это для вашей защиты, посланник Боддет.

— Я это понимаю. Но мне не требуется защита. У меня есть защитное устройство, которое впредь защитит меня от ранений. Поэтому: мне не угрожает опасность, и я не преступник. Я — свободный гражданин и хочу передвигаться

свободно и без сопровождения.

— Я… гмм, мне нужно связаться с моим начальством, — сказал Дональдсон.

— Давайте не будем тратить время на промежуточные звенья, — сказал Понтер. — Я недавно ужинал с вашим премьер-министром, и он сказал, чтобы я звонил, если мне что-нибудь понадобится. Давайте-ка ему позвоним.

* * *

Мэри и Понтер поднялись на поверхность на шахтном подъёмнике и нашли машину Мэри, которая с тех пор, как они перешли на ту сторону, дожидалась их на парковке. Было довольно рано, так что они сразу поехали в Торонто, и, хотя Мэри опасалась поначалу, что их всё равно будут негласно сопровождать, скоро их машина осталась на шоссе в одиночестве.

— Удивительно, — сказала Мэри. — Я и подумать не могла, что они всё-таки оставят тебя в покое.

Понтер улыбнулся.

— Ну что бы это было за романтическое путешествие, если бы за нами всюду таскалась охрана?

* * *

Остаток пути до Торонто прошёл без происшествий. Они подъехали к дому Мэри в Обсерваторном переулке на Ричмонд-Хилл, вместе приняли душ, переоделись — Понтер взял с собой свой трапециевидный чемодан, набитый одеждой — и поехали в 31-й полицейский участок. Мэри хотела разобраться с этой частью незаконченного дела как можно быстрее, сказав, всё равно не найдёт себе места, пока этого не сделает. Она взяла с собой свой альбом газетных вырезок.

По пути до полицейского участка они фактически проехали университетский кампус насквозь, а потом углубились в район, который даже Понтеру показался неблагополучным.

— Я это заметил ещё в первый раз, — сказал он Мэри. — Какое-то здесь всё обшарпанное.

— Дрифтвуд, — сказала Мэри таким тоном, будто это всё объясняло. — Это очень бедная часть города.

Они проехали мимо множества облезлых многоквартирных домов и небольших стрип-

моллов[63] с решётками на всех окнах и, наконец, остановились на крошечной парковке перед полицейским участком.

— Здравствуйте, профессор Воган, — сказал Детектив Хоббс после того, как его вызвали. — Здравствуйте, посланник Боддет. Не ожидал увидеть вас снова.

— Мы можем поговорить наедине? — спросила Мэри.

Хоббс кивнул и отвёл их в ту же самую комнату для допросов, в которой они разговаривали в прошлый раз.

— Вы знаете, кто я? — спросила Мэри. — Не к контексте этого дела?

Хоббс кивнул.

— Вы Мэри Воган. Про вас много писали в газетах.

— Вы знаете, почему?

Хоббс указал на Понтера.

— Потому что вы были с ним?

Мэри махнула рукой.

— Да, да, да. Но вы знаете, почему именно меня вызвали к Понтеру, когда он впервые у нас

---

[63] Примечания: 63

Длинный одноэтажный торговый центр с парковкой, разделённый на секции, в которых размещаются магазины; обычно расположены вдоль автотрасс.

появился?

Хоббс покачал головой.

Мэри подняла свой альбом и положила его перед Хоббсом.

— Взгляните на это.

Хоббс открыл картонную обложку. На первой странице красовалась вырезка из «Торонто Стар» с заголовком «Канадский учёный получает японскую награду». Он перевернул страницу. Там была вырезка из «Маклинз»[64]: «Лёд тронулся: древняя ДНК извлечена на Юконе». А рядом — статья из «Нью-Йорк Таймс»: «Учёные получили ДНК ископаемого неандертальца».

Он снова перевернул страницу. Пресс-релиз Йоркского университета: «Наш профессор творит предысторию: Воган извлекла ДНК древнего человека». Рядом страница, вырванная из журнала «Discover»: «Деградированная ДНК раскрывает секреты».

Хоббс поднял голову.

— И что? — озадаченно спросил он.

— Я… в общем, некоторые считают меня…

— Профессор Воган, — вмешался Понтер, — генетик и всемирно известный эксперт по

---

[64] Примечания: 64

Канадский еженедельный журнал, издающийся в Торонто.

извлечению деградированной ДНК.

— И?

— И, — сказала Мэри, которая теперь, когда речь пошла не о ней, почувствовала себя гораздо увереннее, — мы знаем, что у вас есть полный комплект улик с изнасилования Кейсер Ремтуллы.

Взгляд Хоббса затвердел.

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это.

— Но это правда, — сказала Мэри и сразу почувствовала себя виноватой за то, что собиралась сказать. — Как я могла об этом узнать, если не от неё самой? Она моя подруга и коллега, в конце-то концов.

— Ну, допустим, — сказал Хоббс.

— Я хочу исследовать улики, — сказала Мэри.

Хоббса такое предположение повергло в шок.

— У нас есть штатные эксперты, — сказал он.

— Да-да, однако, видите ли…

— Никто из них не обладает квалификацией уровня профессора Воган, — сказал Понтер.

— Возможно, но…

— Вы уже проводили исследования этих улик? — спросила Мэри.

Хоббс сделал глубокий вдох, собираясь с мысля-

ми. Наконец, он сказал:

— Если эти улики и существуют, с ними не будут проводить никаких действий, пока не появится образец ДНК для сравнения.

— ДНК быстро деградирует со временем, — сказала Мэри, — в особенности если хранится в неидеальных условиях. Если вы будете выжидать, то можете упустить возможность получить ДНК-профиль.

— Мы знаем, как хранить замороженные образцы, — ответил Хоббс подчёркнуто ровным тоном, — и успешно делаем это уже долгое время.

— Мне это известно, но…

— Мэм, — мягко прервал её Хоббс, — я понимаю, как этот случай для вас важен. Каждое дело, которое мы расследуем, очень важно для потерпевшего.

Мэри изо всех сил пыталась не злиться.

— Но если бы позволили взять комплект улик к себе в Йоркский, я бы наверняка смогла выделить из него больше ДНК, чем ваши специалисты.

— Я не могу этого сделать, мэм. Мне очень жаль.

— Почему?

— Ну, во-первых, Йоркский не сертифицирован

для производства судмедэкспертизы, и…

— Лаврентийский, — прервала его Мэри. — Пошлите комплект в Лаврентийский университет, я поработаю с ним там. — Лаборатория Лаврентийского университета, где она впервые анализировала ДНК Понтера, работала по контракту с RCMP и полицией Онтарио.

Хоббс вскинул брови.

— Ну, в принципе, — сказала он, — Лаврентийский — это другое дело, однако…

— Я подпишу любые бумаги, — сказала Мэри.

— Может быть, — сказал Хоббс, но его голос звучал неуверенно. — Хотя это совершенно не в наших правилах…

— Прошу вас, — сказала Мэри. Ей не хотелось даже думать о том, что с единственным оставшимся образцом что-то случится. — Пожалуйста.

Хоббс развёл руками.

— Я посмотрю, что можно сделать, но я бы на вашем месте не слишком надеялся. У нас очень строгие правила относительно цепи хранения улик.

— Но вы попытаетесь?

— Да, конечно, попытаюсь.

— Спасибо, — сказала Мэри. — Спасибо.

Неожиданно для Мэри Понтер спросил:

— Мы не могли бы хотя бы увидеть собранные улики?

Хоббс выглядел не менее озадаченным, чем Мэри.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы профессор Воган могла на глаз оценить адекватность условий их хранения. — Он посмотрел на Мэри. — Не правда ли, Мэре?

Мэри не знала, что Понтер затевает, но полностью ему доверяла.

— Э-э… да. Да, конечно. — Она повернулась к детективу и улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. — Это займёт несколько секунд. Мы бы сразу поняли, стоит ли игра свеч. Ни к чему заставлять вас проходить через всю бумажную волокиту, если образцы уже непригодны для анализа.

Хоббс нахмурился и на некоторое время задумался, уставившись в пространство.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Сейчас принесу.

Он вышел из комнаты и через несколько минут вернулся с картонным контейнером размером с коробку из-под обуви. Он снял крышку и показал Мэри его содержимое. Понтер встал и заглянул ей через плечо. Внутри были несколько предметных

стёкол с образцами и три зиплоковских[65] пакета с наклеенными на них ярлыками. В одном из них оказалась пара женских трусиков, во втором — маленькая гребёнка с несколькими лобковыми волосами на ней, в третьем — несколько пузырьков, содержащих, по всей видимости, вагинальные соскобы.

— Всё это с самого начало хранится в холодильнике, — сказал Хоббс, будто оправдываясь. — Мы знаем, что мы…

Внезапно правая рука Понтера метнулась вперёд. Он схватил пакет с трусиками, разорвал его и поднёс их к своему носу, делая глубокий вдох.

Мэри остолбенела.

— Понтер, что ты…?

— Отдайте! — взорвался Хоббс. — Он попытался вырвать пакет у Понтера из рук, но Понтер легко уклонился и снова глубоко вдохнул.

— Господи Иисусе, да вы что? — заорал Хоббс. — Извращенец какой-то!

Понтер вынул нос из пакета и, не говоря ни слова, протянул его Хоббсу, который рассерженно выхватил его у него из рук.

— Убирайтесь отсюда к такой-то матери, —

---

[65] Примечания: 65
Разновидность герметично застёгивающихся пластиковых пакетов.

рявкнул он. Ещё двое полицейских появились в дверях комнаты для допросов, по-видимому, привлечённые криками.

— Прошу прощения, — сказал Понтер.

— Просто убирайтесь, — сказал Хоббс, и добавил для Мэри: — Мы сами позаботимся о наших уликах, дамочка. А теперь сгиньте!

Глава 37

Мэри вышла из полицейского участка, кипя от ярости. Но она не сказала ни слова до тех пор, как они с Понтером сели в стоящую на парковке машину.

И только после этого она потребовала объяснений.

— Что это такое было?

— Прости, — сказал Понтер.

— Теперь меня никогда не подпустят к этим образцам, — сказала Мэри. — Господи, думаю, что он нас не арестовал только потому, что иначе ему пришлось бы расписаться в собственной тупости и признаться, что он сам дал нам улики.

— Я снова прошу прощения, — сказал Понтер.

— О чём ты чёрт возьми думал?

Понтер молчал.

— Ну? Не молчи!

— Я знаю, кто изнасиловал Кейсер Ремтуллу и, предположительно, тебя тоже.

Мэри в полнейшем изумлении осела в водительском кресле.

— Кто?

— Твой коллега — я не могу правильно произнести его имя. Что-то вроде «Корнелеус».

— Корнелиус? Корнелиус Раскин? Да нет, это бред.

— Почему? Что-то в его внешности противоречит тому, что ты заметила в тот вечер?

После вспышки ярости Мэри всё ещё не могла отдышаться. Но гнев полностью исчез из её голоса, сменившись потрясением.

— Ну… нет. Ну, то есть, да, у Корнелиуса голубые глаза — но у многих людей такие же. И Корнелиус не курит.

— Курит, — возразил Понтер.

— Я никогда не видела, чтобы он курил.

— Я почуял запах при встрече.

— Он мог быть в баре и пропитаться дымом.

— Нет. Запах был в его дыхании, хотя он, по-видимому, пытался замаскировать его каким-то веществом.

Мэри нахмурилась. Она знала нескольких тайных курильщиков.

— Я никогда не чувствовала от него запаха.

Понтер промолчал.

— Кроме того, — сказала Мэри, — Корнелиус не стал бы нападать на меня или Кейсер. В смысле, мы же коллеги и…

Мэри замолчала, и Понтер, наконец, не выдержал:

— И что?

— Ну, я-то считала нас коллегами. Но он… он просто сезонный преподаватель. У него Ph.D. — из Оксфорда, не кот начхал. Но всё, чего он смог добиться — это позиция сезонного преподавателя: не постоянная должность и уж точно не бессрочный контракт. А Кейсер и я…

— Да? — снова сказал Понтер.

— Ну, я тоже женщина, однако Кейсер вообще вытянула счастливый билет в том, что касается шансов на бессрочный контракт в научной сфере. Она одновременно и женщина, и визуальное меньшинство[66]. Говорят, что на изнасилование толкает вовсе не сексуальное влечение, а жажда силы и власти. А Корнелиус наверняка чувствовал, что не имеет ни того, ни другого.

— Он также имел доступ к холодильнику для хранения образцов, — заметил Понтер, — и, сам будучи генетиком, разумеется, понимал, что жен-

---

[66] Примечания: 66

Официальное обозначение, используемое преимущественно в Канаде: люди с внешностью, резко отличающейся от наиболее распространённого расового типа населения в данной местности. Противопоставляется более традиционному для этой страны разделению по «невизуальным» характеристикам: религиозным (католики — протестанты) и языковым (англофоны — франкофоны)

щина-генетик сделает первым делом в подобных обстоятельствах. Он знал, что должен отыскать и уничтожить любые свидетельства.

— Мой Бог, — сказала Мэри. — Но… нет. Это всё косвенные улики.

— Они *были* косвенными, — сказал Понтер, — пока я не исследовал вещественные доказательства изнасилования Кейсер, хранящиеся в полицейском участке, где Раскин не мог до них дотянуться. Я запомнил его запах, когда мы встретили его в коридоре возле твоей лаборатории, и этот запах был на вещах Кейсер.

— Ты уверен? — спросила Мэри. — Ты абсолютно уверен?

— Я никогда не забываю запахи, — сказал Понтер.

— Боже мой, — сказала Мэри. — Что нам теперь делать?

— Мы можем сказать принудителю Хоббсу.

— Да, но…

— Что?

— Ну, мы не в твоём мире, — сказала Мэри. — Здесь нельзя потребовать от кого-то предоставить алиби. В том, что ты сказал, нет ничего такого, что позволило бы полиции потребовать от Раскина образец его ДНК. — Он больше был не

«Конелиус».

— Но я могу засвидетельствовать, что его запах…

Мэри покачала головой.

— Не существует прецедента принятия подобных показаний судом, даже в качестве версии. Даже если Хоббс тебе поверит, он не сможет на этом основании даже вызвать Раскина на допрос.

— Этот мир… — с отвращением сказал Понтер.

— Ты абсолютно уверен? — спросила Мэри. — У тебя нет ни тени сомнения?

— Тени сомне…? А, понял. Да, я абсолютно уверен.

— То есть у тебя не просто нет обоснованных сомнений, — не отставала Мэри. — У тебя вообще нет в этом сомнений?

— У меня вообще нет сомнений.

— Никаких?

— Я знаю, что у вас маленькие носы, но мои способности совершенно заурядны. Любой представитель моего вида, и многих других видов, способен на такое.

Мэри задумалась. Собаки определённо умеют различать людей по запаху. Так что у неё нет серьёзных причин считать, что Понтер ошибся.

— Что мы можем сделать? — спросила она.

Понтер молчал довольно долго. Наконец он сказал очень тихим голосом:

— Ты говорила, что не сообщила о преступлении, потому что боялась того, как с тобой будет обращаться ваша судебная система.

— И что с того? — резко спросила Мэри.

— Я не хотел тебя злить, — сказал Понтер, — я просто хочу убедиться, что правильно тебя понял. Что бы было с тобой и твоей подругой Кейсер, если бы началось расследование?

— Ну, даже при совпадении образцов ДНК адвокат Раскина мог бы попытаться доказать, что Кейсер и я согласились на секс.

— Ты не должна была через это проходить, — сказал Понтер. — Никто не должен.

— Но если мы ничего не сделаем, Раскин нападёт снова.

— Нет, — сказал Понтер. — Не нападёт.

— Понтер, ты ничего не можешь сделать.

— Отвези меня в университет.

— Понтер, нет. Нет! Я не повезу.

— Ели ты не отвезёшь меня, я пойду пешком.

— Ты даже не знаешь, куда идти.

— Хак знает.

— Понтер, это безумие. Ты не можешь просто

так убить его!

Понтер тронул себя за плечо там, куда попала пуля.

— Люди этого мира убивают друг друга всё время.

— Нет, Понтер, я тебе этого не позволю.

— Я должен не дать ему совершить насилие снова, — сказал Понтер.

— Но…

— И даже если тебе удастся остановить меня сегодня, или завтра, это не может продолжаться вечно. В какой-то момент я ускользну из-под твоего контроля, вернусь в кампус и устраню проблему. — Взгляд его золотистых глаз упёрся в Мэри. — Единственный вопрос — случится это до или после того, как он нападёт снова. Ты правда хочешь задержать меня?

Мэри на мгновение прикрыла глаза и сильнее, чем когда-либо в жизни прислушалась к голосу Господа, пытаясь узнать, собирается ли Он вмешаться. Но Господь молчал.

— Понтер, я не могу тебе этого позволить. Я не могу позволить тебе хладнокровно убить. Даже его.

— Его нужно остановить.

— Пообещай мне, — сказала Мэри. — Пообещай

мне, что ты не станешь этого делать.

— Почему ты так о нём беспокоишься? Он не заслуживает жизни.

Мэри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Понтер, я знаю, что ты считаешь меня дурочкой, когда я говорю о загробной жизни. Но если ты его убьёшь, твоя душа понесёт наказание. И если я позволю тебе его убить, моя душа будет наказана тоже. Раскин уже дал мне почувствовать, что такое ад. Я не хочу провести в нём вечность.

Понтер насупился.

— Я хочу сделать это для тебя.

— Только не это. Не убийство.

— Ладно, — сказал Понтер. — Хорошо. Я его не убью.

— Ты обещаешь? Клянёшься?

— Я обещаю, — сказал Понтер. И потом, через секунду: — Хрящ!

Мэри кивнула: это было единственное ругательство, которое она слышала от Понтера. Но потом покачала головой.

— Есть возможность, о которой ты не подумал, — сказала она, наконец.

— И какая же? — спросил Понтер.

— Что между Кейсер и Раскиным был секс по

согласию, прежде чем её изнасиловал кто-то другой. Это был бы далеко не первый случай, когда мужчина и женщина, будучи коллегами, затевают роман на рабочем месте.

— Я не знал, — сказал Понтер.

— Верь мне. Такое происходит сплошь и рядом. И разве после этого его запах не остался бы на его… трусиках и прочем?

Би-ип.

— Трусики, — повторила Мэри. — Ну, э-э… внутренняя деталь одежды. Которая была в полиции в пакете для улик.

— Да. То, что ты говоришь, возможно.

— Мы должны быть уверены, — сказала Мэри. — Мы должны быть абсолютно уверены.

— Ты можешь спросить Кейсер, — сказал Понтер.

— Она мне не скажет.

— Почему? Ведь вы подруги.

— Да. Но Кейсер замужем — состоит в союзе — с другим мужчиной. И поверь мне: *такое* тоже бывает сплошь и рядом.

— Ах, — сказал Понтер. — Ну, тогда…

— Я вообще не уверена, что мы можем хоть что-нибудь сделать, — сказала Мэри.

— Мы можем сделать многое, но ты заставила

меня пообещать этого не делать.

— Да. Однако…

— Мы должны дать ему понять, что он раскрыт, — сказал Понтер. — Что за ним наблюдают.

— Я не смогу разговаривать с ним.

— Нет, разумеется, нет. Но мы можем оставить для него записку.

— Не уверена, что это что-либо изменит, — сказала Мэри.

Понтер поднял левую руку.

— В этом состоит вся идея компаньонов. Если ты знаешь, что за тобой следят, или что все твои действия записываются, то ты меняешь своё поведение. В моём мире это отлично работает.

Мэри снова сделала глубокий вдох и медленно выпустила воздух.

— Полагаю… Полагаю, что хуже от этого не будет. Что у тебя на уме? Просто анонимная записка?

— Да, — ответил Понтер.

— То есть, сказать ему, что с сего момента за ним ведётся постоянное наблюдение? Что в следующий раз ему никак не отвертеться? — Мэри задумалась. — Я думаю, надо быть идиотом, чтобы снова совершить изнасилование, зная, что

тебя раскусили.

— Точно, — сказал Понтер.

— Думаю, послание можно просто бросить в его ящик в университете.

— Нет, — сказал Понтер. — Не в университете. Он уже предпринял шаги, чтобы уничтожить улики. Полагаю, он считал, что ты вернёшься не раньше, чем через год, так что он может избавиться от улик, которые ты сохранила, и потом никто и не вспомнит, когда именно они пропали. Нет, эту записку надо доставить в его жилище.

— Жилище? В смысле, ему домой?

— Да, — сказал Понтер.

— Поняла, — сказала Мэри. — Это очень угрожающе — показать, что ты знаешь, где он живёт.

Понтер сделал озадаченное лицо, но спросил:

— А ты знаешь, где он живёт?

— Недалеко отсюда, — ответила Мэри. — У него нет машины — он живёт один, и не может себе её позволить. Я подвозила его домой пару раз во время пурги. Он живёт почти на самой Джейн-стрит… хотя погоди. Я знаю, в каком здании он живёт, но понятия не имею, в какой квартире.

— Это дом на несколько семей, такой же, как твой?

— Да. Но далеко не такой респектабельный,

как мой.

— Разве у входа не должно быть списка, показывающего, в какой квартире кто живёт?

— Так уже давно не делают. Теперь там только номера квартир и кнопки звонков — вся идея как раз в том, чтобы предотвратить то, о чём ты говоришь — не дать никому точно узнать, кто где живёт.

Понтер удивлённо покачал головой.

— На что только глексены не пойдут, только чтобы не иметь ничего подобного компаньонам.

— Да ладно, — сказала Мэри. — Давай на обратном пути подъедем к его дому. Я его узнаю, когда увижу, и тогда мы будем знать хотя бы адрес.

— Давай, — согласился Понтер.

Мэри чувствовала себя не в своей тарелке, ведя машину по Финч-авеню и сворачивая на улицу, где стоял дом Раскина. Она осознала, что это не из-за страха случайно встретиться с ним — хотя это тоже её нервировало. Это было из-за мысли о возможном судебном разбирательстве. *Вы знаете, где живёт человек, которого вы обвиняете, мисс Воган? Вы когда-нибудь были у него дома? Правда? И тем не менее вы утверждаете, что секс был не по согласию?*

Дрифтвуд, район вокруг Джейн-стрит и За-

падного Финч-авеню, был местом, где никто в здравом уме не захочет задерживаться надолго. Это был один из самых криминальных районов Торонто — да и, если на то пошло, всей Северной Америки. Его близость к кампусу Йоркского университета была постоянной головной болью его руководства и, вероятно, основной причиной того, что, несмотря на годы лоббирования, Спадинская линия подземки так и не дотянулась до кампуса[67].

Но у Дрифтвуда было одно преимущество — низкая стоимость аренды. И для того, кто пытается свести концы с концами на заработки сезонного преподавателя, для того, кто не может позволить себе машину, это был единственный район в радиусе пешей доступности, где он мог поселиться.

Дом Раскина был башней из белого кирпича с ржавеющими балконами, забитыми всяким хламом, примерно треть окон которого была заклеена старыми газетами или алюминиевой фольгой. На глазок в башне было этажей пятна-

[67] Примечания: 67

Работы по продлению этой линии до кампуса Йоркского университета и дальше до соседнего городка Воган начались в 2008 году (через пять лет после выхода книги); ввод новой линии в эксплуатацию планируется в 2016.

дцать-шестнадцать, и…

— Стой! — сказала Мэри.

— Что?

— Он живёт на последнем этаже! Я вспомнила: он называл свою квартиру «пентхаузом в трущобах». — Она помолчала. — Конечно, я всё ещё не знаю номера квартиры, но он здесь живёт больше двух лет. Я уверена, что почтальон его знает — преподаватели обычно получают кучу журналов и тому подобного.

— И что? — спросил Понтер, явно не понимая.

— Ну, мы просто отправим письмо «Корнелиусу Раскину, Ph.D.» на этот адрес, и просто укажем «верхний этаж» как часть адреса, и, я уверена, письмо дойдёт.

— Ага, — сказал Понтер. — Хорошо. Тогда наши дела здесь закончены.

Глава 39

Скульптор личности некоторое время молча рассматривал Понтера.

— Я вижу, вам не чужда ирония.

— В каком смысле?

— «Наши дела здесь закончены». Вы мне сказали, что совершили преступление в мире глексенов — легко догадаться, какое именно.

— Правда? Я сомневаюсь, что ваша догадка верна.

Селган слегка пожал плечами.

— Возможно. Однако я догадался об одной вещи, которая, вероятно, ускользнула от вашего внимания.

Понтер недовольно двинул плечом.

— И что же это такое?

— Мэре подозревала, что вы собираетесь что-то сделать с Раскиным.

— Нет-нет, она абсолютно невиновна.

— Правда? Женщина её ума — и повелась на вашу неуклюжую попытку заставить её показать вам, где живёт Раскин?

— Мы правда собирались послать ему письмо!

Всё было так, как я рассказал. Мэри чиста, на ней нет греха — кстати, её имя означает именно это. Она названа в честь матери их воплощённого Бога, женщины, которая зачала непорочно, свободная от первородного греха. Я узнал об этом ещё во время моего первого визита в их мир. Она бы никогда…

Селган поднял руку.

— Успокойтесь, Понтер. Я не хотел вас задеть. Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

* * *

— Понтер? — позвал Хак через кохлеарные импланты.

Понтер подтвердил, что слышит, крошечным кивком.

— Судя по ритму дыхания Мэре крепко заснула. Ты не потревожишь её, если уйдёшь сейчас.

Понтер осторожно выбрался из Мэриной постели. Светящиеся цифры на стоящих на ночном столике часах показывали 1:14. Он вышел из спальни и по короткому коридору прошёл в гостиную. Как всегда, он надел свой медицинский пояс и сразу проверил одно из его отделений, убедившись, что запасная карта-ключ, которую дала ему Мэри, по-прежнему находится там; он

знал, что она ему понадобится для того, чтобы вернуться в здание.

Понтер открыл входную дверь, вышел в коридор, дошёл до лифта и спустился на нём на первый этаж. Он знал, что иногда первый этаж обозначают «1», а иногда — «L», как это было и в лифте дома Мэри.

Понтер пересёк обширный холл и через двойные двери вышел в ночь.

Но как же непохожа была эта ночь на ночи его родного мира! Свет лился отовсюду: из окон, из электрических фонарей, установленных на высоких вертикальных столбах, от едущих по дороге машин. Наверное, ему было бы проще, будь вокруг по-настоящему темно. Хотя издалека он не слишком отличался от глексена — по крайней мере, от глексена-культуриста — эту свою прогулку он предпочёл бы совершать в полной темноте.

— Ладно, Хак, — тихо сказал Понтер. — Куда теперь?

— Повернись налево, — ответил Хак, снова через кохлеарные импланты. — Мэре обычно пользуется дорогой, предназначенной исключительно для автомобилей, когда возвращается домой из университета.

— Четыреста седьмое, — сказал Понтер. — Она так её называет.

— В любом случае, нам нужно найти другой, безопасный путь, идущий параллельно этой дороге.

Понтер побежал. Отсюда до пункта назначения было около пяти тысяч саженей — если держать хорошую скорость, можно обернуться за дециден.

Ночь была прохладной, чему Понтер был очень рад. Хотя в его мире большая часть листвы на деревьях уже пожелтела, здесь листья большей частью оставались зелёными — да, зелёными, уличное освещение было достаточно ярким, чтобы легко различать цвета.

Понтер никогда в жизни не задумывался над тем, чтобы кого-либо убить, однако…

Однако никогда в жизни никто не причинял такого вреда тому, кого он любит.

И, если бы такое даже произошло, в *цивилизованном* мире виновник был бы легко пойман и понёс бы наказание.

Но здесь! На этой безумной зазеркальной Земле…

Он должен сделать что-то большее, чем отсылка анонимного бумажного письма. Он должен

сделать так, чтобы Раскин узнал не просто, что раскрыт, но и *кто* его раскрыл. Он должен ясно понять, что нет ни одного, даже малейшего шанса, что ещё одно такое преступление сойдёт ему с рук. Только тогда, чувствовал Понтер, Мэре снова обретёт отобранный у неё покой. И только тогда он узнает, есть ли правда в предположении Хака о том, что её поведение по отношению к нему нетипично для женщин её вида.

Понтер бежал вдоль улицы между двумя рядами двухэтажных строений, перед каждым — травянистый газон и иногда несколько деревьев. На бегу он заметил идущую его направлении фигуру — мужчина-глексен, с белой кожей и практически без волос на голове. Понтер перебежал на другую сторону улицы, так, чтобы не приближаться к человеку близко, и продолжил путь.

— Здесь поверни направо, — сказал Хак. — Из этого скопления жилищ впереди, похоже, нет другого выхода.

Понтер сделал, как Хак сказал, и побежал по перпендикулярной улице. Он миновал лишь один квартал, и Хак сказал ему снова повернуть направо, в западном направлении, ведущем к кампусу.

Дорогу перед Понтером перебежал кот с поднятым вверх хвостом. Понтер был поражён, когда узнал, что люди одомашнили кошек, которые бесполезны на охоте и даже палку неспособны принести. *Однако,* подумал он, *каждому своё…* Он продолжил бег, плоские ступни звонко шлёпали по твёрдой поверхности дороги.

Вскоре Понтер увидел бегущую к нему большую чёрную собаку. Вот приручение собак он мог понять. Он уже заметил, что у глексенов имеется множество разных пород собак, выведенных, по всей видимости, путём селекции. Многие казались неподходящими для охоты, но, как он полагал, их внешность, наверное, просто нравится хозяевам.

Опять же, Понтер слышал, как палеоантропологии в Вашингтоне обсуждали его собственную внешность. По-видимому, его черты лица соответствовали тому, что они называли «классический неандерталоид» — причём в его экстремальной форме. Эти учёные были удивлены отсутствием у народа Понтера редукции надбровного валика и размеров носа и отсутствием даже намёка на этот смехотворный нарост на самом кончике нижней челюсти.

Однако с того момента, когда истинное созна-

ние расцвело в его народе и вследствие этого вселенная расщепилась надвое где-то полмиллиона месяцев назад, происходил осознанный отбор половых партнёров, который привёл к сохранению, а фактически — к закреплению особенностей, которые так много людей считали красивыми.

— Не устал? — спросил Хак.

— Нет.

— Хорошо. Осталось ещё столько же.

Внезапно раздался громкий лай, и Понтер вздрогнул от неожиданности. Ещё одна собака — здоровая и коричневая — направлялась к нему, и вид у неё был далеко не радостный. Понтер знал, что не сможет обогнать четвероногого, поэтому остановился и повернулся к собаке.

— Тихо, тихо, — произнёс он на своём языке, надеясь, что пёс распознает успокаивающие интонации, если не слова. — Хорошая собачка.

Коричневое чудовище продолжало бежать к Понтеру, не переставая лаять. На втором этаже ближайшего жилища зажглось окно.

— Красивая собачка, — сказал Понтер, чувствуя, как всё его тело напрягается, хотя и понимал, что это глупо. Как и бараст, пёс мог учуять чужой страх и…

Почему пёс бросился на него, Понтер не мог сказать. Очевидно, он не нападал на каждого, кто проходит по этой улице, но пёс, так же, как и он сам, мог отличить глексена от бараста по запаху, и, хотя наверняка не встречал до сих пор представителей народа Понтера, понял, что на его территорию заявилось что-то чужое.

Когда зверь присел на задние лапы и прыгнул, Понтер приготовился схватить его за горло, и…

Вспышка света в полутьме…

Звук, как будто мокрая кожа бьётся об лёд…

И собака заскулила от боли.

Она прыгнула на Понтера с достаточной скоростью, чтобы привести в действие щит, который дал ему Гуса Каск. Пёс, перепуганный и оглушённый и — Понтер это учуял — с разбитой в кровь мордой, развернулся и кинулся прочь так же быстро, как и появился. Понтер сделал глубокий вдох, выровнял дыхание и снова побежал.

— Хорошо, — сказал Хак через некоторое время. — Здесь мы должны пересечь эту дорогу, «четыреста седьмое». Поверни налево и перебегай вон тот мост. Будь осторожен, не попади под машину.

Понтер сделал всё, как Хак сказал, и скоро оказался на другой стороне дороги и потрусил на юг.

Далеко-далеко на горизонте он мог различить мигающие огни на вершине башни Си-Эн Тауэр в центре Торонто на самом берегу озера. Мэре рассказывала ему, какой великолепный с неё открывается вид, но пока ему приходилось видеть это сооружение только с большого расстояния.

Понтер пересёк ещё одну дорогу, по которой даже так поздно ночью машины проносились каждые несколько тактов. Через короткое время он обнаружил, что входит на территорию кампуса Йоркского университета, и Хак провёл его насквозь, мимо зданий, парковок и парковых зон на другой его край.

Пробежав ещё несколько сотен саженей, Понтер оказался на узкой грязной улочке возле дома, где жил Раскин. Понтер согнулся и упёрся руками в колени, пытаясь отдышаться и выровнять дыхание. *Похоже, я и правда начинаю стареть*, подумал он. Приятный ветерок дул прямо ему в лицо, остужая его.

Мэре к этому времени могла уже проснуться и обнаружить его отсутствие, но, исходя из его краткого опыта ночёвок с ней в одной постели, она спала очень крепко, а до восхода солнца ещё оставалось почти две деци. К тому времени он уже будет дома, хотя и не *задолго* до этого вре-

мени…

— Доставай, — прошипел голос у него за спиной, и он почувствовал, как что-то твёрдое упёрлось ему в поясницу. Внезапно Понтер осознал один из недостатков устройства Гусы Каска. О да, оно могло отклонить пулю, выпущенную с некоторого расстояния, но ничего не могло поделать с выстрелом из оружия, прижатого к телу.

Однако это Канада, и огнестрельное оружие, по словам Мэре, здесь было редкостью. Но мысль о том, что ему в спину упирается нож, а не пистолет, почему-то Понтера совсем не успокаивала.

Понтер не знал, что делать. В неярком освещении и со спины нападающий, по-видимому, не признал в нём неандертальца. Но если он заговорит, даже очень тихо, на своём языке так, чтобы Хак мог переводить, этот факт немедленно выйдет наружу, и…

— Чего ты хочешь? — спросил Хак по-английски по собственному почину.

— Твой кошелёк, — сказал голос — мужской и, к разочарованию Понтера, совершенно спокойный.

— У меня нет кошелька, — ответил Хак.

— Тем хуже для тебя, — сказал глексен. — Гони деньги — или пущу кровь.

Понтер не сомневался, что справится практически с любым безоружным глексеном в рукопашном бою, но этот явно был вооружён. В этот момент Хак сообразил, что Понтер не видит, чем именно вооружён нападавший.

— Он держит стальной нож, — сказал он Понтеру через кохлеарный имплант, — с зазубренным лезвием примерно 1,2 ладони длиной и рукояткой, судя по тепловому рисунку, из полированного дерева.

Понтер подумал о том, чтобы быстро повернуться в надежде на то, что от одного вида неандертальского лица глексен растеряется, но последнее, чего бы ему хотелось, это чтобы кто-то видел его возле дома Раскина.

— Он переминается с левой ноги на правую, — сказал Хак через импланты. — Слышишь?

Понтер едва заметно кивнул.

— Он отклоняется влево… теперь вправо… влево. Улавливаешь ритм?

Ещё один крошечный кивок.

— Ну так что? — прошипел глексен.

— Хорошо, — сказал Хак Понтеру. — Когда я скажу «давай», со всей силы бей правым локтем назад. Ты попадёшь ему в солнечное сплетение, и он по крайней мере отступит назад, и тогда

твой щит защитит тебя от удара ножа. — Хак переключился на внешний динамик. — У меня правда нет ни цента, — и Понтер тут же понял его ошибку: звук «и» был взят из речи глексенов и произносился другим голосом, резко отличным от голоса синтезатора Хака.

— Что за...? — сказал глексен, явно озадаченный услышанным. — А ну-ка повернись, коз...

— Давай! — скомандовал Хак Понтеру во внутреннее ухо.

Понтер вслепую ударил локтем назад и почувствовал под ним живот глексена. Послышалось нечто вроде «ых-х-х» — из лёгких от удара вырвался воздух — и Понтер развернулся лицом к нападавшему.

— Иисусе! — прошипел глексен, увидев выступающее надбровье на волосатом лице. Он ударил ножом, достаточно быстро, чтобы щит сработал со вспышкой света, преградив путь лезвию. Понтер выбросил руку вперёд и схватил глексена за тонкую шею. Он выглядел вдвое моложе Понтера. На какое-то мгновение Понтер задумался, не сжать ли кулак и раздавить сопляку горло, но не смог этого сделать.

— Брось нож, — сказал Понтер. Глексен посмотрел вниз. Понтер проследил за его взглядом и

увидел, что лезвие ножа согнулось от удара о щит. Понтер немного сжал пальцы. Хватка глексена синхронно ослабла, и нож, зазвенев, упал на дорожное покрытие.

— Теперь пошёл вон, — сказал Понтер через Хака. — Проваливай, и никому ни слова.

Понтер отпустил глексена, который немедленно начал хрипеть и откашливаться. Понтер поднял руку.

— *Вон!* — сказал он. Глексен кивнул и бросился прочь, одну руку прижимая к животу там, куда попал локоть Понтера.

Понтер не стал терять времени и зашагал по растрескавшейся бетонной дорожке ко входу в дом.

Глава 39

Понтер молча ждал в подъезде дома Раскина; одна стеклянная дверь позади него, другая — впереди. Через несколько сотен тактов кто-то направился к выходу от лифтов, которые Понтер видел через внутреннюю стеклянную дверь. Он повернулся спиной, спрятав лицо, и стал ждать. Приближающийся глексен покинул холл, и Понтер легко перехватил стеклянную дверь до того, как она захлопнулась. Он быстро зашагал по плиточному полу — плитка для пола была чуть ли не единственной областью глексенской архитектуры, где находили применение правильные квадраты — и нажал кнопку вызова лифта. Тот, что доставил только что вышедшего глексена, всё ещё был здесь, и Понтер вошёл в раздвинувшиеся двери.

Кнопки этажей были расположены в два столбца, и верхние две были обозначены как «15» и «16». Понтер нажал ту, что справа.

Лифт — самый маленький и самый грязный из всех, что ему доводилось видеть в этом мире, даже грязнее, чем шахтный подъёмник в Садбери —

громыхая, пришёл в движение. Понтер смотрел на индикатор над выщербленной дверью, и ждал, пока высвечиваемый им символ не совпадёт с символом на нажатой им кнопке. Наконец, это произошло. Понтер покинул лифт и вышел в холл, чьё ковровое покрытие в некоторых местах было порвано, а в остальных — запачкано. Стены были оклеены листами тонкой бумаги, украшенной сине-зелёными завитками; некоторые листы частично отклеились.

Понтер видел четыре двери на каждой из сторон холла по левую руку от себя, и ещё четыре на каждой стороне по правую руку; всего шестнадцать квартир. Он подошёл к ближайшей двери, приблизил нос к дальнему от петель краю и быстро обнюхал щель между дверью и косяком, пытаясь отделить доносящийся из квартиры запах от царящего в холле запаха плесневеющего коврового покрытия.

Не эта. Он перешёл к следующей двери и также обнюхал её край. Здесь он обнаружил знакомый запах — такой же едкой гарью иногда несло из подвала Рубена Мантего, когда они с Луизой уединялись там.

Он подошёл к третьей двери. В квартире за дверью был кот, но люди отсутствовали.

У следующий двери он различил запах мочи. Он не понимал, почему глексены не всегда смывают за собой туалет; после того, как ему объяснили устройство этого механизма, он никогда не забывал это делать. Он также различил запахи четырёх или пяти людей. Но Мэре сказала, что Раскин живёт один.

Понтер добрался до конца коридора. Он перешёл на другую сторону и глубоко вдохнул возле первой двери. Внутри недавно готовили корову и какие-то растения с резким запахом. Но запахи людей были незнакомы.

Он проверил следующую дверь. Табачный дым и феромоны одной — нет, двух женщин.

Понтер перешёл к следующей двери, но она оказалась не такой, как другие — на ней не было номера квартиры и замка. Открыв её, Понтер обнаружил маленькую комнатку с дверцей значительно меньшего размера на петлях, за которой круто уходил вниз металлический жёлоб. Он пошёл к соседней двери, взмахами ладони пытаясь разогнать вонь, которая поднималась из жёлоба за дверцей. Он втянул в себя воздух.

Снова табачный дым, и…

И запах мужчины… худого мужчины, который не слишком обильно потеет.

Понтер понюхал снова, поводя носом вверх и вниз вдоль края двери. Похоже на то…

Да, точно. Теперь он был уверен.

Раскин.

Понтер был физиком, а не инженером. Но он наблюдал за окружающим миром, а Хак был ещё внимательнее. Они устроили короткое совещание, стоя в коридоре перед дверью квартиры Раскина: Понтер говорил шёпотом, Хак — через кохлеарные импланты.

— Дверь без сомнения заперта, — сказал Понтер. В его мире такое встречалось нечасто; обычно двери запирали только для того, чтобы дети не залезли в опасное место.

— Будет лучше всего, — сказал Хак, — если он откроет дверь сам, по собственной воле.

Понтер кивнул.

— Но станет ли он открывать? Я так понимаю, что это, — он ткнул пальцем, — линза, через которую он может видеть, кто находится за дверью.

— Невзирая на свои отвратительные особенности, Раскин — учёный. Если бы существо из иного мира появилось на пороге твоего дома на Окраине Салдака, разве ты отказался бы ему открыть?

— Стоит попробовать. — Понтер побарабанил

костяшками пальцев по двери — он видел, как несколько раз так делала Мэри.

Хак внимательно прислушался.

— Дверь полая, — сказал он. — Если он тебя не впустит, ты легко её выбьешь.

Понтер постучал снова.

— Возможно, он крепко спит.

— Нет, — сказал Хак. — Я слышу его шаги.

Свет за вделанной в дверь линзой прервался: по-видимому, Раскин смотрел сквозь неё, кто стучит в дверь среди ночи.

Наконец, Понтер услышал, как лязгает, поворачиваясь, механизм замка, дверь немного приоткрылась, и в щели показалось лицо Раскина. Тонкая цепочка золотистого цвета, по-видимому, не давала двери раскрыться полностью.

— Док… Доктор Боддет? — спросил явно потрясённый Раскин.

Понтер собирался что-нибудь соврать о том, как ему нужна помощь Раскина в надежде, что он впустит его в квартиру, но обнаружил, что не может говорить в обычной цивилизованной манере с этим… этим *приматом*. Он упёрся ладонью правой руки в край двери и резко нажал. Цепочка лопнула, и дверь распахнулась, отбрасывая Раскина назад.

Понтер торопливо вошёл и закрыл за собой дверь.

— *Что за...!* — заорал Раскин, вскакивая на ноги. Понтер отметил, что Раскин одет в обычную дневную одежду, несмотря на поздний час, и вдруг подумал, что он, возможно, только что возвратился домой после нападения на очередную женщину.

Понтер шагнул к нему.

— Вы изнасиловали Кейсер Ремтуллу. Вы изнасиловали Мэре Воган.

— О чём вы говорите?

Понтер проговорил тихим голосом:

— Я могу убить вас голыми руками.

— Вы сошли с ума? — закричал Раскин и попятился.

— Нет, — ответил Понтер, делая шаг вперёд. — Я не сошёл с ума. Это ваш мир сошёл с ума.

Глаза Раскина метались по захламлённой комнате, явно пытаясь найти какие-то пути для бегства... или оружие. Позади него был проём в стене, ведущий, по всей видимости, в помещение, предназначенное для приготовления пищи.

— Вам придётся иметь дело со мной, — сказал Понтер. — Я буду судить вас.

— Послушайте, — сказал Раскин, — я знаю, что

недавно в нашем мире, но у нас есть законы. Вы не можете просто…

— Вы — серийный насильник.

— Вы чего-то накурились?

— Я могу доказать, — сказал Понтер, подступая ближе.

Внезапно Раскин резко обернулся и изогнулся, пытаясь достать что-то через ведущий на кухню проём. Он снова повернулся к Понтеру, держа в руках тяжёлую сковородку — Понтер видел такие, когда отбывал карантин в доме Рубена Монтего. Раскин держал сковородку перед собой, сжимая рукоятку двумя руками.

— Не подходите ближе, — сказал он.

Понтер не обратил внимания на его предупреждение. Когда он был в шаге от Раскина, тот ударил. Понтер поднял левую руку, прикрывая лицо. Сопротивление воздуха, должно быть, затормозило сковородку до безопасного предела, и силовой щит не включился, так что удар в основном принял на себя Хак. Правая рука Понтера метнулась вперёд и схватила Раскина за горло.

— Бросьте эту вещь, — сказал Понтер, — или я сломаю вам шею.

Раскин попытался что-то сказать, но Понтер немного сжал пальцы. Глексену удалось ещё раз

ударить Понтера сковородкой по плечу — к счастью, не по тому, в которое попала пуля. Понтер, держа за шею, приподнял Раскина над полом.

— Бросьте эту вещь! — громыхнул он.

Лицо Раскина побагровело, а глаза — голубые глаза — выпучились. Наконец, он бросил сковородку, которая звонко ударилась о деревянный. Понтер развернул Раскина и ударил о стену рядом с проходом на кухню. Материал стены вмялся от удара в нескольких местах, в нём появилась длинная трещина.

— Вы видели по телевизору, как посол Прат убила нападавшего?

Раскин только хрипел и со свистом втягивал воздух.

— *Вы видели?*

Наконец, Раскин кивнул.

— Посол Прат из 144-го поколения. Я из 145-го; я младше её на десять лет. Хотя я пока не равен ей мудростью, силой я её превосхожу. Если вы продолжите меня провоцировать, а разобью вам череп.

— Чего… — произнёс Раскин очень хриплым голосом. — Чего вы хотите?

— Во-первых, — сказал Понтер, — правды. Я хочу, чтобы вы признались в своих преступлениях.

— Я знаю, что это штука у вас в руке всё записывает.

— *Признайтесь в преступлениях.*

— Я никогда…

— У принудителей Торонто есть образцы вашей ДНК с изнасилования Кейсер Ремтуллы.

— Если бы они знали, что это моя ДНК, — полузадушенным голосом ответил Раскин, — то здесь были бы они, а не вы.

— Если вы будете упорствовать, я убью вас.

Раскину удалось немного покачать головой, несмотря на то, что Понтер продолжал сжимать его шею.

— Признание под принуждением не является доказательством.

— Хорошо, тогда убедите меня, что вы невиновны.

— Я не обязан никого ни в чём убеждать.

— Вы не получили повышения и более выгодных условий работы из-за вашего цвета кожи и пола, — сказал Понтер.

Рискин молчал.

— Вы ненавидели тот факт, что другим — этим женщинам — отдаётся предпочтение перед вами.

Раскин извивался, пытаясь вырваться из хват-

ки Понтера, но тот держал его крепко.

— Вам хотелось навредить им, — сказал Понтер. — Унизить их.

— Старайся-старайся, троглодит.

— Вам отказали в том, чего вам хотелось, и вы взяли то, что может быть лишь отдано добровольно.

— Всё было не так…

— Расскажите мне, — прошипел Понтер, заламывая руку Раскина за спину. — Расскажите мне, *как* это было.

— Я заслуживал бессрочного контракта, — сказал Раскин. — Но они раз за разом прокатывали меня. Эти суки постоянно прокатывали меня, и…

— И что?

— И я показал им, чего стоит настоящий мужчина.

— Вы — *позор* всего мужского рода, — сказал Понтер. — Скольких вы изнасиловали? *Скольких?*

— Только…

— Ещё кого-то, кроме Мэре и Кейсер?

Молчание.

Понтер отодвинул Раскина от стены и снова ударил его об неё. Трещина стала шире.

— *Кого-то ещё?*

— Нет. Только…

Он заломил его руку сильнее.

— Только двоих? Только двоих? — Зверёныш взвыл от боли. — Только двоих? — повторил Понтер.

Раскин хрюкнул и сказал сквозь сжатые зубы:

— Только Воган. И эту черножопую суку…

— Что? — Понтер на мгновение растерялся, когда Хак издал гудок. Он снова выкрутил Раскину руку.

— *Ремтуллу. Я трахнул Ремтуллу.*

Понтер немного ослабил хватку.

— Вы остано́витесь, понятно вам? Это больше никогда не повторится. Я буду следить. Другие будут следить. Никогда, слышите?

Раскин буркнул что-то неразборчивое.

— *Никогда,* — повторил Понтер. — Поклянитесь.

— Никогда больше, — сказал Раскин, всё ещё сжимая зубы.

— И вы никому не скажете о моём визите. Никому. Если скажете, то понесёте наказание, предусмотренное за ваши преступление вашим же обществом. Вы это понимаете? *Понимаете?*

Раскин с трудом кивнул.

— Хорошо, — сказал Понтер, ещё немного

ослабляя хватку. Но потом он снова впечатал Раскина в стену; в этот раз от неё начали отваливаться кусочки материала. — Нет, это совсем не хорошо, — продолжал Понтер, теперь уже тоже сквозь сжатые зубы. — Этого недостаточно. Это ещё не справедливость. — Он бросился на Раскина всем своим весом, припечатав его к стене; его пах прижался к заду глексена. — Вы на себе почувствуете, каково это — быть женщиной.

Всё тело Раскина внезапно напряглось.

— Нет. Нет-нет, ни за что! Господи, только не это…

— Это будет справедливо, — сказал Понтер, открывая карман на своём медицинском поясе и доставая оттуда пневмоинъектор.

Устройство зашипело над шеей Раскина.

— Что это за херня? — закричал он. — Вы не можете вот так вот…

Понтер ощутил, как тело Раскина расслабилось. Он опустил его на пол.

— Хак, — позвал Понтер. — С тобой всё в порядке?

— Удар был довольно сильный, — ответил компаньон, — но я не повреждён.

— Прости, — сказал Понтер. Он посмотрел на лежащего на спине Раскина. Потом схватил его

ноги и развёл их в стороны.

Потом потянулся к его поясу. Ему понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, как он устроен. Расстегнув пояс, Понтер нашёл застёжку и молнию на его брюках. Расстегнул и то, и другое.

— Сначала сними эти штуки со ступней, — подсказал Хак.

Понтер кивнул.

— Точно. Всё время забываю, что у них это отдельно. — Он передвинулся к ногам Раскина и после нескольких попыток сумел развязать шнурки и снять с него башмаки. Понтер содрогнулся, почуяв исходящий от ступней запах. На коленях переполз обратно, к поясу Раскина, и начал стягивать с него штаны. Следом взялся за трусы и стянул их по почти безволосым ногам до ступней, а потом избавился и от них.

Наконец, Понтер взглянул на гениталии Раскина.

— Что-то здесь не так, — сказал он. — Какое-то уродство, или что? — Он поднял руку, давая Хаку лучший обзор.

— Удивительно, — сказал компаньон. — Отсутствует препуциальный мешок.

— Что? — переспросил Понтер.

— Крайняя плоть.

— Интересно, у всех глексенских самцов так?

— Это сделало бы их уникальными среди приматов, — ответил Хак.

— Ладно, — сказал Понтер, — мне это не помешает.

* * *

Корнелиус Раскин пришёл в себя на следующий день; он определил, что настало утро по тому, что в окна его квартиры светило солнце. В голове били молотки, горло саднило, локоть горел, седалище болело, и было такое чувство, что его пнули по яйцам. Он попытался оторвать голову от пола, но его так затошнило, что он опустил её обратно. Через некоторое время он повторил попытку, и в этот раз сумел приподняться на локте. Его рубашка и брюки были на нём, так же, как носки и башмаки. Но шнурки на них завязаны не были.

Чёрт тебя дери, подумал Раскин. *Чёрт тебя дери.* Он слышал, что неандертальцы все геи. Господи, но он не был готов к *такому*. Он перекатился на бок и ощупал рукой заднюю часть штанов, молясь о том, чтобы не обнаружить там крови. Тошнота подбиралась к горлу, и он прогнал её, с усилием сглотнув. Получилось очень

больно.

«Справедливость», сказал Боддет. Справедливо бы было, если бы он получил приличное место и не должен бы был уступать его банде некомпетентных женщин и прочих меньшинств…

Голова у него болела так, словно Понтер снова и снова бил по ней сковородкой. Раскин закрыл глаза, пытаясь собраться с силами. У него болело так много всего и так сильно, что он не мог сосредоточиться на чём-то одном.

Проклятый питекантроп и его извращённые представления о справедливости! Только из-за того, что он вставил Воган и Ремтулле, чтобы показать им, кто тут на самом деле главный, Боддет решил, что будет справедливым сделать из него педика.

Это, несомненно, было ещё и предупреждением: держи язык за зубами, помни, что тебе приготовлено, если ты посмеешь в чём-то обвинить Понтера, что будет с тобой в тюрьме, если тебя всё-таки упекут за изнасилование…

Раскин сделал глубокий вдох и схватился рукой за горло. Он нащупал на нём углубления, оставленные пальцами питекантропа. Боже, там, наверное, жуткая ссадина.

Наконец, голова Раскина перестала кружиться

в достаточной степени, чтобы он мог заставить себя встать на ноги. Он схватился за край дверного проёма, чтобы выровняться, и остался стоять, ожидая, пока в глазах перестанут вспыхивать искры. Вместо того, чтобы зашнуровать башмаки — для этого пришлось бы нагнуться — он просто сбросил их с ног.

Он подождал ещё минуту, пока молотки в голове не стихли настолько, что он решился отпустить свою опору без риска рухнуть обратно на пол. Потом он проковылял по короткому коридору к обшарпанной ванной, выкрашенной в тошнотворный зелёный цвет ещё предыдущим квартиросъёмщиком. Он вошёл и закрыл за собой дверь, на обратной стороне которой обнаружилось ростовое зеркало, треснувшее там, где оно было привинчено к двери. Он расстегнул пояс и спустил брюки, а потом повернулся задом к зеркалу и, заранее готовя себя к тому, что может увидеть, приспустил трусы.

Он боялся, что увидит на ягодицах такие же следы от пальцев, какие ощущал на горле, но там ничего не было, кроме длинной царапины сбоку — которая, как он сообразил, появилась, когда Понтер сбил его с ног, резко распахнув дверь и порвав цепочку.

Раскин схватил себя за ягодицу и оттянул её в сторону, пытаясь увидеть сфинктер. Он понятия не имел, чего ожидать — крови? — но не заметил ничего необычного.

Он не мог себе представить, что подобного рода контакт может не оставить следов, но похоже, что в данном случае всё было именно так. В сущности, насколько он мог судить, с его задней частью не произошло ничего необычного.

Озадаченный, он посеменил к унитазу, волоча за собой спущенные штаны и трусы. Встал перед ним, потянулся к пенису, поднял его, прицелился и…

Нет!

Нет, нет, нет!

Господи Иисусе, нет!

Раскин ощупал всё вокруг, наклонился, снова выпрямился и поковылял обратно к зеркалу для лучшего обзора.

Боже, Боже, Боже…

Он видел себя в зеркале, голубые глаза, округлённые в выражении абсолютного ужаса, отвисшую челюсть и…

Он приник к самому зеркалу, пытаясь получше рассмотреть мошонку. Её пересекала вертикальная черта, которая выглядела словно…

Возможно ли такое?

…словно сварной шов.

Он снова принялся ощупывать, тыкать в обвисший, сморщенный мешочек, надеясь, что в первый раз он почему-то ошибся, не заметил…

Но тщетно.

Господи всемогущий, тщетно.

Раскин доковылял до раковины, опёрся на неё и испустил долгий пронзительный вой.

Его тестикулы исчезли.

Глава 40

Некоторое время Журард Селган молчал. Конечно, то, что Понтер ему сейчас рассказал, было абсолютно конфиденциально. Разговоры скульптора личности с его пациентом специальным образом кодируются. Селган даже и подумать не мог о том, чтобы пересказать кому-то то, что узнал от пациента, и никто не мог открыть архив алиби его или его пациента за период, помеченный как время терапевтического сеанса.

— Мы не берём правосудие в собственные руки, — сказал Селган.

Понтер кивнул.

— Как я сказал в самом начале, я не горжусь тем, что совершил.

— Вы также сказали, — мягко напомнил Селган, — что совершили бы это снова, если бы пришлось.

— То, что он делал, было плохо, *— сказал Понтер. — Гораздо хуже того, что я сделал с ним. — Он развёл руками, словно ища способа оправдать своё поведение. — Он насиловал женщин и собирался делать это и дальше. Но я*

положил этому конец. Не только потому, что он теперь знал, что я могу опознать его по запаху, а по той же причине, по которой мы всегда стерилизуем наших склонных к насилию самцов именно таким образом. Ведь мы не только предотвращаем распространение их генов. Путём удаления тестикул мы радикально снижаем уровень тестостерона, купируя их агрессивность.

— И вы решили, что если этого не сделаете вы, то не сделает никто? — сказал Селган.

— Именно! Ему бы всё сошло с рук! Мэре Воган считала, что имеет преимущество, что насильник не знал, с кем связывается, нападая на профессора генетики. Но она ошибалась. Он знал совершенно точно, с кем имеет дело. И он знал, что нужно сделать, чтобы его никогда не смогли осудить за это преступление.

— Так же, — тихо сказал Селган, — как вы знали, что вас никогда не осудят за его кастрацию.

Понтер ничего не ответил.

— Мэре знает об этом? Вы ей рассказали?

Понтер покачал головой.

— Почему нет?

— Почему нет? — повторил Понтер, удивлённый вопросом. — Почему нет? Я совершил преступление — тяжкое преступление. Я не хо-

тел вовлекать в него её; я не хочу, чтобы она была хоть как-то в этом замешана.

— И всё?

Понтер молча рассматривал рисунок древесных волокон, охватывающий весь периметр комнаты.

— Это всё? — не отступал Селган.

— Конечно, я не хотел ронять себя в её глазах, — сказал Понтер…

— На самом деле это могло возвысить *вас в её глазах, — сказал Селган. — В конце концов, вы пошли на это ради неё, чтобы защитить её и других, подобных ей.*

Но Понтер замотал головой.

— Нет. Нет, она рассердилась бы на меня. Разочаровалась бы во мне.

— Почему?

— Она христианка, — ответил он. — Философ, учению которого она следует, утверждал, что прощение — это величайшая из всех добродетелей.

Бровь Селгана влезла на надбровный валик.

— Некоторые вещи очень трудно простить.

— Думаете, я этого не знаю? — *рявкнул Понтер.*

— Я не имел в виду не то, что сделали вы, а то, что он — тот мужчина-глексен — сделал

с Мэре.

Понтер сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Этот… Раскин — единственный, кого вы кастрировали?

Взгляд Понтера метнулся к Селгану.

— Разумеется!

— Ага, — сказал Селган. — Просто я…

— Что?

Селган проигнорировал вопрос.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь ещё?

— Нет.

— Даже Адекору?

— Даже Адекору.

— Но ведь ему вы без сомнения можете доверять, — сказал Селган.

— Да, но…

— Вот видите, — сказал Селган, когда Понтер замолчал, не закончив фразы. — В нашем мире мы не просто стерилизуем совершивших насильственные преступления, не так ли?

— Ну… нет. Мы…

— Да? — сказал Селган.

— Мы стерилизуем преступника и *всех, у кого хотя бы половина общих с ним генов.*

— И кого же именно?

— Братьев. Сестёр. Родителей.

— Да. Кого ещё?

— И… ещё однояйцевых близнецов. Именно поэтому говорится про по крайней мере *половину; у однояйцевых близнецов совпадает сто процентов ДНК.*

— Да-да, но вы забыли про ещё одну группу.

— Братья. Сёстры. Мать преступника. Отец преступника.

— И…?

— Я не понимаю, что вы… — Понтер замолк. — О, — тихо сказал он. Он снова посмотрел на Селгана, потом опустил взгляд. — Дети. Потомки.

— У вас есть дети, не так ли?

— Двое дочерей, Жасмель Кет и Мега Бек.

— Так что если кто-то узнает о вашем преступлении и каким-либо образом разгласит его, и суд прикажет вскрыть ваш архив алиби, наказание понесёте не только вы. Ваших дочерей стерилизуют вместе с вами.

Понтер закрыл глаза.

— Это так? — сказал Селган.

— Да. — Голос Понтера был едва слышен.

— Ранее я спросил, стерилизовали ли вы ещё кого-нибудь в другом мире, и вы накричали на меня.

Понтер молчал.

— Вы понимаете, что вас рассердило?

Понтер вдохнул и медленно, судорожно выдохнул.

— Я стерилизовал только *самого преступника, но не его родственников. Видите ли, я не слишком задумывался о… о* справедливости *того, что мы стерилизуем невиновных ради улучшения генофонда. Но… но я с помощью Хак и правда пытался изучать эту глексенскую Библию. В её самой первой истории всё потомство изначальных двух людей было проклято за то, что эти двое людей совершили преступление. И это показалось мне таким неправильным, таким несправедливым.*

— Так что как бы вы ни хотели очистить глексенский генофонд от скверны Раскина, вы не смогли заставить себя отыскать его ближайших родственников, — сказал Селган. — Потому что, сделай вы это, вы бы согласились, что ваши *близкие — двое ваших дочерей — заслуживают наказания за преступления, которые* вы *совершили.*

— Они невиновны, *— сказал Понтер. — Независимо от того, насколько тяжкие преступления совершил я, они не должны из-за этого страдать.*

— И всё же они пострадают, если вы раскроете

себя и признаетесь в содеянном.

Понтер кивнул.

— И что же вы намерены делать?

Понтер пожал своими массивными плечами.

— Хранить эту тайну до тех пор, пока я не умру.

— А потом?

— Я... простите?

— После того, как вы умрёте — что будет потом?

— Потом... потом ничего.

— Вы в этом уверены?

— Конечно. То есть, да, я читал Библию, и я знаю, что Мэре психически здорова и умна и не подвержена галлюцинациям, но...

— И у вас нет ни малейшего сомнения в том, что она ошибается? Вы убеждены в том, что после смерти ничего нет?

— Ну...

— Да?

— Нет. Забудьте.

Селган нахмурился, но решил, что развивать эту тему пока рано.

— Вы не задумывались о том, почему Мэре заинтересовалась вами?

Понтер смотрел в сторону.

— Я слышал, как ранее вы говорили о том, что глексены — тоже люди. Однако всё же у вас с ней меньше общего, чем с любым другим мужчиной, с которым она до тех пор была знакома.

— Физически — возможно, — сказал Понтер. — Но ментально, эмоционально мы очень похожи.

— И всё же, — сказал Селган, — поскольку Мэре пострадала от самца своего собственного вида, она могла…

— Думаете, мне это не приходило в голову? — перебил его Понтер.

— Скажите об этом вслух, Понтер. Выпустите наружу.

Понтер фыркнул.

— Я мог заинтересовать её именно потому, что в её глазах я был не *человек — не один из тех, кто сделал ей больно.*

Селган помолчал несколько тактов.

— Над этой мыслью стоит поразмышлять.

— Это неважно, — сказал Понтер. — Теперь это ничего уже не значит. Я люблю *её. И она любит меня. Ничто не имеет значения, кроме этого простого факта.*

— Очень хорошо, — сказал Селган. — Очень хорошо. — Он снова сделал паузу, а потом постарался, чтобы его голос звучал отстранённо,

будто мысль только что пришла ему в голову, и он не выжидал подходящего момента, чтобы её озвучить. — А кстати, вы не думали о том, что вас *к ней привлекло?*

Понтер закатил глаза.

— Скульптор личности! — сказал он. — Вы собираетесь объявить, что она каким-то образом напомнила мне Класт. Но здесь вы попали пальцем в небо. Она вообще не похожа на Класт. У неё совершенно другой характер. У Мэре ничего *общего с Класт.*

— Уверен, что вы правы, — сказал Селган, делая руками жест, словно отбрасывая глупую мысль в сторону. — Ну, то есть, как это вообще возможно. Они ведь даже принадлежат к разным видам…

— Именно так, — сказал Понтер, складывая руки на груди.

— И воспитаны в совершенно разных культурных контекстах.

— Точно.

Селган покачал головой.

— Эта идея о жизни после смерти — надо же было такое придумать.

Понтер промолчал.

— Вы никогда не задумывались об этом? Не

думали, что возможно — лишь возможно… — Селган дал своему голосу угаснуть, не закончив фразы, и терпеливо ждал, что Понтер заполнит паузу.

— Ну, — сказал в конце концов Понтер, — это и вправду привлекательная концепция. Я думал над ней с тех пор, как впервые услышал о ней от Мэре. — Понтер поднял руки. — Я знаю, знаю, что никакой послежизни нет — по крайней мере, для меня. Но…

— Но она живёт в альтернативной плоскости бытия, — подсказал Селган. — В другой вселенной. Во вселенной, в которой некоторые вещи могут быть *другими.*

Голова Понтера едва заметно качнулась.

— И она даже не бараст, не так ли? Она принадлежит к другому виду. Лишь из-за того, что у нас нет — как они это называют? Бессмертная душа? То, что у нас *нет этой бессмертной души, разве означает, что её нет и у них? Не так ли?*

— Вы к чему-то ведёте? — резко спросил Понтер.

— Как всегда, — ответил Селган. — Вы потеряли партнёршу двадцать с лишним месяцев назад. — Он помедлил и продолжил так мягко, насколько смог: — Не только Мэре приходила в

себя после травмы.

Понтер вскинул брови.

— Надо полагать. Но я всё равно не вижу, как смерть Класт могла бросить меня в объятия женщины из другого мира.

В этот раз пауза затянулась. Наконец Хак, который хранил молчание в течение всего терапевтического сеанса, спросил через внешний динамик:

— Вы хотите, чтобы я ему сказал?

— Нет, я сам, — ответил Селган. — Понтер, пожалуйста, не обижайтесь, но... в общем, вы рассказывали мне о верованиях глексенов.

— И что с того? — спросил Понтер; его голос звучал по-прежнему резко.

— Они верят в то, что мёртвые на самом деле не мертвы. Они верят, что сознание продолжает жить после смерти тела.

— И что?

— А то, что вы, возможно, искали способа обезопасить себя от повторения страданий, которые причинила вам смерть Класт. Если бы ваша партнёрша верила в это... это бессмертие разума, или вы бы считали, пусть и без всяких на то оснований, что она в самом деле может обладать подобного рода бессмертием, то... — голос

Селгана затих, приглашая Понтера закончить мысль.

Понтер вздохнул, но подчинился.

— То в случае, если случилось бы немыслимое и я снова потерял бы любимую женщину, это бы не было для меня таким потрясением, потому что сохранялся бы шанс, что она потеряна не навсегда.

Селган одновременно приподнял бровь и слегка пожал плечами.

— Именно.

Понтер поднялся на ноги.

— Благодарю, что потратили на меня время, учёный Селган. Здравого дня.

— Я не уверен, что мы закончили, — сказал Селган. — Куда вы идёте?

— Сделать то, что я должен был сделать давным-давно, — сказал Понтер, покидая круглый кабинет.

* * *

Луиза Бенуа вошла в кабинет Джока Кригера в «Синерджи Груп». В штате Джока не было геологов, но Луиза — физик, и она работала под землёй на шахте «Крейгтон», так что он решить поручить это ей.

— О’кей, — сказала она. — Думаю, я с этим разобралась. — Она разложила на рабочем столе в кабинете Джока две большие схемы. Джок встал над столом рядом с Луизой.

— Вот это, — сказала она, указывая накрашенным красным ногтем на левую схему, — стандартная палеомагнитная хронология по данным наших учёных.

Джок кивнул.

— А это, — она указала на вторую схему, заполненную странными символами, — та же самая хронология, полученная от неандертальцев.

Хотя Мэри Воган и не нашла подтверждения тому, что в мире неандертальцев магнитное поле Земли поменяло полярность, Джок использовал всё своё влияние, чтобы произвести обмен информацией по палеогеомагнетизму как можно скорее. Если неандертальцы ошибаются относительно быстрого коллапса магнитного поля, тогда Джок будет знать, что беспокоится попусту. Но ему нужно было знать наверняка.

— Так вот, — сказала Луиза, — Как вы видите, мы зафиксировали гораздо больше эпизодов геомагнитной реверсии, чем они — больше трёхсот за последние 175 миллионов тел. Это потому что породы морского дна дают больше информации,

чем места падения метеоритов.

— Один-ноль в нашу пользу, — сухо сказал Джок.

— Моя задача, — продолжила Луиза, — состояла в том, чтобы сопоставить эпизоды, которые поддаются сопоставлению — то есть, выявить эпизоды, следы которых обнаружили и мы, и они. Как видите, несмотря на зияющие дыры в их геомагнитной летописи, имеется практически однозначное соответствие всех эпизодов почти до сегодняшнего дня.

Джок смотрел на схемы, следя за указующим ногтем Луизы.

— О'кей.

— Разумеется, — сказала Луиза, — так и должно было быть. Вам известна моя теория: что существовала лишь одна стабильная версия вселенной до того, как примерно сорок тысяч лет назад возникло сознание.

Джок кивнул. Хотя квантовомеханические эффекты могли приводить к кратковременному расщеплению вселенной, вероятно, с самого начала времён, получающиеся варианты на макроуровне были идентичны и поэтому всегда снова сливались в течение нескольких наносекунд.

Однако сознательные действия живых существ создали разрыв, который уже не мог быть скомпенсирован, и поэтому когда сорок тысяч лет назад произошёл Большой Скачок — когда возникло сознание — случилось самое первое стабильное расщепление. В одной вселенной осознали себя Homo sapiens, в другой — Homo neanderthalensis, и с тех пор эти две вселенные существовали отдельно.

— Но минуточку, — сказал Джок, вглядываясь в неандертальскую схему. — Если вот это — последняя зафиксированная геомагнитная реверсия, о которой нам известно…

— Так и есть, — подтвердила Луиза. — Они датировали её десятью миллионами месяцев назад — это 780000 лет.

— Хорошо, — сказал Джок. — Но если это — самый поздний эпизод на нашей схеме, то что же такое вот это? — Он указал на ещё один, более поздний эпизод, отмеченный на неандертальской схеме. — Это тот, который якобы случился двадцать пять лет назад?

— Нет, — сказала Луиза. На вкус Джока в ней была слишком сильна преподавательская жилка. Она явно подводила его к открытию, хотя сама наверняка уже знала ответ. Вот почему бы просто

не сказать?

— Тогда когда же?

— Полмиллиона месяцев назад, — сказала Луиза.

Джок уже не скрывал своего раздражения:

— То есть…?

Чувственные губы Луизы изогнулись в усмешке.

— Сорок тысяч лет.

— Сорок ты… Но ведь это…

— Именно, — сказала Луиза, обрадованная догадливостью ученика. — Как раз тогда, когда произошёл Большой Скачок и возникло сознание, когда вселенная расщепилась навсегда.

— Но… но как так может быть, что они знают об этой реверсии, а мы — нет?

— Помните, что я сказала, когда мы обсуждали эту проблему впервые? После того, как магнитное поле исчезнет, существует пятидесятипроцентная вероятность того, что оно снова возникнет с той же полярностью. В половине случаев полярность та же, а…

— А в оставшейся половине полярность обратная! То есть это событие должно было произойти уже после разделения вселенных; и, поскольку теперь они никак не связаны, случилось так, что

в мире неандертальцев полярность поменялась.

Луиза кивнула.

— Оставив след в местах падения метеоритов.

— Но в нашем мире случилось так, что поле снова возникло с той же полярностью, что и до коллапса — и поэтому мы его не заметили.

— *Oui.*

— Поразительно, — сказал Джок. — Но… погодите! У них была реверсия сорок тысяч лет назад, так ведь? Но Мэри утверждает, что стрелка компаса в их мире ориентирована так же, как и в нашем — северным концом на север. Так что…

Луиза ободряюще кивнула: он был на верном пути.

— …так что, — продолжал Джок, — мир неандертальцев и правда пережил недавний коллапс магнитного поля, и когда поле появилось снова, всего шесть лет назад, его полярность стала обратной по сравнению с той, что была до коллапса — такой же, как сейчас на нашей Земле.

— Именно так.

— Значит, всё в порядке? — сказал Джок. — Именно это я и хотел узнать.

— Это ещё не всё, — сказала Луиза. — Далеко не всё.

— Ну так не тяните жилы, рассказывайте!

— Хорошо-хорошо. Земля — единственная Земля, существовавшая в те времена — пережила коллапс магнитного поля сорок тысяч лет назад. Пока поле отсутствовало, возникло сознание — и я не верю, что это совпадение случайно.

— Вы считаете, что пропадание магнитного поля как-то связано с тем, что пещерные люди изобрели рисование?

— И культуру. И язык. И символическую логику. И религию. Да, я так считаю.

— Но как?

— Я не знаю, — ответила Луиза. — Но помните, что анатомически современные Homo sapiens впервые появились сто тысяч лет назад, но осознали себя лишь сорок тысяч лет назад. Мы имели такие же точно мозги, как и сейчас, в течение шестидесяти тысяч лет, не занимаясь никакими видами искусств и не проявляя никаких признаков подлинной разумности. А потом — *клац!* — что-то случилось, и мы стали разумными.

— Да уж, — сказал Джок.

— Вы знаете, что у некоторых птиц в мозгу есть частицы магнетита, которые помогают им определять направление?

Джок кивнул.

— Так вот, у нас — у Homo sapiens — тоже есть магнетит в мозгу. Никто не знает, почему, поскольку у нас, очевидно, нет встроенного в организм компаса. Но когда сорок тысяч лет назад магнитное поле Земли схлопнулось, я думаю, с этим магнетитом случилось что-то, что, если можно так выразиться, привело к *загрузке* сознания.

— И что же случится, когда магнитное поле пропадёт в следующий раз?

— Ну, в мире неандертальцев во время недавнего коллапса ничего необычного не произошло, — сказала Луиза. — Но…

— Но…?

— Но они не сжигают ископаемое топливо. У них нет миллиардов автомобилей. Они не применяют хлорфторуглеродов в кондиционерах.

— Да? И что?

— Так что их атмосфера в целом и озоновый слой в частности находятся в нетронутом состоянии. В отличие от наших.

— Как это связано с геомагнитными реверсиями?

— У Земли есть два средства защиты поверхности от солнечной и космической радиации: атмосфера и магнитное поле. Если подводит одно,

его может заменить другое…

Глаза Джока округлились.

— Но у нас одно из них уже барахлит.

— Точно. Наш озоновый слой истощён; химический состав нашей атмосферы изменён. Когда магнитное поле снова исчезнет — а этот процесс, по всей видимости, уже начался — у нас не будет запасного средства защиты.

— И что будет?

— *Je ne sais pas*, — сказала Луиза. — Нам придётся построить множество моделей, прежде чем можно будет сказать что-то определённое. Но…

— Снова «но»! Что на этот раз?

— Ну, во время прошлого коллапса сознание загрузилось, а в этот раз, если говорить о последствиях, ожидается мать всех геомагнитных коллапсов. В этот раз сознание может — если снова воспользоваться компьютерной терминологией — сознание может *зависнуть*.

Эпилог

Понтер поблагодарил оператора транспортного куба и вышел наружу. Он чувствовал на себе взгляды женщин, ощущал их неодобрение. Но хотя до того, как Двое станут Одним, оставался ещё целый день, он не мог ждать.

Проведя на другой Земле бóльшую часть месяца, три дня назад Понтер и Мэри вернулись в мир неандертальцев. Он сказал, что такое расписание позволит ему увидеться и с Адекором, и с дочерьми за один визит, что, безусловно, было правдой. Но, поскольку Мэри снова отправилась жить к Лурт, пока Двое не станут Одним, это позволило ему также встретиться со скульптором личности в надежде избавиться от бессонницы и ночных кошмаров, которые преследовали его.

Но сейчас Понтер приближался к лаборатории Лурт — направляемый Хаком, поскольку он сам никогда раньше здесь не бывал. Войдя в полностью каменное здание, он попросил первую же встреченную женщину показать ему, где работает Мэре Воган. Изумлённая женщина — 146-го поколения — показала, и Понтер

отправился вдоль по коридору. Он подошёл к комнате, которую ему указали, и увидел Мэри и Лурт, склонившихся над рабочим столом.

Вот и всё, подумал Понтер. Он сделал глубокий вдох, и…

* * *

— Понтер! — сказала Мэри, поднимая голову. Она была рада его видеть, но…

Но нет. Это был его мир — и это было неподходящее время.

— Что случилось? — спросила она подчёркнуто спокойным тоном.

Понтер посмотрел на Лурт.

— Мне нужно поговорить с Мэре наедине, — сказал он.

Лурт вскинула бровь. Она ободряюще сжала предплечье Мэри и вышла, закрыв за собой дверь.

— В чём дело? — спросила Мэри. Она почувствовала, как зачастило сердце. — С тобой всё в порядке? Что-то стряслось с Жасмель или…?

— Нет. Всё хорошо.

Всё ещё нервничая, Мэри попыталась прояснить ситуацию.

— Тебе же сюда нельзя. Двое ещё не стали Од-

ним.

Но в голосе Понтера послышалось раздражение.

— К… к чертям всё это, — сказал он.

— Понтер, в чём дело?

Понтер глубоко вдохнул и произнёс несколько слов на своём языке. Впервые за всё время его слова не были переведены немедленно, и Мэри увидела, как Понтер немного склонил голову на бок, как он всегда делал, слушая, что ему говорит Хак через ушные импланты.

Понтер заговорил снова, резким тоном, и Мэри расслышала неандертальское слово «ка», которое, как она знала, означает «да». Наверное, Хак говорил ему что-то вроде «Ты уверен, что на самом деле хочешь это сказать?» Понтер, по-видимому, ответил, что да, на самом деле хочет, и отругал компаньон за вмешательство. После секундного молчания Понтер снова открыл рот, однако Хаку, по-видимому, этого оказалось достаточно, чтобы воспроизвести перевод предыдущей фразы Понтера.

— Я люблю тебя, — произнёс синтезированный компьютером голос.

Как Мэри ждала от него именно этих слов!

— И я тебя люблю, — сказала она. — Очень-

очень люблю!

— Мы должны строить жизнь вместе, ты и я, — сказал Понтер. — Если… если, разумеется, ты этого хочешь.

— Да, да, конечно! — ответила Мэри радостно, но тут же её настроение упало. — Но… но нам будет так сложно всё устроить. Ну, то есть, твоя жизнь здесь, а моя — *там*. У тебя Адекор, Жасмель и Мегамег, а у меня… — Она замолкла. Она хотела сказать «у меня никого», но это было бы неправдой. У неё *был* муж, хоть и живущий отдельно, но всё ещё законный супруг. И, Господи Боже мой, если Бог не одобряет развод, то что он скажет об отношениях между представителями разных биологических видов?

— Я хочу попытаться, — сказал Понтер. — Я хочу попытаться всё устроить.

Мэри улыбнулась.

— Я тоже. — Но потом её улыбка померкла. — И всё-таки нам нужно подумать о многих вещах. Где мы будем жить? Что будет с Адекором? Что станет…

— Я знаю, что будет трудно, но…

— Да? — сказала Мэри.

Понтер подошёл к ней вплотную и заглянул её в глаза.

— Но твой народ летал на Луну, а мой — открыл портал в иную вселенную. Сделать можно даже то, что сделать *очень* трудно.

— Придётся идти на жертвы, — сказала Мэри. — Нам обоим.

— Может, да, — сказал Понтер, — а может, нет. Возможно, мы сможем и костный мозг достать, и из кости дудочку сделать.

Мэри на секунду задумалась, но быстро сообразила.

— «И яичницу съесть, и яиц не разбить». У нас так про это говорят. Но я думаю, ты прав: наши народы не настолько разные. Хотеть всего и сразу — это так… — Мэри замолкла, не находя подходящего слова.

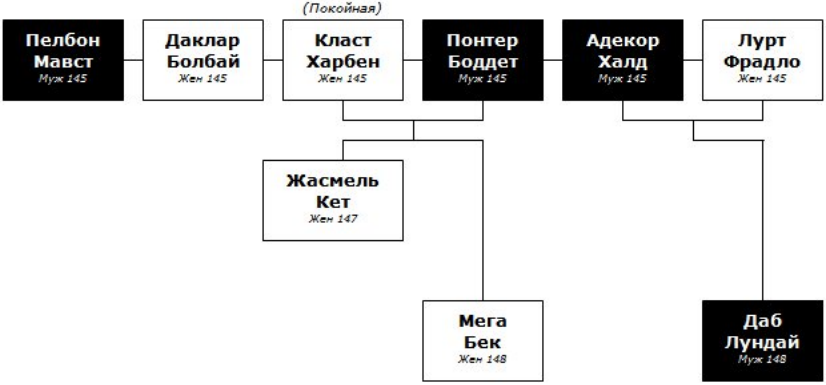
Но Понтер нашёл. Понтер знал, что она хотела сказать.

— Это так по-человечески, — сказал он, прижимая её к себе.

Неандертальский мир



Генеалогическое древо Понтера Боддета


(Покойная)
Пелбон Мавст
Муж 145
Даклар Болбай
Жен 145
Класт Харбен
Жен 145
Понтер Боддет
Муж 145
Адекор Халд
Муж 145
Лурт Фрадло
Жен 145
Жасмель Кет
Жен 147
Мега Бек
Жен 148
Даб Лундай
Муж 148

Благодарности

За советы в области антропологии и палеонтологии я благодарен Милфорду Х. Уолпоффу, Ph.D., Мичиганский университет; Иэну Таттерсоллу, Ph.D. и Гэри Сойеру (не родственнику), оба из Американского музея естественной истории; Филиппу Либерману, Ph.D., Университет Брауна; Майклу К. Бретт-Сарману, Ph.D. и Рику Поттсу, Ph.D., оба из Национального музея естественной истории; Робину Ридингтону, Ph.D., Professor Emeritus, Университет Британской Колумбии; а также экспертам, перечисленным в секции благодарностей моей предыдущей книги «Гоминиды».

Особая благодарность Арту Макдональду, Ph.D., директору Нейтринной обсерватории Садбери, и Дж. Дункану Хепберну, Ph.D., оперативному управляющему обсерватории. Также спасибо жителю Садбери Крису Холланду, который прошёлся по рукописи с частой гребёнкой.

Громадная благодарность моей любимой жене Каролине Клинк, моему редактору Дэвиду Г. Хартвеллу, моему агенту Ральфу Вичинанце и его помощникам Кристоферу Лоттсу и Винсу Джерар-

дису; Тому Догерти, Линде Квинтон, Дженнифер Маркус, Дженнифер Хант и всем остальным в издательстве «Тор Букс»; Гарольду и Сильвии Фенн, Роберту Говарду, Хейди Уинтер, Мелиссе Кэмерон, Дэвиду Леонарду и всем остальным в «Х. Б. Фенн и К°»; а также моим коллегам Теренсу М. Грину, Эндрю Вайнеру и Роберту Чарльзу Уилсону.

Особая благодарность Байрону Р. Тетрику, чьё приглашение поучаствовать в его знаменательной антологии *In the Shadow of the Wall: Vietnam Stories That Might Have Been* («В тени Стены: рассказы о Вьетнамской войне, какими они могли бы быть», изд-во «Камберлэнд Хауз») дало мне повод обдумать некоторые ключевые вопросы; бóльшая часть главы 22, в несколько ином виде, впервые появилась в этой антологии.

Бета-тестерами этой книги стали всегда проницательные Тэд Блини, Майкл А. Бурштейн, Дэвид Ливингстон Клинк, Марсель Ганье, Ричард Готлиб, Питер Халас, Говард Миллер, доктор Ариэль Райх, Алан Б. Сойер и Салли Томашевич; мне также выпало счастье работать с командой корректоров в составе Боба и Сары Швайгер.

Некоторые части этой книги были написаны на даче Джона А. Сойера на озере Канандэйгуа — спасибо, папа! Я также благодарен Николасу А.

Дичарио, у которого я останавливался во время своих визитов в Рочестер, штат Нью-Йорк, в котором происходит часть действия книги.

Йоркский университет, Нейтринная обсерватория Садбери и шахта «Крейгтон» существуют в действительности. Однако все персонажи книги — целиком и полностью плод моего воображения. Они не имеют никакого сходства с людьми, которые на самом деле занимают те или иные посты в этих или иных организациях.